ЕЖЕГОДНИКфинно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 1

Редакционный совет:

- В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
- Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
- А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) председатель
- Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
- А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
- А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
- В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
- В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
- И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
- Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
- М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
- С. Сааринен (Финляндия, Туркуский университет)
- К. Салламаа (Финляндия, Оулуский университет)
- С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
- И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
- Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
- Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
- В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

- В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- В. Н. Денисов (Санкт-Петербург-Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
- А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) заместитель гл. редактора
- Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
- Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
- Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
- Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
- Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
- И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
- Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
- Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ Международная ассоциация финно-угорских университетов ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 1

Ижевск

2012

УДК 08 ББК 94.3 Е36

Главный редактор – Γ . В. Мерзлякова, доктор исторических наук, профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – A. B. Uимуратов, кандидат педагогических наук, доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – Д. И. Черашняя

Езб **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 1 / Науч. ред. Г. В. Мерзлякова; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 132 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

- © Удмуртский государственный университет, 2012
- © Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
Насипов И. С. Об удмуртских заимствованиях в татарском языке
ФОЛЬКЛОРИСТИКА2
Пенькова М. В. К истории публикаций марийской несказочной
прозы (XVIII – нач. XX в.)
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ2
Арзамазов А. А. Инфинитивное письмо в поэтическом мире
Сергея Матвеева: структурно-семантические варианты
Жиндеева Е. А. Литература Мордовии как универсальный код
социума республики
Малева А. В. Одиночество как смысловая доминанта образа
лирической героини современной женской коми поэзии 5
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ 5
Круглый стол «История Удмуртии как научное направление
и учебная дисциплина в системе профессионального
образования: стратегии развития» 5
КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО 8
<i>Пчеловодова И. В.</i> К мифологическому содержанию удмуртских
музыкальных инструментов (по материалам Г. Е. Верещагина) 8
СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ 8
Научный семинар «Культурные ландшафты финно-угорского мира
в контексте географической науки»
Шутова Н. И. Культурный ландшафт Камско-Вятского региона:
основные итоги, принципы и методы изучения 8
Логинова Н. Н. Хозяйственное освоение ландшафтов финно-
угорскими наролами Волго-Уральского региона

Стурман В. И. Адаптивные аспекты культурных ландшафтов	
регионов проживания финно-угорских народов	112
$Ky дрявцев A. \Phi.$ Ландшафт как зеркало культуры	116
ОТЗЫВ	120
<i>Цыганкин Д. В.</i> О «Диалектологическом атласе удмуртского языка»	120
ЮБИЛЕИ	122
Ившин Л. М. Письменные памятники удмуртского языка в исследовательской деятельности В. К. Кельмакова	122

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.373.45 (=811.511.131)

И. С. Насипов

ОБ УДМУРТСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются заимствования из удмуртского языка в татарском литературном языке и в татарских народных говорах. Дается этимология около 100 лексических единиц.

Ключевые слова: татарский язык, удмуртские заимствования.

Из восточных финно-угорских языков в регионе Волго-Камья татарский язык интенсивно контактировал с марийским и удмуртским. По степени влияния на тюркские языки рассматриваемого ареала татарский языковед Р. Г. Ахметьянов из финно-угорских языков удмуртский язык расположил после марийского языка и перед мордовскими языками: 1) марийский, 2) удмуртский, 3) мокшамордовский, 4) эрзя-мордовский, 5) хантыйский, 6) коми [3. С. 37].

Удмуртский язык, наряду с коми языком, относящимся к пермским языкам финно-пермской ветви финно-угорских языков, испытал, по мнению Б. А. Сереберенникова, заметное влияние камско-булгарского, а позднее татарского языков, что отразилось и на уровне лексики, и на грамматическом строе. Удмуртский язык приобрел особенности, которые не встречаются в других финно-угорских языках, не подвергшихся такому влиянию; кроме того, тюркские языки способствовали сохранению в удмуртском языке некоторых типологически однородных особенностей, сложившихся в общепермскую эпоху [20. С. 109]. Поэтому изучение финно-угорско-тюркских языковых контактов и взаимодействия удмуртского и татарского языков, в частности, немаловажно в исследовании языковых процессов в Волго-Камье.

История изучения этого вопроса и научное описание татарских заимствований в удмуртском языке наиболее полно представлены в трудах И. В. Тараканова. Материалы по татарско-удмуртским языковым контактам можно почерпнуть из работ отечественных и зарубежных языковедов, посвященных исследованию различных аспектов взаимоотношения и взаимовлияния тюркских народов

с финно-угорскими. Ценные материалы представлены также в работах, изучающих взаимодействие тюркских языков Урало-Поволжья (башкирского, чувашского) с другими финно-угорскими языками.

Большинство тюркологов и финно-угроведов справедливо отмечают сильное влияние тюркских языков на удмуртский язык не только на уровне лексики, но и на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Например, Э. Беке насчитал более 20 однотипных (схожих) синтаксических явлений, из которых в 16 случаях употребление синтаксических конструкций почти полностью совпадает с соответствующими синтагмами татарского языка. До 73 сходных синтаксических черт у финно-угорских и тюркских языков отмечено в работах Д Р. Фокоша-Фукса [21. С. 15].

Б. А. Серебренников не раз обращал внимание на структурно-типологические сходства татарского и удмуртского языков как следствие довольно интенсивных связей удмуртов с татарами в течение многих столетий. Например: 1) в фонетике — возникновение в удмуртском языке ударения на последнем слоге; 2) в морфологии — образование по татарской модели составных глаголов (деепричастие + вспомогательный глагол), глагольное значение причастия в соединении с притяжательными суффиксами, образование своеобразной изафетной конструкции, увеличение частотности деепричастий, соединение двух существительных с помощью падежных форм и др.; 3) в синтаксисе — распространение предложений с отглагольными оборотами, тенденция к постановке глагола в конце предложения и др. (правда, это явление в удмуртском языке развито в гораздо меньшей степени, чем в марийском) [20. С. 265–269].

Т. И. Тепляшина охарактеризовала краткий гортанный взрывной смычный звук в языке бесермян и, наряду с другими сохранившимися в нем древними чертами, отнесла его к исключительно субстратным явлениям. Она отметила, что такой звук встречается в диалектах финно-угорских языков, имеющих или имевших непосредственное соприкосновение с тюркскими языками [23. С. 39—40].

Характерные для татарского языка и его отдельных говоров лексические и фонетико-грамматические особенности обнаруживаются в большинстве говоров удмуртского языка, находящихся в контактных зонах с татарскими говорами (В. К. Кельмаков, Р. Ш. Насибуллин, И. В. Тараканов). В удмуртском языке зафиксировано около двух тысяч татарских лексических единиц [21]. При этом наибольшее влияние оказали на него говоры среднего диалекта татарского языка. Возможно, в восточных финно-угорских языках тюркских заимствований было значительно больше, однако многие из них в силу социально-исторических условий, очевидно, были вытеснены позднее словами, заимствованными из русского языка.

Если вопросы татарско-удмуртских языковых контактов детально изучены на всех языковых уровнях, то другая сторона языкового взаимодействия — влияние удмуртского языка на татарский — еще ждет более основательного исследования. Ряд работ (Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, Н. Х. Ишбулатова, Н. Х. Максютовой, С. Ф. Миржановой и др.) затрагивает лишь отдельные ее стороны. Ценные материалы об удмуртских заимствованиях в татарском языке можно почерпнуть из монографий, посвященных тематическим группам татарской лексики (Ф. С. Баязитова, Н. Б. Бурганова, О. Н. Бятикова, Д. Б. Рамазанова, Р. К. Рахимова, З. Р. Садыкова,

Т. Х. Хайретдинова) и общей лексике языков народов Урало-Поволжья (Р. Г. Ахметьянов, А. Г. Шайхулов), а также из этимологических (Р. Г. Ахметьянов) и диалектологических словарей татарского языка (Л. Т. Махмутова, Ф. С. Баязитова, Н. Б. Бурганова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайретдинова, Г. К. Якупова; Л. У. Бикмаева, А. Г. Шайхулов). Актуальность изучения языковых контактов финно-угорских и тюркских языков в Волго-Камье побуждает к исследованию удмуртских заимствований в татарском языке.

По сравнению с тюркизмами в удмуртском языке в тюркских языках удмуртских заимствований значительно меньше. Так, нами выявлено более 100 лексических единиц, определяемых исследователями как заимствования из удмуртского или же приобретения, связанные с этим языком, а также лексемы от общих удмуртско-марийских, удмуртско-мордовских, удмуртско-марийско-мордовских лексических параллелей. Таковыми, на наш взгляд, в словарном составе татарского языка являются следующие лексемы.

Алан — «лесная поляна», «прогалина в лесу», диал. «крытая площадка» (удм. диал. алан «лесная полянка, лужайка в лесу», «елань», мар. алан «поляна», «специальная вырубка в лесу для поляны», финн. ala «территория», alanko «низменность», «низина», эст. аланг «низина», карел. аланго, вепс. аланг «долина», «низина», «открытое низменное место» и др.) [5. С. 54].

Бәпчек заказан.-блт. «молодой отросток», пар. «молодой отросток у овса, деревьев», *бәпчек күшәсе* заказан.-мам., *бәпшек күшә* заказан.-блт., *бәпшек күшәсе* заказан.-дуб. «борщевик», *бәбәк* менз. «борщевик», заказан.-лш. «стрелка лука» (*бәп*- от общеперм. *раb* «росток, стебель, ботва» + афф. -чек / -шек; ср. коми паб «ботва», удм. пубы «ножка детская» [11. С. 13; 18. С. 214].

Божо йачкалау бесер.-крш. «наряжаться, делать маскарад» (удм. вожо «божество страха и привидений», вожо кыл (мадь) «святочный рассказ; сказка, рассказываемая во время святок», см. вожодыр уст. «святки», вожоаськыны уст. «рядиться, одеваться в маскарадный костюм», вожоаськыса ветлон «ряженье»).

Бочон у бесермян-кряшен имеет значение «свояк» (удм.) [9. С. 104].

Бугур нокр. «клубок» (удм. бугор «клубок»).

Бүкән бир., перм., к.-уф., пар., нагорн.-трх., злт., менз., *букен*, *пукен* глз., нокр. *пукин* «табуретка», м.-кар., ичк. «сидение вообще, стул, табурет», «стул из обруба дерева», «чурбан, пенек», «стойка бревенчатого дома», пар. *бүкен киезе* «подстилка для стула» (удм. *пукон* «стул, табуретка», *пукыны* «сидеть»; мар. *пукен* «стул»; коми *пукони*, *пукавны*, *пукалны*, *пукны* «сидеть», диал. *пукан джек* «детский стульчик»; коми-перм. *пукавны* «сидеть»; мар. *путаш* «высиживать птенцов, сидеть на яйцах», *путыш цывы* «наседка-курица» [2. С. 107; 22. С. 145–175].

Быры, буры глз., боры балез. «клубника» вм. лит. *жир жиләге* (удм. боры «клубника») [22. С. 165; 6. С. 130; 27. С. 69].

Бышымны чабата «лапоть с холщевым верхом», бышымны қынжырық «обувь из шкуры с холщовым верхом» (быш- от удм., коми пыш «кудель, конопля»; мар. г. муш «пенька, кудель»; морд. м. мушка «волокно», «кудель»; морд. э. мушко «конопля», «кудель», отсюда мишар. мошко; общеперм. *púč «конопля» [19. С. 150].

Геби, гыби нокр. «гриб, грибы», чебен геби «мухомор», ачы гыби «волнушка (гриб)» (удм. губи «гриб, грибы», «грибок — болезень») [6. С. 130].

Гомо глз., нокр. «любое растение с полым стеблем», *аңғыра гомо* глз., нокр. «болиголов», *йонно гомо* глз., нокр. «купырь лесной» (удм. *гумы* «труба, трубочка из полого стебеля травы») [22. С. 165].

Гырбыр у бесермян-кряшен «праздник в честь окончания сева яровых» (удм. *гербер* «праздник в честь окончания сева яровых», «Петров день», от *геры* «плуг» + бер- послелог «за, после») [9. С. 104].

Дегәнкәй, дегәчи, дигәшкәй, дашкай диал. «взрослый гусёнок; гусь» (удм. диго, дигонь «гусыня; гусёнок»; ср. морд. э. дига (поэт.), дьига, карел. дьига, селькуп. тека, tőka «гусь») [13. С. 66]. Они «древние финно-угорские слова» [5. С. 169].

Жен заказан., менз. «сухожилие, пищевод», *йен* менз., тпк. «пищевод»; ср. мал. «затылок», *йенчек*, *женчек* перм. «голень», *йен тамыры* «загривок» (удм. сон, мар. шүн, шон, сүн, коми., финн. suoni «пищевод; сухожилие») [5. С. 185].

Зебет нокр. «скромный, сдержанный», «деловитый, способный, старательный», зебетлек нокр. «скромность, сдержанность» (удм. зйбыт «тихий, смирный, скромный», зйбытлык «сдержанность, скромность; кротость, спокойствие») [22. С. 165].

Зый «годичные кольца или вообще узоры на срезе дерева», «струя древесного волокна» (удм. $c\ddot{u}$ «слой», nucny $c\ddot{u}$ «(камбиальный) слой дерева»; мар. г. uu, uu, мар. л. uu, «годичный слой, годовое кольцо древесины»; коми cu «волокно, волосок»; ср. фин. syy «волокно, фибра» [5. С. 203].

Йуж нокр., неж балез. «наст» (удм. юж «наст») [22. С. 165].

Йумал нокр., глз. «сладкий», «пресный», «недосоленный, недостаточно соленый, малосоленый» (удм. *юмал* «пресный (о пище)», *юмал табань* «пресные лепёшки») [22. С. 165].

Кал'ага, каляга глз., кәлигә перм., бир., *тычы кал'ага* нукр. «брюква» (удм. каляга «брюква») [22. С. 165].

Кел нокр. «перхоть» (удм. *киль* «перхоть», «мякина», «чешуйка коры») [22. С. 165].

Келем, *келәм*, *киләм* нокр., *килем* глз. «конопля» (удм. *кенэм* «конопля; конопляное семя») [22. С. 165].

Кереч глз., нокр. «грязь; грязный». Ср. удм. *кырсь* «грязь, нечистота; грязный» [22. С. 165].

Кесийә нагорн.-крш. «синица» (удм. диал. *киса*, мар. *кёсиа, кисä, кёса,* мар. г. *кысиа* «синица») [15. С. 82].

Кечтун көн заказан.-крш. «поминки», «день поминания умерших» (удм. кисьтон, кисьтон карон «поминки», кисьтон карыны «устроить поминки») [7. С. 84].

Козаwыз, қызыwыз нокр. «хвощ полевой» (удм. кызаузы «молодые еловые побеги», «северюха» от удм. кыз «ель», возможно, также кыза + узы «земляника»; коми коз, мар. кож, морд. куз, манс kawt, хант. kol «ель» восходят к общеперм. koz-, доперм. $k\bar{o}ze$ -, kowse «ель») [11. С. 140; 18. С. 127].

Коткузы нокр. «оборки лаптей», «лапти» (удм. *кутгозы* = *кут* «лапти» + *гозы* «верёвка лаптей») [8. С. 86].

К'отор балез., *кутыр* глз., нокр. «вокруг, кругом, окольный» (удм. *котыр* «окрестность; округа; околица», «кругом, вокруг») [12. С. 93; 22. С. 165].

Қошо, кушу глз., нокр., кошо балез. «сорока» (удм. кочо «сорока») [22. С. 165].

Кобок, күбөк «цевьё, ложе у ружья», диал. гай. «ствол ружья», заказан.-атн. «рукоять сковородника», сиб. тат. «кастрюль», «сруб колодца» (күn* «дуплистое дерево» от удм. *гумы*, финн. *käämi*, саам. *габме* «ствол, трубка» и от древнего (финн-угор?) слова *kőbb \ddot{a} «дуплистый ствол дерева»).

Кужылы глз., нокр. «лесной муравей» (удм. *кузьыли* «муравей», коми. *кодзувкот, кодзыль*, фин. *kusiainen*) [10. С. 55–56; 22. С. 165].

Қыжылы нокр. «искра» (удм. кизили «звезда», «искра») [22. С. 165].

Кукамай «прабабушка; женщина, которая старше прабабушки», «миф. бессмертная старуха; баба-яга», «перен. безобразная старуха; старая карга» (удм. *гугама*, диал. (бесермян.) *кукамай* «Баба-Яга», мар. *кувай*, диал. *кугавай*, *кугу авай* «тетушка; бабушка») [11. С. 37].

Кукыл', кукыл'и нокр., чпр. «пирог, обычно с капустой, грибами, мясом» (удм. кукли «пирог», мар. г. кагыль «пирог») [8. С. 72, 93].

Кукчалау нокр. «клевать (о птицах)» (удм. *кукчаны*, *кокчаны* «клевать; поклевать») [22. С. 165].

Кумта эчк., менз., *қунта* эчк., сиб. тат. «маленькая коробка, ящик», *қумта*, *қунта* сиб. тат. «ящик, коробка, сумка» (удм. *куды*, мар. *комдо*, коми-зыр. *куд*, лопар. *конте*, хант. хайнт «лукошка», «короб из лубка»; эст. *котт* «мешок»; фин. konti «короб из бересты») [22. С. 80].

Кургид нокр., *коргид* глз., балез. «хлев, помещение для птиц и мелких животных, курятник» (удм. *коргид* «конюшня», «хлев» от *кор* «бревно, бревенчатый» + zud «конюшня, хлев») [10. С. 55–56; 22. С. 165].

Курыс, қуры заказн.-лш., нагорн.-кам.-усть. «лыко» (удм. *курьес* «корье» от удм. *кур*, коми *кыр*, *кырсь*. мар. *кур.*, *кыр*, *кур*, *кыр* «луб, лубок, кора дерева») [2. С. 108].

Кусыл глз. «прутья или веревка для закрепления параллельно воткнутых кольев изгороди» (удм. *кусул* «прутья для закрепления изгороди», «свясло, вязок») [22. С. 165].

Кутыртлау глз. «огородить», нокр. «обходить кругом, объехать вокруг» (удм. *котырт* «обойти, обходить, объехать», «обнести, загородить» + афф. *-лау*) [8. С. 43].

Кучкук нокр., глз. «комар» (удм. диал. *кузькук* «комар» от *кузь* «длинный», кук «нога») [10. С. 55–56; 22. С. 165].

Кышон бесер.-крш. «головной убор в виде полотенца» (удм. *кышон*, диал. *кышо́н* «головной убор замужней бесермянки в виде полотенца-платка») [9. С. 104].

Лабра менз. «жидкая грязь», «неряшливая женщина» (мар. *лавра* «грязь», удм. *напра* «гуща, жижа», «осадок») [2. С. 109].

Лажыр, лажыр илик глз. «ячмень на глазу» (удм. диал. лаур «туберкулез желез», «золотуха»; лаур "воронец", лауртурын «воронец колосистый», «купена») [27. С. 206].

Л'акыт глз., нокр. «как раз, впору», «удобно», лякытсыз глз., нокр. «неудобный» (удм. лякыт «вежливый, обходительный», «прилежный», «скромный», диал. «удобный; смирный»; лякыттэм «озорной, шаловливый; озорник, шалун») [10; 22. С. 165].

Лап нокр. «низменность», заказн.-блт. «ровный», *лапа* чст. «пологий, покатый», *лап жир* диал. «равнина», «низменность» (удм. *лап* «пологий», «низкий», «приземистый»; мар. г. *лап* «низина»; коми *ляпкыд* «низкий, мелкий, неглубокий»; морд. э. *лапужа* «сплюснутый», морд. м. *лапе* «плоский, плоскость»; венг. *lap* «плоский»; фин. *lappea* «тонкая железная пластинка») [22. С. 165; 2. С. 109].

Лапас «хозяйственная постройка, открытая с одной или двух сторон, с плоской или с чуть наклоном крышей для хранения сена, соломы на ней и предметов упряжи, экипажа, для укрытия скота от ветра и дождя, снега» (удм. лапас, диал. лабас «навес», «сарай», «лабаз»; коми. лобос «шалаш, балаган»; мар. леваш, лепас, «навес, крыша, кровля», «покрышка», «покрывало, одеяло»; морд. м. лапаз «навес, крыша», «шалаш», «полка для посуды», лапаскя «насест»; луп- в морд. э. лупоньбря «настил (под потолком в амбаре)», а также лоб- в коми лобос «кладовая при охотничьей избушке», саам. lūpps «место для посуды и продуктов», эст. lööv «(длинный) навес, шалаш» [14. С. 199].

Понгоз нагорн., чст., лонгоч чст., чпр. «посуда для хранения меда», лонгоц чст. «квашня», лонгоч чст. «деревянная посуда для соли», чст., чпр. «посуда для хранения меда», элонгоц чпр. «маленькая деревянная кадушка для квашения теста из пшеничной муки», крг.-миш. «деревянная посуда для квашения теста из пшеничной муки», элонгоз нагорн. «небольшая кадушка для квашения теста из пшеничной муки», элонгоз нагорн. «небольшая кадка, изготовленная из полого ствола дерева, для хранения меда, соли, квашения теста из пшеничной муки», лонгос «небольшая кадка, изготовленная из полого дерева» (удм. лянос «туес, бурак — берестяная посуда цилиндрической формы»; мар. г. лангыш «деревянная кадушка», «ведро», мар. л. ленгыж «кадка»; коми лянос «подойник»; хант. йинем «круглая корзина»; эст. lännik «кадка — высокая деревянная посуда»; общеперм. lanes «вид цилиндрической посуды») [22. С. 162].

 \mathcal{N} глз., нокр. «свободный» (удм. ляб «слабый, хилый», «перен. малодушный», «плохой», «тихий; тихо») [10. С. 55–56].

Ләпшү, ләпшәйү диал. «становиться вялым, дряблым (о мускулах)»; «вянуть, завянуть (о листьях)» (удм. *ляб* «слабый, тихий»; коми *ляб* «невыносливый», «чувствительный к боли», «слабый», «изнеженный»; морд. м. *ляпе, -пт* «мягкий») [2. С. 110].

Лого глз. «репейник» (удм. *люгы* «репейник, лопух», «репей») [12. С. 93]. **Мажис**, мажес нокр. «грабли» (удм. мажес «грабли») [22. С. 165].

Мал' перм. «брусника» (удм. *мульы* «ягода; плод», «косточка плода»; коми. *моль* «пуговка, косточка, бусинка»).

Миләш, мәләш тмн., кузн., хвл., чст., нагорн., злт., курш., стрл., мелиш гай., миләйеш перм., милеш, миләц, миләц, мулиш, мулиш, сиб. тат. миләц «рябина» (удм. палэзь, мар. пилзе, пизле, морд. пизёл, пизыль коми. пелысь, пелдизь, пелыш, финн. pihlaji, *pislaja) [2. C. 110].

Мис нокр., *мес* балез. «самка козла, овцы» (удм. *мес* «самка») [22. С. 166].

Морда, мурда заказан.-лш., заказан.-дуб., нагорн.-кам. усть., злт., менз., кргл., мырда заказан.-мам., тпк. нурдa «верша, морда, рыболовная снасть из прутьев» (удм. мурдo, мар. мopda, коми mopda «морда, верша»).

Мошко хвл., кузн., мышкы тмн., лбм., кузн., хвл., чст., шрл. «конопля»,

«конопляное волокно; пакля», мышқы менз., мышкы карс. «конопляное волокно; пакля», «стебель конопли», кара мошко / кара мышкы кузн. «конопля, не дающая семена (т.е. мужская особь)», стрл. «посконь, дерганцы», сары мошко / сары мышкы кузн., стрл. «семенная конопля; матерка, матка», кыр мошкосы стрл. «дикая конопля» (коми, удм. пыш «кудель, конопля», мар. муш «пенька, кудель», морд. м. мушка «волокно», «кудель», морд. э. мушко «конопля», «кудель», отсюда мишар. мошко, общеперм. *ри́с «конопля») [18. С. 238].

Можо перм., энежи лмб., эмеже, өмөжө перм., к.-уф. «малина» (удм. эмезь; мар. ынгыж; морд. м. инези, морд. э. инзей «малина», морд. м. вединзей «ежевика (ягода)»; коми *öмидз*; общеперм. *єтеў* «малина» [27. С. 71–72; 2. С. 112].

Мыры нокр. «яловая, нетель» (удм. *муры* «яловая», «бесплодный») [22. С. 166].

Нашмак нокр., бесер.-крш. «головной убор невесты в виде широкой ленты, прикрывающей лоб и лицо (остаются видными только глаза)», «вуаль; покрывало» (удм., мар. г. нашмак «головное украшение замужней женщины»).

Нәрәтә нагорн.-трх., менз., стрл., мәрәтә нагорн.-трх., мәрәшкә нагорн.-трх., закзан.-лш. «мерёжа, невод, бредень, рыболовные сети» (мар. диал., удм. диал. нарата «невод, морда», фин. merta «мережа; морда»).

Нерго нокр. «подарок родителей жениха невесте, в ответ на ее подарки» (удм. нерге «чин, обряд») [10. С. 55-56].

Нурды глз. «отава» (удм. *норды*, *норды* «отава», *норед* «отава», «поросль») [27. С. 206].

Өнчөрө перм. «мелкая рыба, малек» (удм. *чорыг* «рыба», *векчи чорыг* «мелкая рыба, мелочь», *чорыгпи* «малек, молодь»; коми. *чери* «рыба»)».

Папа глз. «мелкая птица; птичка», «насекомое», *корт папа* глз. «бабочка», жан папа нокр. «душа умершего человека (в религиозной мифологии)», «ночная бабочка» (удм. *папа* «птица; птичка») [10. С. 55–56; 22. С. 166].

Паршпил', парспил' нукр. «борщевик» (удм. парсыпель «борщевик обыкновенный») [27. С. 114].

Патре балез., *пәтери* глз., *пәтрә* нокр. «чердак, подволока», *пәтери баскыч* глз. «чердачная лестница» (удм. *патра*, диал. *петра* «предамбарник», «чердак») [22. С. 166].

Пешник, пишник глз., нукр., мечтук, печтек, пичтек перм. «хвощ полевой» (удм. пешник «побег полевого хвоща») [27. С. 128].

 $\pmb{\Pi u}$ нокр. «народ, человек», «чьи-нибудь сын или дочь» (удм. nu «сын»; коми nu «сын, мальчик», nu — «выходец»; коми-перм. nu «сын» (перн. «пазуха»); мар. $n\ddot{y}$: $n\ddot{y}$ эргы «мужчина»; хант. диал. $p\ddot{a}\gamma$ «сын, мальчик, парень») [10. С. 55–56; 22. С. 165].

Пигун нокр. «пушок птицы» (удм. *пигон* «пух, пушок», «зачатки перьев птиц» от nu «детеныш, птенец» + zoh «шерсть», «пух», «перо», «волосы на теле») [22. С. 166].

Пилмән «пельмени» (коми, удм. *пель* «ухо» и *нянь* «хлеб»; ср. удм. *пельнянь* «пельмени», диал. «пирог») [1. С. 440].

Порни глз. «пикульник» (удм. *порни* «пикульник») [27. С. 96, 206].

Поши, чст. *мыши*, *моши*, злт. *мошой*, менз. *мышый* «лось» (удм. *пужей*, мар. *пучо*, *пÿчо*, мар. г. *пучы* «олень», манси. *пааши*, коми. *пэж* «молодой олень» [1. С. 498].

Пугриж «огурец» (удм. *огреч* «огурец») [6. С. 130].

Пуйы «ламповое стекло» (удм. ?) [6. С. 130].

Пут глз. «лебеда», *ак пут* «белая лебеда», *кара пут* «черная лебеда» (удм. *пот* «лебеда», диал. «полынь»: *тодьы пот* «белая лебеда», *курыт пот* «полынь горькая») [6. С. 130].

Пуштурын нукр. «душица» (удм. *пычы, пычытурын, пыштурын* «душица») [27. С. 82, 206].

Пучы заказан.-крш., нокр. «верба, ива»; *пучы бәйрәме* заказан.-крш., нокр. «вербный праздник» (удм. *пучы* «почка (деревьев)», «верба») [7. С. 84].

Пыды нокр. «чаинки, остатки заваренного чая» (удм. *пыды* «барда», «гуща») [22. С. 166].

Пыртос, пыртус глз., балез. «примак; приемыш» (удм. пыртос «примак, приемный», «приемыш; муж, принятый в хозяйство») [10. С. 1–5; 22. С. 83].

Пыры нокр., *чай пыры* балез., *чәй поро* нокр. «чаинка» (удм. *пыры* «крошка, крупинка, чаинка») [22. С. 166].

Пышни глз. «очески льна, кострика» (удм. *пыш*, *пуч*, *поч* «конопля, посконь», *пыши* «кострика конопли, льна») [27. С. 190].

Сайқыт глз. «прохладно» (удм. *сайкыт* «чистый (о воздухе)», «ясный, светлый, прозрачный (о небе)», «свежий, прохладный») [10. С. 55–56; 22. С. 166].

Саламат глз., нокр. «мучная болтушка» (удм.).

Сәрдә лит., *зәрдә* нагорн.-крш., чст., *зәрәтә* гай., *сәрәтә* бир. «сныть (обыкновенная)» (удм. диал. *сÿрд*, *сурд* «роща»; коми *сорд* (в топонимике) «разновидность леса (роща?)»; общеперм. *cörd* «вид леса» // венг. *crdo* «лес, роща» [18. С. 261].

Сәұрә, *сәұри* нокр., *сәұре* глз. «бурак, маленькое ведерко из бересты для квашеного молока» (удм. *сарба*, *сарва* «бурак, маленькое ведерко из бересты», «туес») [22. С. 166].

Сирък нокр., глз. «угол (помещения, дома)», *серек*, *сирек*, *сарък* глз., нокр., балез. «угол, пересечение двух улиц; перекресток», *сирък* нокр., глз. «угол (помещения, дома)», глз. «край, сторона» (удм. *сэрег* «угол, уголок») [10. С. 55–56; 22. С. 166].

Coca «челнок» (удм. *суса, сусо,* мар. г. *шуша,* коми., коми-перм. *суса,* хант. *супса, супыс* «ткацкий челнок»).

Субат нокр. «пир в честь новорожденного», «праздник новоселья», глз. «пир в честь новорожденного» (удм. *сюан* «свадьба», *нуны сюан* «зубок») [10. С. 55–56].

 ${\it Cwnpэc}$ балез. «шалун, бойкий» (удм. $\it чуnpec$ «подвижный, живой, бодрый, бойкий, расторопный») [22. С. 166].

Тибәт глз., нокр., *тебет* балез. «пелёнка» (удм., диал. (сев., бавл.) *тэбэт* «пелёнка») [22. С. 166].

Төш «ядро (*орешка*)» (удм. *тысь*, мар. *туш*, коми. *тусь* «зерно; жито», «зерно, семя; ядро, косточка плода»).

Туж глз. «лабазник (таволга)» (удм. *тузь* «таволга, лабазник») [27. С. 144, 206]. **Чидун** «ясли, кормушка для скота» (удм. *сюдон* «кормушка») [6. С. 130]. **Чукул** «часть головного убора *сороки*».

Чулык, чул'ук крш. «старинный женский головной убор в виде платка с бахромой» (удм. *сюлык* «старинный женский головной убор в виде платка с бахромой») [6. С. 129; 9. С. 104].

Чүнәри глз., *чүрэни* нокр. «паук», *чүрэни* нокр. «паутина» (удм. *чонари* «паук»; коми *черань* «паук», коми-перм. «паук», «мизгирь» – результат метатезы согласных p– μ ; общеперм. \check{c} 'eran или \check{c} 'enar) [6. С. 130; 18. С. 303].

Чыжым, чыжым заказан.-мам. «усики у растений» (удм. *чыжы*, *чыжы*, *выжы* выжы «родня», «род»; мар. *шочаш* «родиться, возникнуть», *шож* «ячмень»; морд. э. *чачомс* «родиться, уродиться», *шуж* «ячмень»; коми *чужны* «родиться», «появиться», «прорасти», *чуж* «солод», *чужьем* «солод» от общеперм. *čиž* «родиться», «солод») [18. С. 312; 11. С. 139; 27. С. 30].

Шабалка, шабала нокр., глз. «половник» (удм. шабала «лемех»; коми шабала «сошный отвал») [10. С. 55–56; 22. С. 168].

Шакшы «грязный, нечистоплотный», «клеветническое слово», шақшы заказан.-блт., заказан.-лш. «гадкий, плохой, скверный», диал. шакшы+лану «стать грязным (о посуде, одежде и др.)» (удм. шакшы, мар. шакше «грязный; неряшливый, нечистоплотный», «дурной, нехороший, плохой») [2. С. 159].

Шелеп нокр., глз. «стружка, щепка» (удм. *шелеп* «щепка, стружка») [10. С. 55–56; 22. С. 166].

Шужы глз., *чыжы* нокр. «молозиво» (удм. *чожы*, коми *чож-: чожйов* «молозиво») [26. С. 88].

Шура нокр. «индюк». Башк. диал. *шурқы* (сев.-западн.) «индюк» (удм. *шора* «индюк») [10. С. 55–56; 22. С. 166].

Шылан «хвощ иловатый» (удм. *шилан*, мар. *шылан* «хвощ болотный») [22. С. 81]. **Шырбыз**: *шырбыз йафрак* глз. «подорожник» (удм. *шырбыж* «подорожник»,

«хвощ полевой») [27. С. 98]. **Ыштыр** «онуча, обмотка, портянка» (удм., мар. *ыштыр*, *иштер* «шерстяная или суконная онучка», «портянка», фин. *hattara*) [2. С. 112].

Ылыс «хвоя; ветка», *лыс* глз., злт., «хвоя» (удм. *лыс* «хвоя; ветка», мар. *лусь*, коми *лыс* «хвоя», доперм. **lüs* «хвоя») [27. С. 30].

Эмиспикур нокр. «матица, балка» (удм. эмеспи «жених», кор «бревно»).

Таким образом, проанализированные выше лексические единицы могут быть признаны удмуртизмами в татарском языке. Из них лишь около 20 единиц общеупотребительны и зафиксированы в толковых и двуязычных словарях татарского языка: алан; зый; көбәк; кукамай; лапас; миләш,; мурда; пилмән; поши; сәрдә; соса; төш; шакшы; шылан; ыштыр; ылыс. Степень употребления разная, большинство из них сегодня относится к пассивному составу лексики и помечено в различных типах нормативных словарей как слова устаревшие. Многие имеют в говорах (в основном среднего диалекта) эквиваленты, различающиеся фонетическими, словообразовательными или семантическими особенностями. В нормативных словарях диалектными словами помечены только дегәнкәй, курыс, ләпшү, пима. Они находят парраллели в марийском, реже — в мордовских языках.

Из общего количества удмуртских заимствований в татарском языке абсолютное большинство лексем употребляются в нукратовском говоре среднего диалекта татарского языка: бугур, быры, геби, гомо, зебет, зәлкә, йуж, йумал, кал'ага, келем, кереч, қозаwыз, қотқузы, қ'отор, қошо, қужылы, қуқыл', қуқчалау, қургид, қусыл, қутыртлау, қучқуқ, қышон, лажыр, л'акыт, лап; л'әп, лого, мажис, мис, мошко, мыры, нашмак, нергә, нор, нурды, өнчөрө, папа, паршпил', патре,

пешник, пи, пигун, порни, пугриж, пуйы, пукен, пут, пуштурын, пучы, пучы бәйрәме, пыды, пыртос, пыры, пышни, сайқыт, саламат, сәүрә, сирәк, сүбәт, сюпрэс, тибәт, туж, чидун, чукул, чүнәри, шабалка, шелеп, шужы, шура, шырбыз. В названном говоре таких заимствований, возможно, намного больше.

Нами не использованы для анализа лексические единицы, отношение которых к удмуртскому языку требует дополнительного изучения. Большинство из них Ф. С. Баязитова отметила как удмуртизмы [8]. К таким словам можно отнести, например, акыл'тылатып «уставать»; амма «старшая единокровная сестра», «женщина старше себя»; амыкуй «форма обращения к старшей сестре»; анатлау «оставлять, бросать»; бичий «родственный»; зиллекәй «скворец»; зыпут эти «съежиться, сморщиться»; йокалай, йукалай, йукаланып «собирать»; кукука «кукла»; кызу «пар»; кыйбуды «чертополох»; л'аба «мостик»; мыну «кукла»; нанай печин «крушина»; чырыш богол аш «болтушка, суп с клёцками»; пугриж «рыба»; патачкалап, путачкалап «мутнеть»; пыт'ырып «стелька»; пошу'лаган «подшитый»; мол'ок «кантар, глыба»; уналсын «оживший, оживать»; пуш «жердь, шест» (удм. *пу* ч «жердь, шест»); *m'ym'y: каз m'ym'y* «гусенок»; о'молот «веревка снопа»; маштылай «сгребание граблями» – удм. мажсаллян «сгребание граблями»; ыдбурча «надворные постройки»; коркапрум «праздник новоселья»; козулы «парный»; чидун «ясли, кормушка для скота»; ут у «пастбище»; өмез, умез «лемех сохи»; бече «потомки, родство» и др.

По справедливому мнению Φ . С. Баязитовой, в нукратовском говоре функционирует большое количество древних слов, не имеющих аналогий ни в других говорах татарского языка, ни в удмуртском. Например, *шәйкә* «лохань, ушат»; *темеләр* «разбрасывать»; *кадига* «брюква»; *темеләр* «посуда »; *чәрки* «кожаная обувь» и др. [8. С. 46, 54, 66, 147].

Дополнительного этимологического обоснования требуют также такие лексические единицы, как, например, *акашка* бесер.-крш. «праздник перед весенним севом» (удм. *акашка*, *акаяшка* «первая борозда (праздник перед весенним севом)», «пасха» (уст.), *акашка уй* «пасхальная ночь») [6. С. 131]; *зәлкә*, *кара зәлкә* нокр., глз. «скворец» (удм. *зиллкей* «скворец») [6. С. 130]; *дива* м.-кар. «дикий лук» (удм. бавл. *кирд уа* «дикий чеснок») [22. С. 165]; *туйыз* перм., трбс., менз. «береста» (удм. *туй* «берёста; берёстовый, берестяной»; коми *туйыс* «туесок», «туесок из бересты») [27. С. 168] и др.

В регионе проживания причепецких татар распространены многочисленные топонимические названия, образованные от татарских и удмуртских географических терминов. Например, микротопонимы ачкон'ук, кат'кыз, суганбыр — названия полей; гундурлут чокор, гондыр аджон, лепетешур, сорот, кондор — названия оврагов; карйол урман, душко урман, йыбык урман — названия лесов и др. [8. С. 26].

Определенное количество удмуртских заимствований употребляется в периферийных (маргинальных) говорах среднего диалекта татарского языка, в основном в приуральском регионе: бәпчек, бүкән, жен, кәлигә, қумта, лабра, мал', мәшкә, меле, мөжө, туйыз.

По нашим материалам, знаменательно также то, что удмуртские слова не представлены в говорах мишарского диалекта. Слово *ләнгәз*, возможно, за-имствовано говорами мишарского диалекта из марийского языка через говоры среднего диалекта. А слово *мошко* — из мордовских языков. Слова *нәрәт*а и *мәшкә, мәшкәкләү* проникли в стерлитамакский говор мишарского диалекта из мензелинского говора среднего диалекта татарского языка.

Этими же причинами, возможно, объясняется функционирование общеупотребительных слов мәләш, мыши / моши, сәрдә, пима в отдельных говорах мишарского диалекта: мәләш тмн., кузн., хвл., чст., курш., стрл. «рябина»; мыши, моши чст. «лось»; сәрдә чст. «сныть (обыкновенная)»; пима стрл. «валенки», «валяные башмаки», чобар пима стрл. «пестрые валенки». В зоне татарско-удмуртских контактов в удмуртских заимствованиях обнаруживается явно мало мишарского компонента, но его наличие подтверждают этнографические материалы [24. С. 84].

Большинство удмуртизмов в словарном составе татарского языка находит параллели в чувашском и башкирском, поэтому некоторые из них в татарском языке могут быть также вторичными заимствованиями, что прежде всего касается чувашских параллелей.

Татарско-башкирско-чувашские параллели: бүкән — бүкән — пукан, покан; жен — йен — чён; қумта — қумта — кунта; қурыс — қурыз, қурыс, қурыс, қурыс — курас, корас; көбәк — күбәк, көбәк — кавапа; лабра — лапы — лапра; лап — лапы — лап, лапа; лапас — лапас; ләнгәз — ләңкәс — ленкес; ләпшү — лапшыу — лёпёшкен; мал' — маль, көртмәле, көртмәлек, көртмә, көртмәлин — кетмел, кетмел, херле кетмел; миләш — миләш, мәләш — пилеш; морда — мурза — мурта, морда; нәрәтә — нәрәтә — нерет; пима — быйма — пайма, пима; поши — мышы — паши; сәрдә — сәржә, сәрзә — серте; соса — қоса, çоса, çуçа — аса, саса, уса, суза; шабалка — шабала — çапала; шылан — шылан — шалан; ылыс — ылыс — ласа, лас.

Татарско-башкирские параллели: алан - алан; бәпчек - бәпкә; мәшкә - бәшмәк, мәшкәк; меле - меле, мәле, мөлө; мөҗө - өмөҗ, өмөҗе, өмөҗө, әмеҗе; нор - нор; өнчөрө - өнгөрө, өнчүре; пешник — печтек; пилмән - билмән; пут - алабута; туйыз - туйыз; шура - шурқы; ыштыр - ыштыр.

Татарско-чувашские параллели: акашка - ака яшки; бочон — пусане; геби — кампа; зебет - сапа; кесий - касая; қуқамай - кукамай, кокамай, коками, кук; қукыл' — кукал; нашмақ — масмак; чулық - сулак.

У нижеследующих лексических единиц мы не обнаружили параллели в башкирском и чувашском языках. Для них характерно то, что функционируют они в основном в нукратовском говоре татарского языка: божо йачкалау, бугур, быры, бышымны чабата, гомо, дегәнкәй, дива, зәлкә, зый, йуж, йумал, кал'ага, келем, кереч, кечтун көн, қозаwыз, қотқузы, қ'отор, қошо, қуқчалау, қургид, қусыл, қутыртлау, қужылы, қыжылы, қышон, лажыр, л'акыт, лого, мажис, мошқо, мыры, нергә, нурды, папа, паршпил', патре, пи, пигун, порни, пугриж, пуштурын, пучы, пыды, пыртос, пыры, пышни, сайқыт, саламат, сәүрә, сирәк, субәт, сюпрэс, тибәт, төш, туж, чидун, чүнәри, чыжым, шакшы, шелеп, шужы, шырбыз.

Количество удмуртских слов, вошедших в татарский язык, невелико по сравнению с татаризмами в удмуртском языке, однако они указывают на древние и длительные культурно-экономические связи татар с удмуртами. Заимствование

слов из удмуртского языка в татарский осуществлялось в процессе непосредственного общения носителей говоров.

В целом весь объем заимствований из финно-угорских (марийского, мордовских и удмуртского) языков в татарском языке количественно, по нашим данным, не превышает 300 единиц. Это затрудняет определение степени влияния финно-угорских языков на формирование и обогащение словарного состава татарского языка. Тем не менее исследование выявленных лексических единиц позволяет проследить их территориальное распространение, степень употребления в литературном языке и в народных говорах, семантическое наполнение слова в историческом развитии и на современном этапе. Они выступают как показатели важнейших социально-исторических процессов, происходивших в ходе формирования татарского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Aникин A. E. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 788 с.
- 2. Арсланов Л. Ш., Исанбаев Н. И. К вопросу о марийских заимствованиях в татарском языке // Советское финно-угроведение. 1984. № 2. С. 104–114.
- $3. \, Axметьянов \, P. \, \Gamma. \,$ К вопросу о взаимовлиянии финно-угорских и тюркских языков Поволжья и Приуралья // Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ. Казань: ИЯЛИ, 1971. С. 37–39.
- 4. *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
- 6. *Баязитова Ф. С.* Взаимовлияние татарского и удмуртского языков в говорах причепецких татар // Пермистика-2: Вихманн и пермская филология: Сб. статей. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ, 1991. С. 126-132.
- 7. *Баязитова Ф. С.* Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. Казан: Матбугат йорты, 1997. 248 б.
- 8. *Баязитова Ф. С.* Нократ сөйләше. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш һәм йола терминологиясе фольклор. Казан: Дом печати, 2006. 288 б.
- 9. *Баязитова Ф. С., Бурганова Н. Б.* Новые данные о говоре причепецких татар // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 91–108.
- 10. Бурганова Н. Б. Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962. Вып. 2. С. 19–56.
- 11. *Бурганова Н. Б.* О татарских народных названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань: ИЯЛИ, 1976. С. 125–141.
- 12. *Бурганова Н. Б.* Удмуртские заимствования в татарском языке (на материале говора глазовских татар) // Тезисы и доклады Всесоюзной конференции по финноугорскому языкознанию. Ижевск, 1967. С. 1–5.
- 13. Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. Т. 1. 239 с.
- 14. Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. Т. 2. 123 с.
- 15. *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970. 225 с.

- 16. *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1970. 304 с.
- 17. *Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.
- 18. *Лыткин В. И., Гуляев В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- 19. *Махмутова Л. Т.* О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962. Вып. 2. С. 57–85.
- 20. Серебренников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Наука, 1960. 300 с.
- 21. Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.
- 22. Тараканов И. В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск: УдНИИ, 1982. С. 145–175.
- 23. *Тепляшина Т. И.* Об одном волжско-камском ареальном явлении // Советская тюркология. 1972. № 3. С. 35-40.
- 24. Уразманова Р. К. Календарный цикл обрядов чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: КФ АН СССР, 1978. С. 86–94.
- 25. *Хайрутдинова Т. Х.* Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода). Казань: ИЯЛИ, 2000. 128 с.
- 26. Xайрутдинова T. X. Названия пищи в татарском языке. Казань: ИЯЛИ, 1993. 141 с.
- $27.\ X$ айрутонова $T.\ X$. Народные названия растений в татарском языке. Казань: Фикер, 2004. 224 с.

Поступила в редакцию 10.01.2012

I. S. Nasipov

About the Udmurt borrowings in the Tatar language

In the article we consider borrowings from the Udmurt language in the vocabulary of the Tatar language dialects and they are of local usage. The etymology of 100 lexical units are presented.

Keywords: the Tatar language, the Udmurt borrowings.

Насипов Илшат Сахиятуллович,

доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биишевой», г. Стерлитамак

E-mail: nasipov2004@rambler.ru

Nasipov Ilshat Sahiyatullovich,

Doctor of Sciences (Philology), professor, Sterlitamak State Pedagogical Academy Sterlitamak

E-mail: nasipov2004@rambler.ru

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(=511.151)"17/19"

М. В. Пенькова

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ МАРИЙСКОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ (XVIII – НАЧ. XX в.)

Рассматриваются основные этапы сбора эпического фольклора марийского народа и первых попыток научного его изучения. В период XVIII – нач. XX в. были выявлены и собраны первые образцы эпических текстов устного творчества, зафиксированы имена народных героев, упоминавшиеся ранее лишь в народной словесности.

Ключевые слова: фольклор, фольклорная экспедиция, несказочная проза, народный эпос мари, марийские просветители, Финно-угорское общество, «Марла календарь».

Сбором и изучением марийских преданий изначально занимались исследователи культуры русского народа: путешественники, ученые, любители-краеведы, состоящие в различных научных обществах. В XVIII в. в связи с организацией сбора материалов о народах Российского государства ученые-путешественники (И. Г. Георги, Н. П. Рычков, Г. Ф. Миллер) записывали отдельные сведения и об устном творчестве марийцев, но академические экспедиции лишь «приоткрыли завесу» к нему. В частности, Г. Ф. Миллер причины своей неудачи видел в консервативно устроенных механизмах передачи исторической памяти, отвергающих все, что не связано с «языческим законом» [13]. Доступ исследователей к знаниям марийцев могло ограничивать также незнание их языка, быта и культуры, что, в свою очередь, рождало ошибочные положения и субъективизм в оценке эпического творчества марийского народа. Примером может служить высказывание И. Г. Георги, который в своем «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» (1776) отмечает, что черемисы являются непросвещенными людьми и «...преданий о бывших с предками их приключениях не имеют» [6]. Н. П. Рычкову удалось лишь частично выявить «словотворчество» черемисов [21]. В эпоху усиленной колонизации марийцы, вероятнее всего, были недоверчивы не только к представителям царской администрации и духовенству, но и, тем более, к ученым. Поэтому первые попытки собрать среди марийцев материал не увенчались успехом и, как следствие, породили среди исследователей

ложные представления о способностях марийского народа к художественному творчеству.

Наиболее плодотворная работа относится к 1840—1860-х гг., когда члены Императорского Русского Географического Общества Н. И. Золотницкий, С. А. Нурминский, С. К. Кузнецов и др. стали вести углубленную работу непосредственно в среде носителей марийской культуры. Результаты исследований отражены в опубликованных трудах: «Очерк религиозных верований черемис» (1862) С. А. Нурминского, в котором автор представил устное творчество марийцев в неразрывной связи с окружающей действительностью [19], «Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис» (1877) Н. И. Золотницкого, где сделана попытка исследовать влияние арабского и русского культурных миров на мифологию мари [18].

Особый интерес представляют работы С. К. Кузнецова. Еще будучи студентом Казанского университета, он в 1874 г. написал «Исторический очерк села Черемисского Малмыжа», опубликованный в «Вятских губернских ведомостях» (№№ 13–16, 18, 21) [8]. Летом 1878 г. он посетил вятских марийцев и год спустя опубликовал материалы своего исследования в этнографическом очерке «Четыре дня у черемис во время Сюрема» (1879), где приведено предание местных марийцев об Акпатыре, их родоначальнике-вожде [9]. В 1905 г. был опубликован его труд «Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария», представленный как результат экспедиций исследователя в Уржумский и Яранский уезды Вятской губ. В нем Кузнецов приводит черемисскую легенду «о славном, могучем богатыре Чумбылате, известном решительно всем черемисам... которого уржумские черемисы зовут Немда курык кугыза – "дедушка Немдинской горы", или *Курык ўмбал керемет* – "на горе живущий Керемет", красноуфимские черемисы – Кугу ен – "великий человек", а все остальные черемисы – просто Курык кугыза (или кугузя) – "горный дедушка"» [10]. Ученый особо подчеркнул роль и значимость места поклонения марийцев этому божеству. Он знал не только марийский язык, но и мордовский, удмуртский, и всесторонне изучал жизнь финно-угорских народов. Опубликованные им исследования были переведены на немецкий и финский языки.

Наряду с исследованиями фольклора проявился интерес к археологии. Так, вятчанин А. А. Спицын изучал археологическое прошлое Вятского края, а также эпические фольклорные произведения марийцев, удмуртов и коми, стремясь восстановить древнюю историю народов [24].

25 января 1879 г. при Казанском университете открывается Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), его деятельность способствовала более активному собиранию марийского фольклора и первым попыткам его перевода на русский язык. Как пишет К. А. Четкарев, «образцы фольклора мари с более или менее точным переводом стали публиковаться со второй половины XIX века» [25]. Деятельность членов ОАИЭ была направлена на сбор фольклорных материалов для конкретного изучения вопросов истории, а также материальной и духовной культуры народов Поволжья, что способствовало выявлению многих проблем из древней истории марийцев и других поволжских народов, не имевших письменности. Были сделаны также первые попытки научного освещения отдельных вопросов марийского фольклора, в частности

установлена хронология событий Марийского края, выявлены имена марийских князей, военачальников, богатырей, таких, как Болтуш - предводитель вятских марийцев и Акпарс – предводитель горных марийцев [25]. Предания публиковались в «Казанских епархиальных известиях», «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Опираясь на них, некоторые авторы стремились выяснить историю существования легендарных личностей. В этом отношении «отличился» корреспондент, записавший под псевдонимом Н. и Н.Г.В. варианты марийского предания об Акпарсе. В своих статьях «Черемисское предание о взятии Казани» (газ. «Сын Отечества», 1887, № 112 от 3 мая) [17], «Черемисское предание, относящееся ко взятию русскими Казани» (газ. «Нижегородский биржевой листок», 1887, № 31) [16] он пытался доказать подлинность героической личности горномарийского предводителя Акпарса, помогавшего, согласно преданию, Ивану Грозному при взятии Казани. Марийские историки Г. Н. Айплатов и А. Г. Иванов считают, что, судя по инициалам, а также по содержанию и стилю изложения фиксированного исторического предания, автором этих публикаций является одно и то же лицо, и, несмотря на искаженное в обоих вариантах текста имя героя «Арпакс», остается очевидным, что это – первая публикация предания горных марийцев о своем герое. Тем более что публикатором предание было отмечено как «нигде не записанное» [1].

Во втор. пол. XIX в. в филологии появилось направление сравнительного анализа устного творчества родственных и соседствующих народов. Профессор Казанского университета И. Н. Смирнов публикует книгу своих исследований под названием «Черемисы» (1887) [23], посвятив в ней марийскому фольклору главу VI – «Народное творчество черемис. Космические мифы. Исторические предания, сказки, песни. Зародыши искусства и письма». Сравнивая религиозные сказания марийцев, удмуртов, коми, хантов, манси, чувашей, он устанавливает между ними признаки сходства и единства. В частности, И. Н. Смирнов считал, что в развитии марийской мифологии определяющую роль играла булгарская мифология, и обратил также внимание на связь сказаний о марийских великанах Онарах с эпосом кавказских народов о Нартах: «Любопытно сравнить с черемисскими рассказами о нарах или онарах и кавказские рассказы о великанах нартах. Гибель онаров, алангасаров и наров одинаково связана с началом земледелия» [23]. Отметим, что этот вопрос исследовал марийский ученый В. А. Акцорин, упоминавший об удмуртском варианте сказаний о великанах – алангасарах [2].

Говорить сегодня о корректности первых разграничений жанров устного творчества марийцев было бы не совсем верным. Но значение деятельности первых исследователей подтверждается результативностью их собирательской работы.

В этом направлении работал также член ОАИЭ К. Рябинский, который исследовал черемис, живущих на левобережье Волги. Летом 1899 г. он совершил экспедицию в с. Арда (ныне – Килемарский р-н Республики Марий Эл) и записал несколько эпических текстов [22]. Как отмечает К. А. Четкарев, каждый собиратель считал необходимым обмолвиться о народном творчестве мари, наспех напечатав результаты своих исследований, где только возможно, и не задумываясь о «правдивости» и объективности своих умозаключений [25]. Поэтому многие выводы

относительно устного творчества марийцев не совсем верны. Тем не менее это были первые опыты подобного рода в истории изучения марийской несказочной прозы, и в этом их значение для последующего изучения фольклора.

По заданию Русского Географического Общества, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, а также миссионерских обществ Казани, Вятки, Нижнего Новгорода активную собирательскую деятельность вели представители местной интеллигенции – выходцы из простого народа, просветители XIX в.: П. Ерусланов, Г. Яковлев, И. Моляров, В. Васильев и др. Их работа состояла не только в сборе различных жанров фольклора, но и в фиксации культурных и бытовых особенностей марийцев. В большинстве своем это были местные учителя, работавшие в самой среде носителей устного творчества марийцев. Один из первых горномарийских просветителей – школьный учитель Кузнецовского прихода И. Я. Моляров записал не только обычаи местных жителей, но и имена божеств, связанных с данными обычаями и ритуалами, и сам текст народного повествования о них. Записанное им предание горных марийцев об Акпарсе было опубликовано в «Известиях по Казанской епархии» в 1873 г. [15]. Значимым в информативном отношении является и очерк Г. Яковлева «Религиозные обряды черемис», разносторонне представивший жизнь мари с примерами из текстов о божествахкереметях [26]. Предания о татарской крепости Чалым, о ярмарке «Торгоца» в сер. XIX в. записал С. М. Михайлов, исследователь истории и культуры русского, чувашского и марийского народов; он подробно охарактеризовал важные стороны духовной культуры горных марийцев XIX в. [14]. В кон. XIX в. В. М. Магницкий записал предание о Пашкане, в котором отразились события времен присоединения Марийского края к России в сер. XVI в. [11]. П. Ерусланов в ходе лексикографической работы (составление «Черемисскорусского словаря восточного наречия») широко использовал примеры словесного творчества марийцев [7].

Собирательская деятельность исследователей XIX в. и местных просветителей способствовала систематизации и изданию текстов устного творчества марийского народа. Тогда же было организовано издание материалов по этнографии народов Поволжья, включая и предания марийцев, в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, в «Казанских епархиальных известиях», «Губернских ведомостях», «Нижегородских биржевых листках», в «Православном собеседнике» и др.

Наряду с собиранием устного творчества марийцев членами Русского Географического Общества и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, были попытки их перевода текстов на русский язык и разграничения материала устного творчества на отдельные жанры. В этом направлении плодотворно работали местные краеведы и просветители.

В кон. XIX в. сбором материалов фольклора, в том числе и эпического творчества марийцев, занимались также иностранные ученые. В 1883 г. в Гельсингфорсе образовалось Финно-Угорское Общество, одним из направлений которого стало изучение финно-угров Поволжья и Приуралья (этот регион некоторые финские ученые считали территорией формирования предков финно-угров). Так

началось систематическое исследование финно-угров России извне. Общество планомерно направляло научные экспедиции для изучения языка, культуры, быта, устного творчества родственных народов в сравнительно-историческом плане.

Активными финскими исследователями были В. Поркка, А. Генетц, Г. Й. Рамстедт, Х. Паасонен. В. Поркка в 1885–1886 гг. собирал различные фольклорные материалы в Морках (ныне – Моркинский р-н Республики Марий Эл), в чем ему помогал учитель Г. Я. Яковлев. Собранные материалы В. Поркка опубликовал в 1895 г. в Финляндии под редакцией А. Генетца [30]. В свою очередь А. Генетц в 1887 г. совершил поездку к восточным марийцам, проживавшим на территории современной Башкирии и Свердловской области. С помощью местного священника-марийца Н. Т. Удюрминского он записывал легенды, сказки, загадки, заклинания, молитвы, песни и частушки, опубликовав их в 1889 г. отдельной книгой [31]. Чуть позднее, в 1902 г., были опубликованы материалы, собранные Г. Й. Рамстедтом у горных мари [33]. Х. Паасонен издал работу с материалами марийского словесного творчества в 1939 г. [32].

Необходимо заметить, что финские ученые собирали фольклорные материалы для разрешения общих проблем финно-угроведения. Научная мысль была направлена на вопросы происхождения финно-угорских народов, их культурной взаимосвязи в прошлом. Общие древние элементы, характерные для всех финно-угорских народов, они искали, прежде всего, в области языка и этнографии. И фольклорные произведения были материалом для решения лингвистических и этнологических проблем.

Подчеркнем, что именно финские исследователи впервые опубликовали большое количество народных эпических произведений на марийском языке, что существенно важно при изучении связи фольклора с историей. Не менее важны переводы этих текстов на финский и немецкий языки, благодаря чему широкому кругу исследователей-фольклористов Европы стал известен самобытный марийский фольклор, в частности эпическое творчество.

Материалы народного эпоса, собранные русскими, марийскими и финскими исследователями XIX в., послужили толчком к широкой собирательской деятельности среди марийской интеллигенции XX в. Первая русская революция открыла возможность издавать в 1907–1913 гг. на марийском языке первый светский журнал «Марла календарь» («Марийский календарь») – уникальное культурное явление того времени, положившее начало развитию марийской литературы.

Редколлегия во главе с этнографом, фольклористом, музыковедом, писателем В. М. Васильевым уже в первых номерах «Марийского календаря» обратилась к местной интеллигенции с призывом собирать и изучать фольклор, в том числе легенды и предания, в целях изучения древней истории марийского народа: «Марий-шамыч, марийын тошто поры мутшым, туштыжым, мурыжым, кумалтыш-мутшым, йомакшым — чылажымат погэн, пэш сайын войзэн тышкы колтыза!» («Марийцы, собирайте и присылайте нам старинные сказания, загадки, песни, сказки своего народа» [12].

На призыв редакции откликнулись местные учителя. Начинающий в то время писатель С. Г. Чавайн печатает литературную обработку предания о богатырях-онарах — Чавае, Мустае, участвовавших в исторических событиях

XVI в. [12], предание о марийском князе Йыланде, участнике походов Ивана Грозного на Казань и другие.

В нач. XX в. исследователи фольклора Вятской губернии сумели записать неизвестные до того времени тексты несказочной прозы и установили бытующие среди удмуртов, русских, татар и марийцев циклы преданий о марийских богатырях, князьях, боровшихся за независимость своего народа. Некоторые предания восходят к XV–XVI вв., отражающим момент присоединения марийцев к Русскому государству. Удмуртский фольклорист и писатель К. П. Чайников (Кузебай Герд) записал русский вариант марийского исторического предания о князе Болтуше [20].

Активную собирательскую деятельность в это же время ведет и Венгерская Академия наук. В 1905—1906 гг. в Марийский край приезжают с экспедицией финский ученый Ю. Вихманн и его жена — венгерка Ю. Вихманн, которые с помощью местных учителей собирают различные жанры фольклора, включая эпические тексты, а также материалы по прикладному изобразительному искусству и этнографии. Материалы эти будут опубликованы в 1931 г. в переводах на немецкий и финский языки [29].

Венгерская Академия наук в период Первой мировой войны вела большую работу среди марийцев-военнопленных. Ученый Э. Беке собирал материалы по религии, этнографии и народному творчеству. Он записал уникальные примеры фольклорных эпических текстов (опубл. в 1938 г. отдельным сборником — «Tscheremissische märchen, sagen und erzählungen» и изданы в переводе на венгерский и немецкий языки — оригинальный текст дан в транскрипции — в Венгрии, Финляндии и Норвегии). Э. Беке записал фольклорные произведения от представителей разных этнических групп марийцев, причем его записи отличаются совершенством фонетической транскрипции, разнообразием текстов и материалов. К примеру, он зафиксировал и волшебные сказки, и непосредственно тексты с героической тематикой [34]. Его публикации сыграли большую роль в пропаганде произведений марийского фольклора.

Таким образом, к нач. XX в. марийские, русские, финские и венгерские исследователи располагали записями марийских текстов, на основе которых можно было изучать отдельные проблемы связи фольклора с историей. Но эти записи и публикации были разбросаны по различным печатным изданиям и рукописям. Обобщить же их было трудно, к тому же среди марийской интеллигенции еще не было образованного специалиста-исследователя, а отсутствие постоянного национального печатного органа тормозило изучение фольклорных памятников.

Интенсивное изучение исторических преданий начинается после Революции 1917 г., давшей свободу для развития национальной интеллигенции, науки и культуры. Старая дореволюционная интеллигенция, накопившая опыт в области изучения фольклора, в первые годы Советской власти проявила большую активность в сплочении любителей-краеведов для организации изучения и сбора произведений народного творчества. Образованное 21 января 1918 г. Малмыжское историческое общество провело большую работу по сбору исторических, генеалогических, топонимических преданий. Они хранятся в рукописном фонде краеведческого музея города Малмыжа. Опираясь на фольклорные тексты, собранные вятскими исследователями, можно выяснить многие вопросы

переселения марийцев на территорию бассейна реки Вятка, взаимоотношений между марийцами и булгарами, между марийцами и удмуртами.

Активную деятельность в нач. 1920-х гг. ведет В. М. Васильев, участвующий в организации Марийского краеведческого общества. Он же пишет программу-памятку для сбора народного творчества этнографического материала, предметов народного прикладного и изобразительного искусства [5].

Члены краеведческого общества собирают эпические тексты наряду с другими фольклорными жанрами. Т. Е. Ефремов, совершив экспедиции в Сернурский и Моркинский кантоны, записал сказания о марийских князьях Илпае, Йыланде и опубликовал предание о гусляре Тотаре, участнике штурма Казани в эпоху Ивана Грозного. Различные произведения устной прозы марийцев печатаются в газетах «Йошкар кече» («Красный день»), «Ўжара» («Заря») и других местных периодических изданиях. В работе Марийского краеведческого общества участвовали представители местной русской интеллигенции.

Большой вклад в марийскую фольклористику 20-х гг. XX в. внес марийский историк М. Н. Янтемир, опубликовавший предания, бытовавшие в различных кантонах Марийской автономной области. Из его трудов можно узнать о происхождении сернурских, торъяльских и других марийцев, для чего он привлекал народные произведения с генеалогическими, топонимическими, богатырскими, историческими сюжетными линиями. Его высказывания о происхождении тех или иных этнических групп марийцев сохраняют большой научный интерес [27]. В кон. 1920-х гг. он ставил вопрос о сходстве сказаний марийцев о великанах с нартскими сказаниями кавказских народов [28], чем преодолевал узко региональные интересы и заложил начало сравнительно-исторического изучения марийских преданий.

В 1920-х гг. Марийское краеведческое общество еще не располагало достаточными материальными средствами, чтобы финансировать фольклорные экспедиции. Проблемой было отсутствие специалистов по фольклору. Но в 1930-м г. открылись Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и отдел фольклора в нем, после чего стало возможным приступить к систематическому сбору и изучению марийского фольклора. Отметим, что 30-е гг. XX в. оказались самым плодотворным периодом в истории изучения и собирания эпических произведений марийского народа. За время фольклорных экспедиций по республике и вне ее в 1934–1936, 1938–1939 гг. было записано большое количество преданий. В экспедициях участвовали ведущие марийские фольклористы К. А. Четкарев, А. М. Бердников и др.

Таким образом, в истории собирания и изучения марийских преданий можно выделить несколько этапов. Первый этап (XVIII в.) – отдельные записи первых ученых-путешественников об устном творчестве марийского народа.

Второй этап (XIX в.) — начало плодотворной работы собирателей марийского фольклора и дальнейшего его изучения членами Русского Географического Общества и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, собирательской деятельности местных просветителей и учителей. Благодаря Финно-Угорскому Обществу и Венгерской Академии наук начинается систематическое исследование и публикация произведений устного творчества марийцев.

В нач. XX в., который мы выделяем как третий этап, в исследования марийских преданий включились образованные активисты и представители марийской интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Айплатов Г. Н., Иванов А. Г.* Первые публикации исторических преданий об Акпарсе // Марийский археографический вестник. 2001. № 11. С. 103–106.
- 2. Акцорин В. А. Марийские легенды и предания в свете исторической взаимосвязи народов Поволжья // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 4. Межнациональные связи марийского фольклора, литературы и искусства. Йошкар-Ола, 1984. С. 5–14.
- 3. *Акцорин В. А.* Проблемы отражения истории в марийских легендах и преданиях // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 3. Д. № 315.
 - 4. Быль о Чумбылате. Йошкар-Ола: ГУП РМЭ «Газета «Марий Эл», 2002. 32 с.
- $5.\,Bacuльев\,B.\,M.\,$ Материалы для изучения верований и обрядов мари. Краснокок-шайск, 1927. 92 с.
 - 6. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. 1776.
- 7. *Ерусланов П*. Черемисско-русский словарь. Архив Санкт-Петербургского отд. Ин-та востоковедения РАН. Р. II. Оп. 5. № 3.
- 8. *Кузнецов С. К.* Исторический очерк села Черемисского Малмыжа (Малмыжского уезда Вятской губернии) // Вятские губернские ведомости. 1874. № 13–16, 18, 21.
- 9. *Кузнецов С. К.* Четыре дня у черемис во время Сюрема. Этнографический очерк. Издание Имп. Русского Географич. общества. СПб., 1879.
- 10. *Кузнецов С. К.* Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария // Отдельный оттиск из «Этнографические обозрения». М., 1905. Кн. 62.
- 11. Магницкий В. К. Предание о Пашкан Керемете // Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань, 1892.
 - 12. Марла календарь. Казань: Центральная типография, 1909. № 3-4.
- 13. $Mиллер \Gamma$. Φ . Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., Изд. Имп. Акад. наук, 1791. С. 41–46.
 - 14. Михайлов С. М. Сундырская гора // Казанские губернские ведомости. 1852. № 29.
- 15. *Моляров И*. Беседы к черемисам Кузнецовского прихода // Известия по Казанской епархии на 1873 год. Казань, 1872. С. 220.
- 16. H. Черемисское предание, относящееся ко взятию русскими Казани // Нижегородский биржевой листок. 1887. № 31. 8 февраля.
- 17. *Н.Г.В.* Черемисское предание о взятии Казани // Сын Отечества. 1887. № 112. 3 мая.
 - 18. Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. Казань, 1877.
- 19. Очерк религиозных верований черемис // Православный собеседник. Казань, 1862. Ч. 3. № 12. С. 236–296.
- 20. Полтыш князь черемисский. Малмыжский край. П. 528. Йошкар-Ола: Центрмузей им. В. Колумба, 2003. С. 21.
- 21. Рычков Н. П. Журнал или путевые записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 годах. СПб., 1770–1772.
- 22. *Рябинский К*. Ардинский приход Козьмодемьянского уезда. Исторические сведения. Языческие верования и обычаи черемис. Черемисское население // Известия ОАИЭ при Казанском ун-те. 1900. Т. 16. Вып. 2. С. 176–212.

- 23. *Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. C. 176–179.
- 24. Спицын А. А. К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка, 1888; Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы археологии восточных губерний России. Приуральский край. М., 1893. С. 227.
- 25. *Четкарев К. А.* Из истории собирания и публикации марийского фольклора до 1917 года // Труды МарНИИ. Вып. 1. Козьмодемьянск, 1939. С. 63–82.
 - 26. *Яковлев Г. Я.* Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. C. 85–86.
- 27. Янтемир М. Н. Описание Маробласти. С приложением списка населенных пунктов кантонов. Краснококшайск / М. Н. Янтемир. Йошкар-Ола. Изд. У.М.С. Маробоно. 1926—1929 гг. Вып. 6. Оршанский кантон. Краснококшайск, 1927. С. 83—94.
- 28. Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Сернурский кантон. Йошкар-Ола, 1928. Вып. 7. С. 17.
- 29. Volksdichtung und volksbrauche der Tscheremissen. Herausgegeben von Yrjö Wichmann. Helsinki, 1931.
- 30. Volmari Porkkas Tscheremissische Texte mit Ubersetzung. Herausgegeben von Arvid Genetz // Journal de la Societe finno-ugrienne. 1895. Vol. 13.
 - 31. Genetz A. Tsheremissische Sprachstudien. Helsinki, SUSA. 1889.
 - 32. Paasonen H. Tscheremissische Texte. Gesammelt von H. Paasonen. Helsinki, 1939.
 - 33. Ramstedt G. Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsinki, MSF. 1902.
- 34. Tscheremissische märchen, sagen und erzählungen. Gesammelt und herausgegeben von Eden Beke. Helsinki 1938. Suomalais-Ugrilainen Seura.

Поступила в редакцию 25.01.2012

M. V. Penkova

From history of publications of Mari non-fairytale prose (XVIII century – the beginning of the XX century)

The article considers the basic stages of data collection and the first attempts of scientific studying of epic folklore of the Mari people. The considered periods are 18 century and the beginning of 20 century. At this time the first samples of epic texts of folklore of Maris have been identified and collected, the names of national heroes, mentioned earlier only in folk literature are fixed.

Keywords: folklore, folklore expedition, non fantastic prose, national epic of the Mari people, Mari educators, Finno-Ugric Societi, «Marla Calendar».

Пенькова Мария Викентьевна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории г. Йошкар-Ола

E-mail: marnii@mari-el.ru

Penkova Maria Vikentievna,

Candidate of Science (Philology), senior research associate, Mari research institute of language, literature and history Yoshkar-Ola

E-mail: marnii@mari-el.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09(=511.131)

А. А. Арзамазов

ИНФИНИТИВНОЕ ПИСЬМО В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ СЕРГЕЯ МАТВЕЕВА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Представлен структурно-семантический анализ инфинитивных форм в поэтической модели мира современного удмуртского писателя Сергея Матвеева. Через исследование инфинитивного кода выявляются разновекторные тенденции в когнитивно-грамматической матрице творческого миротекста: с одной стороны — авторская ориентированность на традиционные языковые установки удмуртской поэзии 1970—1980-х гг., с другой — «осторожный» выход на новые формы и состояния отдельных грамматических структур.

Ключевые слова: грамматика поэтического текста, инфинитивное письмо, интертекстуальные маркеры, типы инфинитивности.

Грамматика поэтического текста как особое семиотическое измерение в современном литературоведении регулярно становится объектом исследования. Поэтический текст – пространство сложных и подчас имплицитных языковых процессов, связанных с ментальностью, психологией авторского «Я», интертекстуальным воздействием, «общим» и «локальным» культурным контекстом. Грамматика удмуртской поэзии с точки зрения структурно-семантической ресурсности представляется одной из тех сфер, где осуществляются «микроскопические» перевороты, стимулирующие развитие художественного языка. Понятие «грамматика», следует заметить, в гуманитарном дискурсе утрачивает свою первостепенную лингвистическую функцию, превращаясь в некий философско-культурологический конструкт. И в этом смысле категория инфинитива, будучи важным и обязательным элементом поэтической грамматики, является самостоятельным семиотическим и даже культурным «текстом», который репрезентирует резонансность/соотнесенность удмуртского поэтического мышления с другими финно-угорскими, русской (славянскими), романскими, тюркскими литературными традициями и поэтическими «состояниями» языков. Инфинитивы в структуре литературного произведения выполняют различные функции, играют разные роли. Однако, наибольшего семиотического значения они достигают составляя так называемое инфинитивное письмо (ИП).

Под инфинитивным письмом подразумеваются тексты, содержащие достаточно автономные, «независимые» инфинитивы [1]. Абсолютными инфинитивами, по А. К. Жолковскому, могут считаться инфинитивы, образующие самостоятельные предложения, не подчиняющиеся никаким управляющим словам или связкам и грамматически не привязанные к конкретным лицам и более специальным модальностям. Кроме этого, состав инфинитивного письма могут образовывать однородные инфинитивные серии, зависящие от одного управляющего слова и благодаря своей протяженности развивающие мощную инерцию. Разумеется, вышеперечисленными случаями инфинитивное письмо не ограничивается: имеют место самые разные ситуации развертывания инфинитивов в художественных, поэтических текстах: «скупые» единичные инфинитивы (впрочем, контекстуально порой обретающие статус смысловой доминанты), «двухэтажные инфинитивы», разветвленные «инфинитивные гроздья», взаимосвязанные с деепричастиями и обстоятельствами, «населяют» мир литературы. ИП может рассматриваться не только sub specie синтаксических позиций и возможностей, но и в когнитивном измерении конкретного текста/серии текстов. ИП в удмуртских поэтических текстах с точки зрения количественных и качественных показателей - почти terra incognita, что и предопределяет, «подогревает» исследовательский интерес. Упомянутая замкнутость удмуртского ИП обусловливается тем, что, в силу иной ступени развития национального языка, грамматически и семантически оно менее самостоятельно и независимо versus русское ИП, коммуникативное назначение удмуртских инфинитивов до конца не прояснено. Относительно природы удмуртского ИП речь может идти об «агглютинативности» поэтического сознания; в финно-угорских языках центральное место занимает глагол, создавая особую динамику лирического самораскрытия. При рассмотрении удмуртских инфинитивных конструкций следует учитывать значительное влияние русскоязычной (а через нее – мировой) литературы, которое способствует грамматическому раскрепощению удмуртского художественного универсума. Цель данной работы – описать семиотическое положение ИП в поэтическом мире Сергея Матвеева.

Сергей Матвеев – современный удмуртский писатель – так же, как и его творческие друзья (В. Ар-Серги, П. Захаров), является литературным универсалом: он прозаик, поэт, переводчик. Однако, в отличие от Вячеслава Ар-Серги или Петра Захарова (первый – очевидный прозаик, второй – поэт), Сергея Матвеева непросто определить в одну родово-жанровую группу: его прозаические произведения («Шузи» «Дурачок», «Чорыгъёслэсь лушкам кылбуранъёс» «От имени рыбы») не умаляют значимости/значительности поэтического творчества. Стоит заметить, что его романы (вероятно, в силу дефицита хорошей прозы в удмуртской литературе) получили больший читательский резонанс, чем поэтические сборники и работа С. Матвеева в области перевода. К настоящему времени поэтический корпус С. Матвеева состоит из нескольких книг на удмуртском языке («Мылкыд» «Настроение», «Лул» «Душа», «Чурыт пус» «Твердый знак»), русскоязычного сборника «Фиолет» и одного эстонского издания. О поэзии С. Матвеева написаны аналитические работы, его эстетическая позиция обсуждается и иногда осуждается (особенно представителями «старшего» писательского поколения). Поэтический миротекст Матвеева сочетает в себе эгоцентрический прагматизм «Я», урбанистическую утомленность,

dolce far niente («сладкое ничегонеделанье»), которое обостряет в лирическом субъекте чувственное начало и «открывает» телесность. Не удивительно, что при таких экзистенциальных координатах лирическое «Я» становится пленником рефлексии, самоанализа, воспоминаний и горько-сладостных предвкушений. Эта дорога ведет к глубинным внутренним разладам, разочарованиям и потерям. В литературоведческих работах о современной удмуртской поэзии немало сказано о способах интеллектуального самопредставления Сергея Матвеева. Его поэтическое творчество пронизано отсылками к различным культурным источникам – именам писателей, художников, музыкантов и их произведениям. Подобная культурологическая «плотность» текстов, казалось бы, должна приветствоваться критическим сообществом, однако в случае с Матвеевым это не работает. Автор, используя интеллектуальные маркеры, играя в интертексты, не рискует развивать контексты, обозначенные тезисно (заглавием/посвящением/эпиграфом). В результате периодически возникает иллюзия художественной включенности в первоисточник, «высвечиваются» пунктирные опыты понимания большой литературной традиции. Вместе с тем, зафиксированные в поэтических текстах имена/фамилии/книги/картины/музыкальные произведения свидетельствуют как минимум о потребности в переконцептуализации эстетических ориентиров, об отмене социалистических тематических констант, о формировании нового языка поэтических переживаний. Есть основания заключить, что основные поэтические интересы Сергея Матвеева сложились уже в первом сборнике «Мылкыд». Данное издание включает и ранние стихотворения (датируемые началом 80-х), и относительно «зрелые» (конец 80-х). Ранние стихи, в которых угадывается влияние Владимира Романова и Михаила Федотова (в том числе – и инфинитивное), как правило, лишены интеллектуального и урбанистического пафоса, присущего «зрелому» Матвееву. Они изобилуют «наивной» романтикой, образ девушки/ женщины изображается в нежных светлых тонах. В стихотворных произведениях пер. пол. 1980-х ключевыми являются темы дружбы, внутренней соотнесенности лирического «Я» с жизнью природы, тема ускользающего времени.

ИП в двух рассматриваемых сборниках («Мылкыд» и «Чурыт пус») в количественном измерении неравномерно - в первой книге инфинитивов больше, однако в сборнике «Чурыт пус» (1999) есть стихотворения с радикальной инфинитивностью, отсылающей не столько к удмуртскому поэтическому прошлому, сколько к инфинитивным структурам русского поэтического мира. В книге «Мылкыд» инфинитивы выстраиваются по традиционной схеме (в конце строфы, ИП2, ИП3, ИП4), акцентируя знакомые мотивы и интонации, ведущие к творческому мировоззрению Михаила Федотова: «Кезьыт тёл ымныре ке пельтэ, / азьлане мыныны туж секыт. / Огнадэ куддыръя берыктэ – / чигнаны кутскиськод тон сэрыт... / Но уг яра, уг яра ноку / тöл пумит огнадлы мыныны. – / Тон вöзын котькытын но котьку / мукетъёс ведь кулэ мыныны...» [2. С. 26] – «Если холодный ветер дует в лицо, / идти вперед очень сложно. / Тебя иногда заносит – / отступать начинаешь ты быстро... / Но нельзя, нельзя никогда / идти против ветра одному. – / Рядом с тобой везде и всегда / другие должны идти...». Инфинитив движения мыныны «идти», встречающийся в тексте дважды, безусловно, имеет экзистенциальный смысл (мыныны чередуется с глаголом луыны

«быть» и подразумевает развитие, моделирование своего будущего, судьбы). Однако, при очевидной «персоналистичности» жизни, замыкаться на собственном «Я» не представляется оптимальным – «ветер» злого рока (ключевой образ Михаила Федотова) вынуждает отступать, необходима поддержка, лирический субъект нуждается в «других»/«своих». Некоторые ранние поэтические экзерсисы С. Матвеева написаны явным соцреалистическим почерком: «комсомольские» настроения и символы еще не гаснут на горизонте художественно-литературного обновления. В стихотворении «Жадисьтэм сюлэм» («Неустающее сердце») инфинитивы рассказывают о жизни молодого, «неустающего» сердца, живущего высокими заботами и порывами: «Кызьы уз шумпоты ужась сюлэм?! / Кызьы уз мозмы со?! / Уз кырза со?! / Уз чорты ас сьораз юн кужымен?! / Кызьы уз жугиськы гадьын туж зол?! / Соин ик вань асьме югыт сюлэм – / Ваньзэ со ужъёсты быдэсьяны. / \ddot{O} 3 луэ ке соос, пумен каллен / $\ddot{3}$ ырдыт сюлэм кутскоз, дыр, чакмыны» [2. С. 29] – «Как не будет радоваться бьющееся сердце?! / Как не будет тосковать оно?! / Не будет петь оно?! / Не позовет с собой силой?! Не будет биться в груди стремительно?! Поэтому у нас есть доброе сердце – / Исполнять все эти дела. / Если не будет их, постепенно / Горячее сердце начнет, наверное, чахнуть». Оригинальной кажется вопросительно-восклицательная игра. Некое подобие инфинитивной серийности можно заметить в цикле «Автобусын» («В автобусе»), состоящем из четырех небольших фрагментов (три из них – наблюдения). Лирический герой входит в автобус и начинает всматриваться в пассажиров. Так рождаются поэтические монологи-обращения, еще не наполненные отталкиванием от чужих и неинтересных лиц в сторону абсолютизации «Я», здесь – видимость соучастия. Вот один из портретов-монологов с «инфинитивными включениями»: «Нош отйзгес: мой кышномурт / Лекгес тусо ымнырыныз / Укно сьоры учке чурт-чурт / Вырзылисьтэм синъёсыныз. / Нош мар меда солэн сюлмаз? / (Инкуазь бен сётымтэ тодны). / Оло, солэн малпанъёсаз – / Бызись дырез дугдытыны?» [2. С. 49] – «А там: немолодая женщина / С немного злым лицом / Смотрит сурово в окно / Неподвижными глазами. / Что же у нее на сердце? / (Природа не дала нам знать). / Быть может, в ее мыслях – / Остановить быстротечное время?...».

В последней строке инфинитив артикулирует тему времени, ушедшей женской молодости. Ранний Матвеев чувствителен к антитезе «молодость — старость». «Инфинитивной» оказывается тема девичьей чистоты, которую воспевает лирическое «Я» (стихотворение «Тынад чылкытэдлы» — «Твоей чистоте»): в тексте еще нет и намека на «мускулинно-матвеевское» художественное вмешательство в это женское-чистое: «Йыбырттйсько тынад чылкытэдлы... / Тынад мусо мозмыт учкемедлы / дась сётыны ваньзэ-ваньзэ котьку — / Шудбур вуэн мон пыласько соку, / Ыркыт, капчи луоз сюлэмелы. / Вань малпанэз кылын ке луысал, / Чик кельтыть, ваньзэ ик сэраны, / Чебер-чебер гинэ кылбураны... / Уг лу вылэм. / Шорад учкылыса, кыльёс косыт кылё ук — вераны. / Мон сылйсько возад чал-чалмыса» [2. С. 58] — «Преклоняюсь перед твоей чистотой... / За твой милый грустный взгляд / Готов отдать все-все всегда — / Купаюсь в счастье я тогда, / Свежо, легко моему сердцу. / Если бы можно было услышать все мысли, / Связать их, не оставив ни одной, / Очень красиво сочинять стихи... / Нет,

нельзя, оказывается. / Когда смотрю я на тебя, словами это не передать. / Я стою рядом с тобой притихший». Чистоту хочется поэтизировать, возвысить, но она настолько волнующе-восхитительна, что не поддается словесному выражению, остается вдохновлено молчать. И инфинитивы являются грамматическими акцентами возвышенного отношения к женщине, подчеркивают первичность слова (вербализации) в палитре эмотивных реакций лирического героя.

В сборнике «Мылкыд» один из лейтмотивов – неразделенная любовь. Несмотря на всю устремленность героя приблизиться, стать «своим», ответное чувство не складывается, Она ускальзывает от него, растворяется среди других. Осознание того, что взаимная любовная идиллия с «нужной» девушкой невозможна, вынуждает лирического субъекта в стихотворении «Котькуд нунал артэ вамышьяськом» («Каждый день рядом идем») найти другую – наотмашь, чтобы не быть одному: «Иське, ноку-ноку но асьмелы / öвöл кылдэм сюлмысь *Зыгырскыны. | Ас в*öзысьтым ик кинэ ке эшлы | Мон висъяло ини чош мыныны. / Тон сузёнтэм мыным. Вождэ эн вай. / Аслам улмопуысь улмо утчай...» [2. С. 78] – «Значит, нам никогда-никогда / Не суждено от всего сердца обняться. / Какую-нибудь знакомую девушку / Я выберу вместе идти. / Ты недосягаема для меня. Не обижайся. / Со своей яблони яблоко искал...». «Скромная» инфинитивная перекличка И2, разумеется, включена в сюжет этой лирической обиды – не обнять ее, не идти с ней вместе. Обращает на себя внимание несвободная от соцреалистической номинации манера обращения эш («друг», «товарищ»). Нереализованная любовь в сценарии стихотворения не знает ласковых слов только полуофициальные «друзья/товарищи». Странность и сложность женского мира проецируются на отношения брата и сестры. В стихотворении «Бадзымез сузэре бызьыку» («Когда старшая сестра выходила замуж») авторское «Я» эксплицирует-высмеивает свою детскую приближенность к женскому: «Мон öй тоды соку люкыны / «Пиосмурт» – «кышномурт» ужъёсты. / Яратй выжъёсты миськыны, кыскыны ярат скальёсты...» [2. С. 91] – «Я не мог тогда разделять / «Мужскую» – «женскую» работы. / Любил мыть полы, любил доить коров...». Неожиданное признание «Я» корреспондирует с первым, поверхностным взглядом на содержание текста – изначально кажется, что поэт написал стихотворение от женского лица (такие формы «ролевой» лирики встречаются в современной удмуртской литературе), как бы выступая в роли младшей незамужней сестры. Иллюзия гендерного недоразумения задает комический контекст восприятия. ИЗ в стихотворном тексте семантически сопряжено с «женской» реальностью, с ироническим настроем автора vs женщинский мир. Аналогичная модель ИЗ в стихотворении «Гуртысь потй мон улонэ» («Из деревни я вышел в жизнь») имеет более высокую степень грамматической обособленности инфинитивов: первый инфинитив серии находится вне «глагольных отношений» и маркируется абстрагирующим многоточием. Другие инфинитивы, окруженные причастием/ прилагательным, усугубляют непривычное отсутствие первого «авторского» лица, создают эффект обобщенности поэтического высказывания: «Кема öвöл сётйськыны... / Нош вормыны, котьма ке но, секыт. / Ведь сьодэзлэн сыче уга мылкыд – / Со чылкытсэ дась саптаны...» [2. С. 65] – «Не долго сдаться... / А побеждать обычно сложно. / Ведь у черного есть такое качество – Чистое оно

готово испачкать...». Самым «инфинитивным» текстом дебютного сборника «Мылкыд» является стихотворение «Инмаре, вай мыным улыны» («Господи, дай мне жить»), претендующее на роль «прорисовывающейся» духовной доминанты «Я»: во-первых, в тексте объявляется решительное «Нет» социалистическому мироустройству; во-вторых, делается это через утверждение христианской риторики: «Инмаре, вай мыным улыны: / Коммунизм лэсьтытэк – огшоры, / Зульытэк кузялэс кылыным, / Мылкыдме усьтытэк мыддорин. / Инмаре, вай мыным улыны: / Лыдъятэк кинэ ке кузёен, / Инкуазьлэн визьмыныз валаны, / Турынэз турнатэк кусоен. / Басьтыса сю дас вить пол дас ар, / Мозмонлэсь ческытсэ валаны, / Адями луонэз каргаса... / Инмаре, со луиз ке озьы – / Сураськоз мугоры омырен. / Инмаре, пиналыд тон азьын / Аслэсьтыз ик ачиз ик куре...» [2. С. 94] – «Господи, дай мне жить: / Не строя коммунизма – просто так, / Не болтая длинным языком, / Не выворачивая свои желанья наизнанку. / Господи, дай мне жить: / Не считая кого-то хозяином. / Разумом природы жить, / Не скосивши траву косой. / Взяв сто пятнадцать раз по десять лет, / Понять сладость тоски, / Проклиная, что я человек. / Господи, если это будет так, / Смешается мое тело с воздухом / Господи, твое дитя перед тобой / Сам у себя же просит...».

Инфинитивная модель И5 – это два чередующихся глагола улыны – «жить» и валаны - «понимать»: они задают еще одну смысловую зону текста - конструирование идеальной модели мира лирического субъекта. Ему хочется жить исходя из собственных гносеологических принципов/потребностей, жить по своей правде. Сильная позиция «Я» в тексте (манифестация своего видения «как надо»), вероятно, проецируется на грамматико-инфинитивный аспект: инфинитив понимания валаны соотносится с лирическим субъектом без грамматически «ослабляющих» местоимений и лиц, становясь одним из семиотических центров произведения. Немало инфинитивных структур различной сложности в цикле «Тыныд» («Тебе»). Написание цикла стихов – заметная черта удмуртского литературного процесса 90-х гг.: почти каждый поэт пишет свой цикл, словно предъявляя не столько читателю, сколько коллегам-оппонентам (alter ego?) еще одну грань поэтического мастерства. Цикл Сергея Матвеева «Тыныд» (1990) входит в пространство урбанистической лирики, ставшей своеобразной предтечей удмуртского этнофутуризма. О «любви в большом городе» писали М. Федотов, В. Шибанов, В. Ар-Серги, П. Захаров. Как правило, она несчастливая, безответная, «треугольная», резонирующая с индустриальными пейзажами, «обломками» удмуртского-мифологического, негибкостью и нечуткостью города к внутреннему миру художника. Цикл «Тыныд» – 13 стихотворений, повествующих о тайных взаимоотношениях мужчины и женщины; это тексты – с изрядной долей романтизма, с обилием слез, горько-кислым вином, ожидаемонеожиданными звонками, ревностью, с «чужими ветрами поцелуев». Автор, без сомнения, убедительно поэтизирует любовь на два фронта, «l'amour après...». Инфинитивы в тексте sub specie формальной репрезентативности довольно «робкие»: это или И2, или «разбросанные» по строфам единичные инфинитивы, то скромно представляющие сентиментальные интересы «Я», то демонстрирующие его глубокое отчаяние, то «кричащие» о невозможности что-либо изменить. Два рифмующихся инфинитива в третьем стихотворении цикла констатируют страх

внезапной встречи с Ней, с ее пронзающим взглядом: «Кышкасько пумиськыны –/ Кышкасько учкемедлэсь. / Быгато-а учкыны, / \ddot{O} жытлы лябгес талэсь...» [2. С. 109] - «Я боюсь встретиться - / Боюсь твоего взгляда. / Смогу ли посмотреть, / Я слабее этого...». Одиночество, психологическое напряжение, «переключающие» сознание на визуальность окружающего, активизируются с помощью хронотопических деталей: так «внутреннее» лирического субъекта художественно сталкивается с внешним миром (его в тексте представляет трамвай). Образы трамвая/автобуса, имеющие многочисленные семантические коннотации в русской поэзии XX столетия, в современной удмуртской литературе часто связаны с отрешенностью лирического «Я», с мистическими перевоплощениями, «разрывами» в пространстве и времени (так, в поэзии В. Шибанова герой возвращается в Ижевск на автобусе, и ему кажется, что на пустых креслах едут в город души умерших). Трамвай С. Матвеева наполнен приторным смрадом, лживым теплом, нахождение в «трамвайном» мире отдает фальшью, здесь столько чужих людей, лиц. Одиночество, боль, воспоминания становятся предлогом (причиной) к раздвоению «Я»: обозначаются второе «Я» и второй голос. И2 появляется в момент поэтического взаимодействия «Я» реального и второго, которое изначально задается третьим имплицитным лицом и неопределенным местоимением кин ке «кто-то»: «Со дыртоз пумйылтэм омыре – / Нош öсэз мон уг лэзь усьтыны. / Тодіїсько, куараез ни тырме / Трамвайысь зулёнэз чушыны...» [2. С. 111] – «Она поспешит в нескончаемый воздух – / Но я не разрешу открыть ей дверь. / Я знаю, голоса ее уже хватает / Стереть трамвайную болтовню...». Чувства настолько сильны, что не получается даже плакать, и лирическому герою кажется напрасной, бессмысленной такая любовь: «Быгатысал ке бöрдыны... / Мон кошкисько, мон кошкисько. / Гуньдй мон, паймыса тыныд. / Нош янгышай усьтйськыны. / Сюлэм, тон вала, курисько.../ О, коня пол! / Дышны но, дыр, / кулэ ни та дырозь мыным. / Но лычсузьтйсь шимес боды / Нош шуккиське сюлэм борды, / Выльысь кельтэ со кынмыны...» [2. С. 112] – «Если бы я мог плакать... / Я ухожу, я ухожу. / Я молчал, удивляясь тебе. / Снова не посмел открыться. / Сердце, ты пойми, прошу... / О, сколько раз! / Привыкнуть уже, наверное, надо было мне. / Но страшная «палка злорадства» / Вновь бьет в сердце, / Вновь оставляет меня каменеть...». В данном случае инфинитивы (бордыны – усьтиськыны – дышны – кынмыны) реализуются как цепочка отрицательных эмотивных индексов, очерчивающая психопоэтический фон текста.

По сравнению с *«Мылкыд»* в сборнике *«Чурыт пус»* серийных инфинитивов немного. Книга, насыщенная различными культурными аллюзиями, интертекстами в плане «грамматического раскрепощения», «свободы слова» (parole in liberta), не оправдывает исследовательских ожиданий. Тем более что многострофные поэтические тексты располагают к инфинитивным вариациям, предположительно интенсифицирующим постмодернистский контекст произведения/восприятия. Типичная модель ИП в рассматриваемом сборнике 1+...1 (то есть два инфинитива, «заблудившихся» в потоке фраз и смыслов). В стихотворении *«Песяелы»* («Моей бабушке») первый инфинитив появляется во 2-й строфе, следующий инфинитив – только в 6-й. При таком раскладе речь не может идти о значимом семантическом ореоле, значительной семиотичности текстового инфинитивного

письма. Следует заметить, что поэтический мир Сергея Матвеева – мир непрерывной экспансии «Я»: многие языковые формы, расширяющие сферу самопрезентации, нивелируют любые намеки на инфинитивность. Особенностью единичных инфинитивов в художественном универсуме книги «Чурыт пус» представляется их сопряженность с концептами движения: «Нокы шукы – улон тöлбер со, / Няня кизер мугорыныз. / Каллен гинэ пыча – быдэсак. / Дüсьтэ, дисьтэ со пырыны...» [3. С. 42] – «Пена от сливочного масла – это охвостье жизни, / Облепляет своим жидким телом. / Медленно впитывается – полностью. / Смеет, смеет она впитываться...»; «Косэктэм ымныры – / Висёнлэсь со овол. / Сюлэмам пырыны / Курыса – мон ой кол» [3. С. 48] – «У меня бледное лицо – / Не от болезни это. / В сердце мое войти / Упрашивая – я не спал»; «Умой-а со яке урод – / Тодом на мон али кытысь? – / Ма, потыны ини куро / Монэ – калык туалетысь...» [3. С. 64] – «Хорошо ли это или плохо – Откуда мне теперь знать? – / Выйти уже просят / Меня – из общественного туалета...»; «Кемалась тани со дась ини / Потыны – урты» [3. С. 76] – «Давно она уже готова / Выйти – моя душа». Очевидно, что инфинитивы пырыны («входить») и потыны («выходить») в творческом измерении Сергея Матвеева перестают быть только сигналами движения/перемещения – они обретают экзистенциальные черты, онтологизируются. В стихотворении «Кыче ужмы ин тольёслэсь...» («Какое нам дело до небесных ветров...») в первых двух строфах наблюдается некое подобие инфинитивного развития (ИП2), однако инфинитивность «гаснет» уже к 3 строфе: «Кыйе ужмы ин тöльёслэсь, / Шокамьёссэс мерталляны! / Инбам пурты – со паллянын; / Адямиез ноку öз лэзь / Со ас дораз вутскылыны / Я малпанэн, я киосын, / Сяласькыса я киросэн, / Усе зор ву я кын лымы...» [3. С. 55] – «Какое нам дело до небесных ветров / Дыханье их измерять! / Небесный котел – он слева; / Никогда он не позволял человеку / Приблизиться к нему / Либо мыслью, либо руками, / Плевками, либо крестом, / Падает дождевая вода или холодный снег...».

Инфинитивы этого фрагмента «заряжены» многократностью (-лля- / -лы) и в целом сочетаются с глобальностью творческого замысла: отождествления человека со Вселенной, микрокосма - с макрокосмом. На фоне количественной невыразительности ИП в сборнике есть текст, который можно назвать полноценным инфинитивным произведением. Речь идет о стихотворении «Котькыйе вакытэ но куазе» («В любое время и погоду») с посвящением Ю. Четкареву. Инфинитивы в тексте расположены как в конце и середине строки, так и в начале («начальный» инфинитив – большая редкость в удмуртской поэтической грамматике), репрезентируются своеобразные инфинитивные словосочетания, «скрепленные» общим дефисом (султыны-кошкыны «встать-уйти»), инфинитивы в пространстве текста обладают значительной самостоятельностью/неподчиненностью (по сути это грамматические и смысловые матрицы), мощной инерционной энергетикой и «добавляют» решительности, динамики лирическому высказыванию. Инфинитивное письмо в тексте акцентирует мужской дискурс, отображает оттенки мужского психологизма, «мужские истины»: «Котькыйе вакытэ но куазе / Интыысь султыныкошкыны. / Мед усёз мозмонэ гидкуазе, / Но сюлэм – шыпыртиз со мыным. / Шыпыртйз: кытын ке но огназ, / Ватскыса поечи пальыше, / Лушкемен учкылэ укнояз – / Мёзмонэн гуньдэмын со – эше. / Вуыны – киосты кырмыны, / Пукыны

уез, уйбыт, оло. / Укнолэн югытаз пырнымы / Чилектэм даурзэ вöталоз. / Бöрдыны пиосмурт синвуэн, / Синвулэсь сюлэмдэ катьяны. / Шöдыны: люкиськон ни вуэ, / Сылыны — пештырскем кадь йöны. / Котькыче но куазе, вакытэ — / Зор-лымы, нуназе-экытазе — / Одüгзэ курисько ватытэк: / Инмаре, котьку медло тазьы!...» [3. С. 92] — «В любое время и погоду / Встать с места, уйти / Пусть останется моя тоска во дворе, / Но сердце — шепнуло мне / Шепнуло: где-то он один, / Скрываясь за обманчивой улыбкой, / Украдчиво смотрит в окно. / Тоской подавлен он — мой друг. / Успеть — пожать руку, / Сидеть всю ночь, может быть, / В свете окна мошкара / Будет видеть сны о своей короткой жизни / Плакать мужскими слезами, / Лечить сердце от слез. / Почувствовать: прощание уже приближается, / Стоять — взъерошенный как осот. / В любую погоду и время — / В дождь, в снег, днем или ночью — / Одного прошу без утайки: / Господи, пусть будет так всегда!...».

Приведенный текст является перекрестьем разнообразных «инфинитивных» тенденций и одновременно – примером относительной языковой гибкости. В нем наблюдаются абсолютные инфинитивные конструкции (типа знаменитого блоковского «Грешить бесстыдно, непробудно...»), выявляется довольно строгое авторское соблюдение грамматико-семантической моноструктуры, имеют место «двухэтажные» инфинитивные варианты, не характерные для удмуртской поэтической традиции. Обращает на себя внимание отсутствие «деепричастного окружения» (на -ca и $-\kappa y$), в удмуртском тезаурусе часто сопровождающего/дополняющего инфинитивное письмо. При рассмотрении некоторой «безынфинитивности» сборника «Твердый знак» («Чурыт пус») снова возникает мысль о непременности «инфинитивного прорыва» в «безынфинитивных»/«малоинфинитивных» стихотворных книгах. Инфинитивы, обычно аккумулирующие существенные смысловые «уплотнения»/«переключения», не просто нужны автору, они необходимы поэтическому языку для выражения некой неизмеримости художественных интенций, для обозначения четких линий/правил поэтического текстообразования. «Инфинитивный взрыв» случается в еще одной «неинфинитивной» книге С. Матвеева «Лул» («Душа»). В относительно небольшом тексте десять рифмующихся инфинитивов реализуют причинно-следственную соотнесенность субстантива/личного местоимения с возможностью художественно определенного действия/процесса. В стихотворении инфинитивы акцентируются не только содержательно, но и в аспекте формы – инфинитивная значимость обеспечивается благодаря тире - паузам, отдельному местоположению инфинитива в строфе: «Бен соин со öpäu – / Лобаны, / Инметü туж шöртчи / Поръяны. / Бен соин ыркыт тöл – / Пелляны, / Бусытü туж вöл-вöл / Юмшаны. / Бен соин выль нунал – / Вордскыны, / Сьёд уез берлапал / Кельтыны. / Бен соин та дунне – / Улыны, / Жадьытэк азьлане / Мыныны. / Бен соин тон но мон – / Гажаны, / Сюлэмын яратон / $\ddot{\mathcal{H}}$ уаны.» [4. С. 24] — «Вот поэтому он орел — / Летать, / По небу очень отважно / Парить. / Поэтому прохладный ветер – / Дуть, / По полю вольготно / Гулять. / Поэтому новый день – / Родиться, / Темную ночь позади / Оставить. / Вот поэтому этот мир – / Жить, / Без усталости вперед / Идти. / Поэтому я и ты – / Любить. / В сердцах любовь / Гореть».

Инфинитивы в этом тексте представляются первичными художественными семантемами, «подчиняющими» другие смыслообразующие частицы текста. Нельзя не сказать об общей оптимистичности развернутого инфинитивного

модуса: автор, вопреки своим пессимистическим взглядам и меланхоличной впечатлительности, иногда «выдает» светлые, жизнеутверждающие стихотворения.

Инфинитивное письмо в поэзии Сергея Матвеева являет собой довольно широкую амплитуду колебания: от однообразных, единичных инфинитивов, «полузабытых» и полуслучайных, до конституирующей инфинитивности, расставляющей смысловые акценты в поэтическом тексте. Стихотворения с большой инфинитивной частотностью чаще апеллируют к «Я» через обобщенную перспективу художественного видения: инфинитивный дискурс несколько сдерживает экспансию грамматики «Я-сознания», доминирующую в творческом миротексте С. Матвеева. Вместе с тем, ориентированность удмуртского поэта на самые разные мировые, европейские культурно-эстетические источники в достаточной степени не становится катализатором релевантных языковых преобразований. Матвеев-поэт, привносящий в измерение современной удмуртской литературы новые темы и образы, не решается на грамматическую радикализацию поэтической модели мира: он играет с родным языком по правилам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛО, 2011. С. 210.
 - 2. Матвеев С. Мылкыд: Кылбуръёс. Ижевск, 1991.
 - 3. Матвеев С. Чурыт пус: Кылбуръёс. Ижевск, 1999.
 - 4. Матвеев С. Лул: Кылбуръёс. Ижевск, 1994.

Поступила в редакцию 15.02.2012

A. A. Arzamazov

The infinitive letter in S. Matveev's poetic world: structural and semantic variations

The article is devoted to structural and semantic analysis of infinitive forms in the poetry of the modern Udmurt poet Sergei Matveev.

Keywords: grammar of the poetic text, infinitive letter, intertextual markers, types of infinitive.

Арзамазов Алексей Андреевич,

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН г. Ижевск

E-mail: arzami@rambler.ru

Arzamazov Aleksey Andreevich,

Candidate of Science (Philology), junior research associate, Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences

Izhevsk

E-mail: arzami@rambler.ru

УДК 82.09(=511.152)

Е. А. Жиндеева

ЛИТЕРАТУРА МОРДОВИИ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОД СОЦИУМА РЕСПУБЛИКИ

Литературоведческие наблюдения касаются функционирования билингвизма как основы художественного творчества ряда писателей Мордовии. Анализируются истоки социо-культурного кода литературных образцов на русском, мордовском-мокша и мордовском-эрзя языках.

Ключевые слова: билингвизм, русскоязычие, эволюционные процессы, социокультурный код, этапы развития, поликультурная общность, этническое самосознание.

В связи с рассмотрением художественного материала на русском языке в системе соотношений национальное/инонациональное с опорой на современную методологическую базу основой для исследования изберем разносторонний анализ явления русскоязычия в мордовской литературе. Тесно взаимодействуя с мордовской-эрзя и мордовской-мокша литературой, русскоязычная ветвыестественным образом влияет на общий литературный процесс и является его неотъемлемой частью. Между тем значение и место русскоязычия, его теоретические основы и модификации в художественном процессе региона практически не разработаны. Особую актуальность приобретает эта проблема сегодня, в эпоху этнической идентификации личности и пристального внимания к судьбам взаимодействующих этносов.

Другой важный момент состоит в определении приоритетов дихотомии «культурная компетентность и языковая личность». В системе современных общественных отношений интерес к интернациональному как связующему звену в развитии полиэтнических отношений в социуме России заметно угас, уступив место стремлениям националистического толка, что порождает этнические конфликты и стремление к доминированию национального компонента во многих регионах России. Мордовия в этом отношении, к счастью, благополучна и может быть примером сбалансированного развития культуры многих национальностей.

Интерес к билингвизму в художественной литературе Мордовии как феномену культурного пространства региона породил несомненную трудность для учителей-практиков при школьном освоении прозы Мордовии как межнационального культурного пространства. Мы используем полифункциональный подход к анализу художественных текстов различных жанровых модификаций (роман, повесть, рассказ, новелла, эссе, притча и т.д.), созданных как писателямибилингвами, так и теми, чье творчество следует отнести к русской ветви мордовской литературы (например поэзия и проза А. И. и К. В. Смородиных); особое внимание уделим также авторским переводам.

Признавая бинарный характер языковых и культурных контактов мордовской и русской культуры, основным в работе словесника мы считаем комплексный анализ социокультурных и литературоведческих особенностей развития русскоязычной литературы в советский период и в настоящее время.

Рубеж XX—XXI вв. характеризуется поиском новых художественных форм, связанных с философскими идеями, а также с современными процессами общественной жизни России. В период порубежья не только создается новая модель общественного сознания, но и реализуются некоторые идеи, составляющие золотой фонд отечественной мысли и связанные с осознанием культурного противостояния столицы и провинции, характерного и для русской литературы кон. XIX — нач. XX в. (И. Бунин, И. Шмелев, Б. Зайцев и др.).

Разумеется, сегодня речь не идет о провинциальной литературе, как о художественных произведениях, посвященных деревне. Термин «провинциальный» по-прежнему остается аналогом понятий целомудренности, некоторой простоты и душевности, граничащих с консервативностью, наивностью, искренностью.

В контексте регионального развития культурного пространства рассмотрим языковую ситуацию Мордовии, позволяющую трактовать литературный процесс региона как совокупность национального и инонационального культурных компонентов.

Употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности рождает особую культурологическую систему, существующую в условиях интернационального мышления и представляющую собой, таким образом, особый тип искусства. В данном случае речь идет о художественной литературе, созданной на стыке мордовского и русского языков и называемой русскоязычной (инонациональной) литературой.

Инонациональная литература основана на взаимодействии нескольких пластов культурного пространства нашей республики, в данном случае речь пойдет о языковом компоненте. Формирование парадигматики художественных текстов русскоязычия тесно связано с понятием полилингвизма, поскольку копирующая действительность интерлитературы отражает исторически сложившуюся языковую структуру, основа которой — историко-психологический уклад народа. Она не может быть заменена рационально построенным искусственным языком без существенных невосполнимых потерь.

Функционирование равноценных языковых систем в контексте развития общественных отношений обусловлено персональным выбором в зависимости

от коммуникативной ситуации. Отсутствие жесткой детерминации открывает возможности использования двух и более языков и отдельными членами общества, и группами населения. Таким образом, коммуникативные формы образуют своеобразную иерархию языков – национального и межнационального общения, что реализуется и в словесном искусстве Мордовии.

Русский язык как способ межнационального общения в России имеет обоснования исторические и функциональные:

- 1) большая часть населения страны;
- 2) длительное существование устойчивой письменной формы;
- 3) международный статус;
- 4) широкая практика заимствований другими языками из русского языка, обусловленная социальными факторами;
 - 5) многофункциональность русского языка (делопроизводство, обучение).

В связи с новым уровнем развития социума как проявления возможных культурных связей сегодня в основу мультилингвизма заложено овладение несколькими языками практически в равной степени.

Принято считать, что родным является язык той национальности, к которой себя причисляет говорящий. Но в силу целого комплекса причин человек нередко потенциально готов назвать родным языком не тот, на котором говорят его соплеменники (в нашем случае мокша — или эрзя-мордовский язык), а тот, который объединяет его с большей массой людей и которым он владеет в совершенстве (русский язык). В таком случае происходит интерференция, в результате чего большая часть населения считает родным язык не своей национальности, которым практически не владеет, хотя по традиции продолжает причислять себя к мордве.

Многоязычие того или иного общества Ю. Д. Дешериев [6], А. Д. Швейцер [8], Г. А. Зограф [7] определяют как случаи массового владения несколькими языками, отмечая значение функционального статуса употребляемых языков и степень их близости – исторической или типологической. В нашем случае, естественно, речь идет об исторической близости развития русского и мордовских языков.

Говоря о причинах возникновения двуязычия, Л. В. Щерба [9] констатирует тот факт, что по способу усвоения второго языка двуязычие может быть искусственным, когда этот язык усваивается через посредство школы, учителя, учебника, то есть когда применяется диалектически обоснованная система последовательного накопления знаний и навыков. Но билингвизм может быть и естественным, если язык усваивается в процессе непосредственного общения с иноязычной средой. Возможно, адаптационные процессы, положенные в основу инонациональной литературы, и ее влияние на национальную литературу региона свидетельствуют о наиболее высокой степени развития двуязычия в таком обществе.

Существует несколько классификаций двуязычия. Так, Л. В. Щерба по степени экспрессивности различает два типа двуязычия: индивидуальное и массовое. «Массовое, в свою очередь, делится на полное, когда двуязычен весь народ, и частичное, когда двуязычна та или иная часть народа (но не отдель-

ные его представители, подобные подтипы предложено именовать сплошными и групповыми») [9. С. 85–87].

В зависимости от характера связей между сосуществующими языками Л. В. Щерба предлагает различать чистое и смешанное двуязычие, чистым подразумевая автономное, изолированное восприятие двух и более языковых систем. В качестве примера он приводит русских аристократов XIX в., относительно свободно владеющих французским, но, как правило, не умеющих перевести с французского на русский и наоборот.

Опираясь на теорию Л. В. Щербы и Т. А. Бертагаева, мы характеризуем развитие языковой ситуации в Мордовии как массовое (групповое), продуктивное, естественное, смешанное, неблизкородственное двуязычие. Такие социолингвистические условия способствуют стремлению не только к непосредственному общению на двух (реже трех: мордовском-мокша, мордовском-эрзя и русском) языках параллельно, но и выявляют психологическую предрасположенность писателей к созданию оригинальных художественных текстов на родном или на русском языке. Рассмотрение творчества писателей-билингвов – один из важных аспектов исследования литературного процесса Мордовии.

Вместе с тем иной взгляд на возникновение и сферу функционирования двуязычия развивают современные социолингвисты, в том числе Ю. Д. Дешериев, понимая под двуязычием переходный период в смене одной языковой системы другой, то есть — явление временное, способствующее вымиранию предшествующего языка и расцвету последующего. Но никем из специалистов не доказаны теоретические положения, которые бы лежали в основе темпорального рассмотрения двуязычия как периода, способного исчерпывать себя ввиду поступательного развития полиэтнического общества.

В культуре Поволжья и Приуралья в XX в. проявляется возможность устойчивого двуязычия не только как переходного явления, но и как способа сосуществования нескольких языков, получивших равнозначный статус и широкое распространение. Примером тому может служить языковая ситуация в Мордовии. Национальные и русский языки не только функционируют здесь в устной форме, но и становятся фундаментом отдельных ветвей мордовской литературы.

Вместе с тем основные тенденции параллельного развития национального и интернационального языков, если принять во внимание ассимиляционные процессы, которые неизбежны в подобном случае, могут привести к такой ситуации, при которой тот или иной язык начинает доминировать, и, следовательно, второй язык (чаще всего именно национальный) ущемляется в своем развитии, что сказывается на развитии литературы. Для разрешения подобного конфликта необходимы разумное распределение сфер употребления между взаимодействующими языками и толерантное отношение при доминировании того или иного языка на определенном этапе развития творческого потенциала народов республики. Это не означает, что непосредственно общаться следует, например, на одном из мордовских языков (мокша или эрзя), а в деловой сфере — применять только русский. Рациональное, разумное употребление того или иного языка, на наш взгляд, способно уберечь общество от межэтнических конфликтов и катаклизмов. В этом отношении Закон «О языках народов РФ» (1992) закрепляет национально-русское двуязычие, дает

возможность во избежание недоразумений и конфликтных ситуаций устанавливать на определенной территории государственный статус двух языков — национального и интернационального. В Республике Мордовия статус государственного имеют все три языка — русский, мордовский-эрзя, мордовский-мокша.

В области художественной литературы языковая ситуация сказывается в наличии трех разных и равноценных пластов:

- мордовская (мокша) литература;
- мордовская (эрзя) литература;
- русская литература (русскоязычная).

Несмотря на традиционне представление о мордовской литературе как единой (по аналогии с национальным языкознанием), на наш взгляд, следует выделять эрзянскую и мокшанскую ветви. Негласно это давно уже существует, поскольку изучение мордовской литературы на национальных отделениях средне-специальных и высших учебных заведений вынужденно соответствует тому, каким из мордовских языков владеют слушатели. Отметим, что в мордовском литературоведении существует точка зрения о том, что «мокшанская и эрзянская литература отличаются не только языками». Есть серьезные жанрово-родовые различия. Так, в 1933 г. вышел в свет первый эрзянский стихотворный роман «Кинель» А. Лукьянова, открыв дорогу этому жанру вплоть до романа «Ава ды лей» («Женщина и река») И. Калинкина (1995). Эрзянскими писателями созданы также эпопейные романы: «Бурливая Сура» А. Куторкина и «Найман», «Люди стали близкими» и «Дым над землей» К. Абрамова. В эрзянской литературе устойчиво развивается жанр крупной эпической поэмы: «Эрьмезь» Я. Кулдуркаева, «Моро Ратороо» («Песня о Раторе») Н. Эркая, «Литова» П. Кириллова, «Пенза и Сура» и «Сияжар» В. Радаева.

А в мокшанской литературе ярко выражен жанр лиро-эпической поэмы и широкую известность получили социально-бытовой и исторический романы (И. Девина, А. Малькина, М. Сайгина, Т. Якушкина, Т. Кирдяшкина), «классикой стали произведения для детей Я. Пинясова, достигли совершенства жанры лирической поэзии» [5. С. 369].

Приведенная выше типология убедительно показывает, что единства взглядов на мордовскую литературу в целом в настоящее время нет. Но параллельно формируется тенденция рассматривать как собирательный термин «мордовская литература». Таким образом, споры в мордовском литературоведении ведутся не только относительно статуса русскоязычной литературы.

Исследователь мордовской литературы Γ . И. Горбунов причисляет к эрзянской и мокшанской литературе художественные тексты, написанные на русском языке («Пенза и Сура» В. Радаева, произведения Т. Якушкина). Это свидетельствует о том, что, несмотря на устоявшееся общее мнение о триединстве мордовской литературы, ее русскоязычная ветвь недостаточно изучена.

Не проводя четкой границы между русской литературой Мордовии и русскоязычной, исследователи нередко рассматривают эти явления в синонимическом ряду на том основании, что та и другая литературы написаны на русском языке.

Предложим некоторые критерии, по которым, на наш взгляд, определяется именно русскоязычная литература:

- в основу текстового материала положен русский язык;

- авторизованный перевод с национального языка на русский;
- авторский перевод на русский язык и т.п.

До появления письменности родные (мордовские) языки по необходимости ограничивались рамками семейно-производственно-бытового общения, а также устного народного творчества. Немногочисленные сферы, занимающие большое место в повседневной жизни, потребовали обращения к языку, выполняющему функции языка межнационального общения, языка культуры и науки.

Соотношение диапазонов действия двух языков (национального и межнационального) далеко не одинаково. В некоторых случаях возникает наложение, и, как следствие, – интерференция как способ неосознанного (реже – в художественной литературе — сознательного) синтеза нескольких языков, что свидетельствует об особом уровне взаимодействия этносов. Но «наивно было бы ...считать, что двуязычным становится человек, усвоивший какое-то определенное количество слов и грамматических правил второго языка» [1. С. 139].

Степень внедрения полилингвизма, его количественно-качественный эквивалент прямо пропорционально зависит от условий проживания, периода взаимодействия, от обоюдных традиций и т.п. В нашем случае уместнее говорить об органичном дополнении и взаимопомощи национального и инонационального компонентов региональной культуры при условии самодостаточности и самоценности любого отдельно взятого из них.

У литературоведов, так же, как и у лингвистов, сложилось неоднозначное отношение к подобного рода употреблению языков. Мыслительный процесс, положенный в основу создания художественных текстов на неродном языке, требует особого психологического уклада, что и свидетельствует о специфической мотивации развития творческой личности писателя-билингва.

Таким образом, складывается следующая картина. Автор, осознанно выбирая в качестве основы творчества язык межнационального общения, в данном случае – русский, руководствуется несколькими критериями — личными интересами, собственными знаниями, предполагаемым кругом читателей, общественным мнением, тенденциями развития общества и т.п. Вместе с тем он предполагает для себя поочередное употребление языков; постепенный переход с национального на русский; переход с русского на национальный; выборочное обращение к тому или иному языку (например для прозы — русский, для поэзии — мордовский); использование только русского как языка творчества, с последующим авторизованным переводом и т.п.

Культурологический подход (наряду с другими методами) к анализу художественного произведения позволяет сделать некоторые существенные выводы об особенностях функционирования языка в пределах искусства слова. Важнейшей среди них, на наш взгляд, является та, которая позволяет говорить о языке межнационального пространства, обеспечивающем языковые контакты между народами в пределах государства, приобщение к достижениям мирового прогресса и культуры, взаимообмена культурными ценностями. Работы, основанные на подобном рассмотрении регионального литературного процесса, органично включаются в отечественное литературоведение, в то время как изучение языков населения данного региона — прерогатива региональной культуры как составляющей

части российского общества. Специфическая языковая теория, сложившаяся в науке Мордовии на рубеже XX–XXI вв., не только не проясняет, но еще больше усугубляет и без того сложную ситуацию. Ведь в художественном творчестве соотношение национального (мордовского) и русского начал не имеет четких границ. Попытки объединения двух мордовских языков (эрзя и мокша) рядом ученых-филологов, вслед за Д. В. Бубрихом, классифицирующим эрзянский и мокшанский языки как наречия единого мордовского языка, – пример неоправданной радикальности в мордовском языкознании.

Однако и отказ от единства мордовского языка влияет на развитие современной литературоведческой науки в Мордовии.

Существует тенденция рассматривать мордовскую литературу не в совокупности, а как самостоятельные проявления мордовской-эрзя и мордовскоймокша литературы: «Много лет работая в области национальной литературнохудожественной критики и литературоведения, в области написания программ, учебных пособий и учебников для национальной школы, я пришел к выводу о том, что существуют мокшанская и эрзянская литературы, близкородственные, но самостоятельные» [5. С. 368].

Бесспорно, что одним из базисов выделения национальной литературы является язык ее создания. Ценность нескольких языковых систем, положенных в основу регионального литературного процесса, находящихся в одних условиях функционирования, не одинакова. Равенство языков — родного и неродного — потенциально, но из этого не следует, что значение их идентично для всего населения в целом. В данном случае билингвизм, как одна из разновидностей многоязычия, выступает как компенсирующая система, открывающая доступ к образцам мировой культуры, является условием приобщения к мировым хранилищам знаний. Поэтому билингвизм целенаправленно стимулируется в образовательной, познавательной сферах жизни общества и находит достойное развитие в культуре региона.

Для построения теории полилингвизма в целом и билингвизма в частности, особое значение имеет история сосуществования и взаимовлияния двух или более языков внутри единого культурного пространства. Литературоведы, проявившие интерес к полилингвизму как фундаменту развития национальных и инонациональных литератур одного региона, склонны рассматривать многоязычие как залог успешного функционирования уникальных, сбалансированных систем целого ряда национальных литератур, чье становление приходится на 20–30-е годы XX в. и, в частности, объясняет лояльность носителей мордовской культуры к иноязычной литературе в целом и русскоязычной в частности.

Специфическая социокультура самостоятельных национальных республик, входящих в состав Российской Федерации, среди прочих актуальных вопросов требует определения места и значения инонациональной литературы, в данном случае речь идет о так называемой русскоязычной литературе Мордовии.

Современные точки зрения на специфику и закономерности развития и взаимодействия национальных культур в условиях полиэтнического государства позволяют рассматривать инонациональную литературу, с одной стороны,

как воспринимающую этно-стилевые особенности национальной литературы и как воспроизводящую, создающую художественные произведения на русском языке, с другой.

Русскоязычная литература как таковая стала предметом исследований начиная с конца 1980-х годов, когда изменилось в силу преобразований социальнообщественных норм отношение к национальному и интернациональному.

Постсоветский период поставил национальное начало на уровень довлеющего, основного, тем самым нарушив один из философских законов бытия – единства общего и частного, национального и интернационального. Интернациональное общее, разработанное с позиций советского государства, уступило место исследованию национального начала во многих областях культуры, в частности в литературе Мордовии. Такое, отчасти оправданное, замещение привело к нарушению баланса культурного пространства только в тех случаях, где увлеченность культивированием национального начала ведется за счет инонационального. В этом отношении культура Мордовии — образец сбалансированного, толерантного развития всех ее видов и форм.

Целый комплекс смежных проблем заставляет современных исследователей мордовской культуры обращаться к данному вопросу. В соответствии с этим пересматривается и теория обучения языкам. В частности, данная проблема находится в поле зрения НИИ ЯЛИЭ при Правительстве РМ (с сер. 2002 г. – НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ), например, в книге «Проблемы мордовско-русского билингвизма» (1985), где вопросы двуязычия рассматриваются в культурологическом аспекте. К сожалению, литературоведческий анализ проблемы в этом издании практически не представлен.

Этнические культурные черты формирования литературы национального региона способствуют появлению ряда отличительных особенностей художественных текстов, в основу которых заложено разнообразие мироощущений, особенностей поведения, мотивация поступков, психологических черт характеров людей, долго проживающих совместно в рамках одного социального организма, каковым является национальная республика.

Это не означает, что произведения мордовских авторов, пишущих на русском языке, изображают устойчивый, повторяемый, самодостаточный стереотип, отличный от изображенного писателями, создающими свои книги на национальном языке. Все-таки следует отметить, что этническая идентификация художественных произведений дает основание для определения динамичного взаимовлияния нескольких национальных культур, для классификации литератур внутри национальной структуры культуры вне зависимости от языка, заложенного в основу повествования.

Рассмотрим некоторые социокультурные основы инонациональной литературы Мордовии. Территориальный фактор, положенный в основу выделения исследуемой литературы, позволяет говорить о литературе Мордовии как о самостоятельном, социально-обусловленном, замкнутом процессе, структура которого подвержена давлению извне в формах: адаптации традиций русской литературы; влияния языкового фактора (в результате чего образуется особая лингвостилевая общность); воздействия национального (мордовского) устно-

поэтического творчества; давления особенностей этнических приоритетов в поведении и мышлении и др.

Национально-культурная специфика этнической общности проявляется, прежде всего, в структуре ценностей. Объектом русскоязычной ветви литературы в регионе являются ценностные ориентиры, представленные как традициями русской литературы, так и наследием мордовского этноса. Степень использования мордовского и русского начал в художественных текстах Мордовии, созданных на русском языке, не поддается количественному анализу и сугубо индивидуально для каждого автора.

Однако к некоторым закономерностям отнесем самобытность, неповторимость повествования в русскоязычных текстах, что, наряду с другими факторами, позволяет говорить об оригинальности даже переведенных авторами на русский язык произведений, созданных ими на мордовском (эрзя или мокша) языке.

Содержание ментальности как духовной субстанции этнического определяется прежде всего такими ценностными конструкциями, как язык народа, произведения культуры (имеется в виду не только литература), идеи, накопленные в ходе исторического развития. Мотивационным ядром ценностной ориентации русскоязычных художественных текстов является, на наш взгляд, вне зависимости от фактического использования национального языка как знаково-смысловой структуры, выявление закономерных связей между внутренним психологическим миром человека и миром внешним, предметным, социальным, этнокультурным. Своеобразие мордвы как представителей финно-угорской группы народов анализируется на фоне особенностей культуры русского народа как этноса.

Содержание архетипа как эквивалента коллективного бессознательного, развития самобытности через приумножение явлений своей культуры, осознание системы ценностей как смыслообразующих переменных ее психики становятся центром повествования русскоязычной литературы, вобравшей в себя традиции и особенности взаимосвязанного развития двух этносов: русского и мордовского. Глубину специфики культуры как адаптационно-адаптирующего механизма обеспечивает взаимодействие языковых и этнических (психо-био-социальных) компонентов. В самом широком смысле, язык — это вся система культуры, посредством которой устанавливаются межэтнические связи и создается локально неповторимое своеобразие этносов, логически вписывающихся в систему народов, проживающих на территории Мордовии.

Если язык – носитель рефлектированного национального сознания, который отражает не только глубину субъективности, индивидуальности его носителей, но и отношений к миру, универсуму, причастность к общечеловеческому мирозданию, то использование русского языка писателями-билингвами свидетельствует о стремлении современной культуры к универсальности – к возможности этноса выйти за пределы локального этнического пространства в мир сложных отвлеченных связей, отношений, уже созданных многими языковыми усилиями.

В связи со сказанным отметим толерантность мордовской культуры, включая ее литературу. Равенство общественно-политических статусов и наличие общих целей национальной и русскоязычной литератур — это и фундамент непростых взаимоотношений двух ветвей единой культуры, в частности довлеющего начала одной из них, ведущего к изменению ценностной ориентации и социальных

установок, что видно в мордовской литературе 1960-70-х гг. на примере производственной темы («Хрустальные колокола» С. Ларионова, «Лысая гора» Т. Якушкина, «А завтра снова понедельник», «Повесть будет продолжаться», «Тревоги и радости Якова Аверкина» А. Косенкова, «Звезда счастья» Н. Учватова и др.), в которой терпимое отношение к «чужой» культуре все же порождает и определенное дистанцирование между национальным и интернациональным началами. С этих позиций русскоязычная ветвь мордовской литературы может рассматриваться именно как интернациональное явление.

Вместе с тем негативное воздействие билингвизма состоит в насаждении идей, враждебных этнокультурному самосознанию, что ведет к частичному разрушению национального языка (сначала в письменной речи, затем в устной), а также к русификации не только языка, но и литературы как системы, основанной, в первую очередь, на языковой норме этноса. Этим отчасти объяснимо некоторое отмежевание национальной культуры от русскоязычной. Как справедливо считает Р. П. Васильева, «...позиция огульного отрицания творческого двуязычия и прежде всего его чисто русскоязычной формы – как наиболее уязвимой в национальном аспекте – настолько же неконструктивна, насколько и недавние неумеренные призывы к ложно понимаемой интернационализации, "эффективным" средством достижения которой в духовной сфере считалось прямое или косвенное подталкивание писателей к творчеству на русском языке» [4. С. 6].

Сопряженное развитие национальных литератур Мордовии требует разграничения таких теоретических понятий, как «национальная литература», «мордовская литература», «литература Мордовии», «русскоязычная литература Мордовии», «русская литература Мордовии» и некоторые другие.

Особая языковая ситуация позволяет литературному процессу развиваться, исходя из двух разновидностей двуязычия: региональная литература и национальная.

Первая связана с взаимодействием и определенным чередованием речевой практики, тогда как вторая, чаще всего основанная на геополитических доктринах государства, подразумевает замену одного языка другим. Параллельное развитие регионального двуязычия способствует возникновению и развитию русскоязычия, а вместе с ним и русскоязычной литературы как культурно-общественного явления, требующего изучения, тогда как национальное двуязычие подразумевает постепенное вытеснение и замену одного языка другим. Это явление широко распространено на территории стран ближнего зарубежья, где повсеместное наступление на русский язык приводит к дискриминации русскоязычных граждан. Для этих стран двуязычие — вынужденная мера, переходный этап к возникновению этнически «чистого» государства. Стремление к такому переходу, как правило, не дает однозначного результата, и художественные произведения на русском языке функционируют в культурном пространстве.

В последние годы в культурно-образовательной сфере России усиливается внимание к национально-региональному аспекту развития социума. Специфика Мордовии как региона позволяет рассматривать русскоязычие совершенно с иных позиций. В силу сложившихся обстоятельств (проживание около 60 % русских)

ассимиляционные процессы региона настолько сильны, что литературоведы все чаще объектом своего внимания избирают инонациональную литературу.

Учитывая вышеизложенное, мы разграничиваем русскую и русскоязычную литературы Мордовии, и в основу дифференциации полагаем возможность автора писать на мордовском языке.

К *русской* литературе мы бы отнесли художественные тексты, написанные не владеющими национальным языком, то есть писателями, для которых ни один из мордовских языков не является родным.

Авторов, которые, относясь к мордовской национальности, не знают своего родного языка, но используют этнические традиции, мы бы назвали русскоязычными.

Русскоязычие по сути предполагает осознанный выбор писателем русского языка для своего творчества. Такая избирательность возможна для тех, кто владеет родным и неродным языком в равной мере.

К особому виду русскоязычия, по нашему мнению, относится творчество писателей-билингвов, которые попеременно переходят с родного на неродной (русский) язык или занимаются автопереводом. Таким образом, в Мордовии развивается несколько разновидностей литературы на русском языке. Иерархия языков позволяет выделить русско-национальное двуязычие (характерное для становления мордовской литературы) и национально-русское, получившее широкое распространение в 1970—1990 гг.

Среди актуальных направлений литературоведения складывается тенденция к анализу национальных литератур с позиций диахронического развития литературы на национальном языке и русскоязычной литературы. Вопросы многообразия языковых форм и систем ставятся не столько исходя из социолинг-вистических параметров, сколько затрагивая области интересов этнопсихологии, этносенсорики, национального литературоведения и др.

Усложнение языковой ситуации с появлением национального литературного языка сказалось на развитии литературы в регионе: литература существует в трех самобытных формах — русском, мокша- мордовском и эрзя-мордовском языках (некоторые лингвисты республики, впрочем, считают, что мордовский-мокша и мордовский-эрзя языки в древности имели единое начало и поэтому могут восприниматься как диалекты одного языка — мордовского).

Сложившаяся полиэтническая ситуация позволяет говорить о многоязычной системе внутри замкнутого административного формирования, которое представляет собой республика Мордовия. Говоря о литературном процессе, необходимо особое внимание обратить на социокультурные системы, участвующие в формировании литературы региона. Несомненно, многоязычие имеет своей основой глубокие психологические и лингвистические основания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 276 с.
- 2. Бертагаев Т. А. К вопросу о взаимовлиянии языков / Т. А. Бертагаев // Взаимодействие и взаимообогащение народов СССР. М., 1969. С. 124–130.

- 3. *Бубрих Д. В.* Лингвистические данные к вопросу о древнейших связях между мордовским и восточным славянством // Записки НИИ ПлиЭ. 1947. № 7. С. 7–9.
- 4. *Васильева Р. П.* К вопросу о художественном билингвизме // Проблемы жанров современной мордовской литературы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 117–127.
- 5. *Горбунов Г. И.* К проблеме единства мордовской литературы // Материалы II Всерос. науч-практ. конф. финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (филологические науки). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2000. С. 368–369.
- 6. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М.: Просвещение, 1966. 285 с.
- 7. 3ограф Γ . A. Многоязычие // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303.
- 8. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. Теория. Проблемы, методы. М.: Просвещение, 1988. 296 с.
 - 9. Щерба Л. В. Избранные работы по языку и фонетике. Л.: Наука,1958. 243 с.

Поступила в редакцию 11.01.2012

E. A. Zhindeeva

Mordovian literature as the Universal code of the Mordovian society

This article contains literary observations regarding the functioning of bilingualism as a basis for artistic creativity of a number of writers of Mordovia. An analysis of the origins of social and cultural code of literary samples of three languages (Russian, Mordovian-Moksha and Mordovian-Erzya), the differentiation of a number of concepts allows us to speak about the independence and significance of the study.

Keywords: bilingualism, Russian speaking, evolutionary processes, social and cultural code, development stages, multicultural community, ethnic identity.

Жиндеева ЕленаАлександровна,

доктор филологических наук, профессор, ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» г. Саранск

E-mail: jindeeva@mail.ru

Zhindeeva Elena Aleksandrovna,

Doctor of Science (Philology), professor, Mordovian State Pedagogical Institute Saransk

E-mail: jindeeva@mail.ru

УДК 82.09(=511.132)-14

А. В. Малева

ОДИНОЧЕСТВО КАК СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ КОМИ ПОЭЗИИ*

Рассматривается одна из смысловых доминант образа лирической героини — одиночество как выражение особенностей ее характера и своеобразие авторского осмысления мира. Выявляется специфика художественного воплощения данного феномена в лирике коми поэтесс.

Ключевые слова: литература рубежа XX–XXI вв., современная коми поэзия, женская лирика, лирическая героиня, семантика образа, одиночество.

Под семантикой образа лирического героя Е. В. Купчик подразумевает «множество смысловых составляющих... повторяемость некоторых из них дает основание выделить смысловые доминанты данного образа» [1. С. 109]. Одним из доминирующих компонентов семантической структуры лирической героини в современной женской коми поэзии является одиночество как одна «из основных проблем человеческого существования. Она становится актуальной именно в наше время, когда происходит разрушение старых норм, традиций и предпринимается попытка найти новые ориентиры для взаимодействия с окружающим миром» [2].

Особый интерес к данной проблеме проявляется в психологии, социологии, философии и в литературоведении. Не случайно американский драматург Т. Уильямс охарактеризовал это чувство как универсальное и всеобъемлющее: «Все мы отбываем заключение в одиночной камере своего "Я"» [3. С. 29]. Анализируя художественный текст, исследователи, как правило, говорят о мотиве, лейтмотиве или теме одиночества в творчестве автора. На наш взгляд, ощущение одиночества, определяемое как «сугубо индивидуальное и часто уникальное переживание <...> особая форма самовосприятия, острая форма самосознания» [4] становится средством характеристики лирической героини, раскрывающим один из аспектов ее миропереживания:

^{*} Публикация подготовлена в рамках проекта программы Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

ведь лирика — это «материализованное воплощение отношений человека с миром» [5. С. 307; 6. С. 1].

Семантическое наполнение смысловой доминанты «одиночество» представлено как единство, разнообразие и индивидуальность художественного воплощения в творчестве разных коми поэтесс. Специфика переживания героини позволяет говорить об особенностях авторского осмысления жизни: «В темнице одиночества формируется истинная самость» [7. С. 45]. Своеобразие переживаемого в женской лирике коми одиночества в том, что оно предстает не столько как объект ее раздумий, сколько как будничная для нее атмосфера, определяющая линию ее мышления и поведения.

Значение данного феномена в женской коми лирике полярно: одиночество как одна из форм переживаемой дисгармонии, подразумевающей внутренний конфликт «Я/Мир», противоположно одиночеству-уединению как способу приобщения к мировой гармонии: «одиночество, в отличие от объективной изолированности человека, которая может быть и добровольной, и исполненной внутреннего смысла, отражает тягостный разлад личности, господство дисгармонии, страдания, кризиса "Я"» [8. С. 8]. Именно как добровольную изолированность можно охарактеризовать бытовое физическое одиночество в поэзии Н. Обрезковой. Приезд ее лирической героини на малую родину – это сознательное обособление от внешнего мира, своеобразная изоляция от жизненной суеты, что порождает чувство физического и морального отдыха («Горто воа...» – «Я приеду домой...», 2003). Уединение становится способом духовного слияния с окружающим миром, прикосновением к вечному, непреходящему – снятием утомления, внутренних конфликтов, душевной расщепленности, вызванных суетой городской жизни [9]. Одиночество позволяет ей осмыслить жизненные явления с точки зрения их онтологической значимости, провозгласить принцип личностной свободы и духовного освобождения: «уединение означает временную отстраненность от коммуникативной суматохи мирового устройства, в то время как одиночество, скорее, означает быть покинутым всем миром» [7. С. 45].

> Горто воа Да ва доро лэчча... Мудзом кокъясысь туйяссо Ваыс мед босьтас... Талун некытчо сэсся ог мун — Талун гортын ме... Талун ме шойчча... Н. Обрезкова «Горто воа...», 2003.

Я приеду домой
И к речке спущусь...
С ног уставших дороги
Водой смоет пусть...
Сегодня я уже никуда не пойду —
Сегодня дома я...
Сегодня я отдыхаю...

Н. Обрезкова «Я приеду домой...», 2003*.

 $^{^*}$ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – $A.\ M.$

Идея о вечном, стабильном и непреходящем выражается тройной констатацией обстоятельства времени «сегодня», а также его повторяющейся позицией в начале строки (анафора). Мир для героини сосредоточивается в пространстве малой родины (*«горт»*), которая сакрализована, наделена особой значимостью, вбирает в себя масштабы космоса, гармонического целого; позволяет ей прочувствовать себя частицей мировой гармонии. Уединение в пространстве малой родины формирует представление героини о возвращении к истокам. Ее одиночество героини парадоксально: оно не только не преодолеваемо обществом, многолюдием, но наоборот – вызвано им. Эта мысль воплощена в форме антитезы:

Гöгöр – тöдса чужöмъяс. Ни ömu möдса морт.

Н. Обрезкова «Кадыс кутіс нюжавны...», 2007.

Вокруг – знакомые лица.

И ни одного знакомого человека.

Н. Обрезкова «Время стало тянуться...», 2007.

Если для лирической героини Н. Обрезковой отказ от собеседника в пользу общения с природой – результат сознательной установки на приобщение к гармонии мира, то для героини Л. Втюриной стремление к гармонии – это способ преодолеть нехватку общения, жажда взаимопонимания и духовного единства с близким человеком: «Мыйлако оз кыскы горто. / Волі ко матысса морт, / <...> Чай, гашко, юыштім сыкод, / поткодім сернион лов. / Кор тайо оломас кыкон, / ниномысь быттьо он пов» — «Почему-то не тянет домой. / Был бы близкий человек, / <...> Чай бы мы попили с ней, / разговорами насытили бы душу. / Когда в этой жизни вдвоем, / нечего вроде и бояться» («Тарыт» — «В этот вечер», 2006).

Такой тип одиночества преобладает в женской коми лирике. Сформированный им внутренний конфликт «Я/Мир» дистанциирован от романтического обособления, пафосного в своей основе как противостояние миру, что отмечается исследователями, в частности Г. Ф. Ситдиковой, в творчестве М. Цветаевой, М. Лермонтова [10. С. 226]. Героине коми лирики не свойствен тип «гордого одиночества» [11. С. 302]. Наоборот, экстравертность ее мироотношения сталкивается с интровертностью мира, или нехваткой поддержки и тепла, любви и понимания, общения и дружбы, красок и цвета, новизны и свежего дыхания — счастья. Одиночество в женской лирике коми скорее можно охарактеризовать как отсутствие идеальных ценностей в личной жизни лирической героини. Так, ощущение нехватки духовной взаимосвязи сопровождает героиню в семье (Л. Втюрина «Ошинь дорын» — «У окна», «Тарыт» — «В этот вечер», 2006), в переживании чувства безответной или утраченной любви, в окружении знакомых лиц (Н. Обрезкова «Кадыс кутіс нюжавны...» — «Время стало тянуться...», 2007):

Сомын кодлы висьтавны? Гогор ставыс чов. Сомын зэрыс кисьтало, Сомын польто тов.

А. Мальцева «Коркö ömu гожöмö», 2006.

Только кому поведать? Вокруг одна тишина. Только льет дождь, Только дует ветер.

А. Мальцева «Когда-то летом», 2006.

Семантическим выражением одиночества может быть бессонница лирической героини (Н. Обрезкова «Менам ошинь серодз биа...» - «Допоздна не гаснет свет в моем окне...», 2007; Ан. Шомысова «Дзикодз пемдіс. И кусісны бияс...» – «Совсем стемнело и погасли огни...», 2006; Л. Втюрина «Ошинь дорын» – «У окна», 2006; Н. Павлова «Ме видзода чуймомон...» – «Я гляжу с удивлением...», 2006). Текстовое воплощение получает автокоммуникативность, в основе которой – диалог героини с самой собой. Как правило, это размышления о собственной судьбе и предназначении, цель которых - познать, оценить себя и собственное прошлое путем авторефлексии. И. В. Гречаник связывает подобное мироощущение (переживание одиночества) с существованием жанра «самоотчетаисповеди», «когда одиночество приводит к встрече с внутренним "Я", сложной, часто непереносимой...» [12]. Такой самоотчет характерен для героинь Л. Втюриной и Н. Павловой. Прокручивая в сознании прожитую жизнь, героини оценивают свои поступки с морально-нравственной позиции (Л. Втюрина «Менам эском» -«Моя вера», 2006; Н. Павлова «Оломос ог эндод, некодлы ог вежав...» – «Жизнь не забросила, никому не завидовала...», «Лов вуж пу» – «Древо души», 2006). Автокоммуникативность лежит в основе стихотворений-аутотренингов, при этом зачастую необходимые героине слова совета, утешения, сочувствия, укора звучат не только в речи самой героини (Н. Павлова «Кылан-ö?» - «Слышишь ли?», 2006; Л. Втюрина «Буродом» – «Утешение», 2006), но метафорически – из окружающего ее мира (Л. Втюрина «Тарыт» – «В этот вечер», 2006):

Керка бияслöн югöрыс менсьым янöдас лолöс: «Удитан на му мöдарас. Таладорын вай олышт!»

Л. Втюрина «Лабич вылын», 2006.

Луч домашнего света пристыдит мою душу: «Успеешь еще на тот свет. Поживи давай еще здесь!»

Л. Втюрина «На крылечке», 2006.

Лирическое миромоделирование — еще одна из форм художественного воплощения одиночества героини. Тоскуя по любимому человеку в разлуке с ним, героиня Ан. Шомысовой неосознанно моделирует пространство для двоих: наливает чай на двоих («Эг чайт» — «Не заметила», 2006); («Кык юрлöс пукті...» — «Две подушки положила...», 2006). Символический тип такого моделирования характерен для героини Н. Обрезковой, переживающей форму одиночества, которая А.Б. Демидовым определяется как «бездомность», или «неопределенность роли и смысла человеческого пребывания в мире; неприкаянность человека в бесконечности;

отсутствие предустановленной гармонии человека с миром...» [13]. В ее лирике ощущения, переживаемые лирической героиней, воплощены в метафоре нахождения между двух берегов («Вуджод мено, пыжаной, модлаполас...» — «Перевези меня, лодочка, на другой берег...», 2007), в ощущении собственной чуждости и городскому, и сельскому пространству («<...>Нэмос корся ассым мувыв гортос, / Оз тай сетлы енмыс таысь мезд. / Сиктысь муні. Кародзыс эг волы. / Эм тай, волом, на костын на ин <...>» — «<...> Век уже ищу свой дом земной, / Не дает Бог от того освобождение. / Из села уехала. До города «не дошла». / Есть, оказывается, между ними место<...>»), в некоторой неуверенности и неопределенности («Енма-муа костас ошйом лолой» — «Между небом и землей зависшая моя душа»), в склонности к самобичеванию («Сикт кузяыс мунігон...» — «По селу идя...», 2007), а безответность мира ее терзаниям находит выражение в образе далекого и равнодушного Бога:

Кодлы тай кевмыны? Ылын тай Енмыс. Вунодома Енмыслон коми мусо.

Н. Обрезкова «Меным эсько унаыс оз и ков...», 2007.

Кому молиться? Далеко ведь Бог. Забыл ведь Бог коми землю.

Н. Обрезкова «Мне бы многого и не нужно...», 2007.

О подобном мироощущении писал М. Бубер: «В эпоху бездомности мир уже не кажется гармонически упорядоченным целым, и человеку трудно найти себе "уютное место" в нем, – отсюда чувство неприкаянности и "сиротства"» [14. С. 170]. Бесприютность и одиночество, постоянный поиск собственного предназначения, сиротство характеризуют внутренний мир героини Н. Обрезковой, вызывая ассоциации с наглядным и метким образом родной для героини деревеньки, стертой с лица земли (*«Нэмос коля Панькосиктса мортон...»* – «Навеки останусь жителем деревеньки Паньково...», 2007: *«Оні нин и Панькосиктыс абу, | Борья керкашойсьысь пилитома пес...»* – «Сейчас уже и нет деревеньки Паньково, / Последний дом-развалину спилили на дрова»).

Глобальность переживаемых героиней ощущений изначально подразумевает их непреодолимость, а потому она находится в непрерывном плутании по жизни, в статическом ожидании собеседника, в статическом переживании душевного одиночества:

Меным коло кодкодко пукалыштны чов... Медым волі воломаыс, вовтомыс эз вов...

Н. Обрезкова «Меным коло кодкодко...», 2007.

Мне бы нужно с кем-нибудь тихонько посидеть...

Чтобы было действительно то, что было. а чего не было, того пусть и не будет... Н. Обрезкова «Мне бы нужно с кем-нибудь...», 2007.

Одиночество героини Л. Втюриной, вызванное недостатком гармонии в общении, а также обыденной повседневностью, нехваткой душевного всплеска, преодолеваемо обычно любованием гармонией северной природы и общением с Богом (стихотворения-молитвы).

Пöттöдз ягьясті öтнасöн шöйтан. Руа сынöдыс медся бур ерт. Л. Втюрина «Ягын», 2006.

Досыта бродишь по бору в одиночестве. Туманный воздух – самый лучший друг. Л. Втюрина «В бору», 2006.

Испытываемое героиней Н. Павловой ощущение одиночества, вызванное утратами или тоской по детству сына, преодолевается активно-позитивным началом ее личности, а также воспоминаниями и склонностью к фантазиям и сновидениям, что позволяет наполнить бытовую жизнь сказкой. Активно-позитивное начало связано в лирике поэтессы с ощущением своего предназначения, которое определяется исследователями как экзистенциальное одиночество: мироосмысление героини характеризует ее представление о своей индивидуальности, о неповторимости собственного мироощущения, в частности чувства любви к родине.

Коді но ме кыланон сернитас да сьылас, Коді но ме сьоломон чужанінос кылас? Коді но ме синъясон тэнсьыд мичто аддзас, Коді но став ловтырнас ме моз тэлань вартчас? Н. Павлова «Чужан муой», 2006.

Кто же моим языком скажет и споет, Кто же моим сердцем родину прочувствует? Кто же моими глазами красоту твою увидит, Кто всей душой, как я, к тебе поплывет? Н. Павлова «Родина моя», 2006.

В лирике А. Шомысовой переживаемое одиночество не обнаруживает смысловой глубины и неизменной стабильности, что свойственно лирике Н. Обрезковой. Семантически оно менее масштабно и ситуативно обусловлено, локализовано ситуацией неразделенной любви, отсутствием любимого человека, а потому преодолеваемо либо воспоминаниями о нем, либо его присутствием.

Сказанное вписывается в определение одиночества Д. Д. Гирвельдом и Д. Раадшелдерсом как многомерного конструкта: переживаемое ощущение «связано с переживанием индивидом ситуаций, воспринимаемых как нежелательный и неприемлемый для него дефицит определенных отношений в их количественном и качественном измерении» [11. С. 306]. Дефицитными для героини современной женской коми лирики, как показано выше, становятся, как правило, идеальные,

невоплощенные в ее жизни, но ожидаемые ценности: любовь, предназначение, общение, единство, счастье, нечто утраченное.

Переживание одиночества в женской коми поэзии отражает выход лирической героини за пределы собственного личностного мира и раскрывает такие черты ее характера, как всеобъемлющее сочувствие и сострадание. Так, героиня Л. Втюриной передает горечь утраты мужа ее матерью («Айкöд серни» — «Разговор с отцом», 2006); лирика Н. Обрезковой наглядно отзывается на одиночество стариков-родителей в ожидании их взрослых детей, погруженных в суету городской жизни («Кыдзи овсью тэныд, порысь морт...» — «Как живется тебе, пожилой человек...», 2001).

Таким образом, одиночество как смысловая доминанта в современной женской коми лирике выражает самопостижение героини, автокоммуникативность, рефлексию, обнаруживая в каждом случае специфику авторского мироосмысления. В основе внутреннего конфликта Я/Мир преобладает столкновение экстраверсии лирической героини с интровертностью окружающего мира, ее идеальных ценностей и окружающей действительности. Неоднородность масштаба переживания колеблется от воплощения в локальной, частной ситуации (А. Шомысова) до глобальной в онтологическом смысле: одиночество как небытие, мировая бесприютность (Н. Обрезкова), одиночество как исключительность собственного мироощущения (Н. Павлова), осмысление одиночества Другого-«Я» как форма приобщения к миру, единение с ним посредством сочувствия и сострадания (Н. Обрезкова, Л. Втюрина).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Купчик Е. В.* Семантика образа лирического героя в поэзии А. М. Тальковского // Славянские духовные ценности на рубеже веков: сборник статей. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011.
- 2. *Могдалева И. В.* Одиночество как форма экзистенции. URL: http://www.nbuv.gov. ua/portal/Soc_Gum/Niz/2007_8/mogdalyova.htm (Дата обращения: 10.08.2011).
- 3. *Бакли П*. Корифей американской драматургии Теннесси Уильямс // Америка. 1982. № 2. С. 305.
- 4. *Скорова О.* Психологические аспекты одиночества. URL: http://www.nvppl.ru/index.php?page=articles/show_articles&lastid=67&p=0 (Дата обращения: 12.12.2012).
- 5. *Лейдерман Н. Л.* О специфике лирических жанров // Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Научное издание. Екатеринбург: Ин-т филол. исслед. и образоват. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т, 2010.
- 6. В размышлениях о лирическом герое Блока В. Е. Красовский и А. В. Леденев отмечают, что «в центре его лирики сама личность современного человека. Именно *личность* в ее отношениях со всем миром (и социальным, и природным, и «космическим») составляет ядро проблематики поэзии Блока» (курсив автора. *Ред.*). См.: *Красовский В. Е., Леденев А. В.* Основные мотивы лирики. Образ лирического героя // Литература: М.: АСТ; Слово, 2002.
- 7. *Юрченко М. А.* Одиночество и уединение // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3.
- 8. Покровский Н. Человек, одиночество, гуманизм // Лабиринты одиночества: пер. с англ., сост., общая ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989.

- 9. Толкование данного типа одиночества как результата оторванности человека от природы, возникающей в толпе, в суете будничной жизни, но преодолеваемой путем уединения с миром природы, под которым понимается полезная для человеческой личности форма раскрепощения его беспредельного духовного богатства, скованного «мещанскообывательской средой» см. в книге: *Торо Г. Д.* Уолден, или Жизнь в лесу. М., 1962.
- 10. Одиночество в лирике М. Лермонтова и М. Цветаевой определяется как «растворимость в себе, в своем мире». См.: $Cum \partial u \kappa o s a$ Γ . Φ . Поэтика лейтмотива одиночества // Творчество М. И. Цветаевой в контексте европейской и русской литературной традиции. Материалы Третьих Междунар. Цветаевских чтений / Под общей ред. проф. Разживина А. И. Елабуга: ЕГПУ, 2006.
- 11. Гирвельд Д. Д., Раадшелдерс Д. Типы одиночества // Лабиринты одиночества: пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс,1989.
- 12. Гречаник И. В. Мотивы одиночества и смерти как формы онтологического протеста и их отражение в русской лирике начала XX века // Гречаник И. В. Художественная концепция бытия в русской лирике начала XX века: монография / И. В. Гречаник. М.: Флинта: Наука, 2004. 175 с. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/grchnc02.php#_ftn2 (Дата обращения: 29.06.2011).
- 13. Демидов А. Б. Феномены человеческого бытия. Минск: ЗАО Издат. центр «Экономпресс», 1999. 180 с. URL: http://heatpsy.narod.ru/05/demo.html (Дата обращения: 22.09.2011).
 - 14. Бубер М. Два образа веры: пер. с нем. М.: Республика, 1995.

Поступила в редакцию 17.02.2012

A. V. Maleva

Loneliness as the semantic dominant of the lyrical heroines image in the modern komi female poetry

The author of article considers the features of one of semantic dominants of the lyrical heroine's image – the loneliness. Specificity of lyric realisation of this phenomenon in the poetry of κομα poetesses is developed. The loneliness, which is experienced by the lyrical heroine, gives representation about features of her character and an originality of author's worldunderstanding.

Keywords: the literature at the turn of the XX–XXI century; modern коми poetry; the female lyrics; the lyrical heroine; semantics of an image; loneliness.

Малева Анастасия Валерьевна,

младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН г. Сыктывкар E-mail: Malana84@mail.ru

Maleva Anastasia Valeryevna,

junior research associate, Institute of language, literature and history, Komi Scientific Center, Ural branch of the Russian Academy of Sciences Syktyvkar

E-mail: Malana84@mail.ru

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ УДК 930(471.51)

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИСТОРИЯ УДМУРТИИ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ»

Публикуются материалы круглого стола, прошедшего в Удмуртском государственном университете 8 июня 2011 г., где учеными, преподавателями, музейными и архивными работниками обсуждались актуальные проблемы развития региональной историографии.

Ключевые слова: история Удмуртии, кафедра истории Удмуртии, региональные исследования, профессиональное образование.

В апреле 2011 г. в Удмуртском государственном университете была создана кафедра истории Удмуртии, что послужило информационным поводом для круглого стола, проведенного вновь созданной кафедрой совместно с Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН. Его тема — «История Удмуртии как научное направление и учебная дисциплина в системе профессионального образования: стратегии развития».

Многолетняя история Удмуртии потребовала своего осмысления как научного направления и как учебной дисциплины в системе профессионального образования. За десятилетия ее дисциплинарного существования сформировалось сообщество исследователей, активно развивающих различные аспекты регионального исторического знания. В рамках тематических научных конференций и в научной литературе обсуждаются основные проблемы истории Удмуртии. Сегодня региональное историческое знание социально значимо для формирования гражданской ответственности, толерантности молодого поколения и современного методологического плюрализма как основных тенденций и стратегий развития региональной истории.

Особое внимание организаторы предложили уделить следующим вопросам: 1. История Удмуртии в системе высшего профессионального образования как проявление его гуманитаризации. 2. История Удмуртии как учебная дисциплина. Учебное, методическое обеспечение дисциплины. Компетенции Федеральных образовательных стандартов и возможность изучения истории Удмуртии

в системе профессионального образования (ВПО, СПО). 3. История Удмуртии в вузовском междисциплинарном контексте. 4. История Удмуртии в контексте российской национальной истории и как локальная история. 5. История Удмуртии как исследовательское направление в вузе.

Старкова Н. Ю., к.и.н., декан исторического факультета УдГУ: Уважаемые коллеги, позвольте начать наше собрание, которое во многом носит экспериментальный характер, но судя по научному уровню собравшихся здесь, безусловно, актуальное и вызывающее интерес не только исторического факультета, а гораздо более широко представленных организаций и структур. Весной на историческом факультете произошли некоторые структурные изменения — была создана новая кафедра — истории Удмуртии, которой предстоит определить стратегию своего развития и, естественно, опереться на поддержку и заинтересованность научных учреждений Республики. Консолидацией таких усилий и должен послужить наш круглый стол, тема которого нас всех сегодня объединила. Позвольте представить заведующую кафедрой истории Удмуртии исторического факультета УдГУ, доктора исторических наук, профессора Мельникову Ольгу Михайловну.

Мельникова О. М., д.и.н., зав. кафедрой истории Удмуртии УдГУ: Я признательна всем, кто откликнулся на наше приглашение участвовать в работе круглого стола, и думаю, есть смысл расширить тему, о которой говорила Надежда Юрьевна. Конечно, создание кафедры – новой в структуре исторического факультета – было поводом, но есть и объективная логика развития региональноисторического знания, которая на сегодняшний момент требует консолидации в решении значимых проблем всех специалистов, работающих у нас в республике. Как вы знаете, предмет «История Удмуртии» давно вошел в учебные планы нашего вуза (подавляющее большинство присутствующих здесь – выпускники исторического факультета УдГУ), и вы знаете, что традиционно корифеи, отцыоснователи нашего факультета, активно развивали разные аспекты региональной истории, в особенности социально-экономические. Но в связи с созданием университета (вот уже юбилейная дата приближается) факультет активно занимался подготовкой научных кадров в научных и образовательных учреждениях России и Советского Союза по различным направлениям исторического знания, так что многие специалисты, работающие на факультете, активно подключились к реализации исследовательских программ, которые они освоили, обучаясь в аспирантуре научных и учебных учреждений страны. За многие годы структура факультета изменилась, в том числе и благодаря такой высококвалифицированной подготовке кадров. Сегодня исторический факультет УдГУ является одним из лидеров в историческом образовании в стране. Но при этом, к сожалению, тематика региональной истории, истории Удмуртии, предметно абсолютно размылась между разными структурными подразделениями истфака и шире – в масштабах университета, поскольку этими аспектами занимаются наши коллеги и в Институте искусств и дизайна, и на факультете удмуртской филологии, и ИСК. Аспекты, связанные с историей Удмуртии, интересуют и наших коллег на географическом факультете; и юристов, и экономистов, в той или иной степени пытающихся обсуждать и решать. И, как мне представляется, в определенном

смысле история Удмуртии сегодня переживает в нашем классическом университете некое состояние маргинализации. Она не может институироваться как целостное самостоятельное научное направление. Это, конечно, отражается и на том, как историческое знание по истории Удмуртии присутствует в учебном процессе.

Поэтому создание кафедры истории Удмуртии представляется проявлением намерений исторического факультета обозначить более ярко этот аспект исторических исследований: и как научное направление, и как учебную дисциплину. Это важно и в плане социальном. В таком многонациональном регионе, как наша республика, бесспорно, не только специалистам-историкам, но и вообще специалистам, выпускникам университета, необходимо владеть знаниями в области истории Удмуртии, представлять ее национально-культурную специфику, чтобы полнее реализовать себя профессионально. Знание истории Удмуртии значимо и для самопрезентации наших студентов и выпускников за пределами региона, что естественно в условиях современного мира. Для этого важно не только вести научные исследования, но и активно разрабатывать учебно-методические материалы.

По моей просьбе научная библиотека УдГУ на своем сайте в разделе «Информационные ресурсы» выложила имеющуюся в ее фондах литературу, касающуюся истории Удмуртии. Материалы систематизированы по разным аспектам, и очевидно, что раздел, касающийся учебных пособий, учебников, крайне скуден, затрагивает в основном частные вопросы. Безусловно, и они очень важны, но все-таки явно недостаточны, чтобы мы могли квалифицированно реализовывать идею гуманитаризации современного высшего профессионального образования с опорой на национально-региональные особенности.

УдГУ как классический региональный университет, председательствуя в международной Ассоциации финно-угорских университетов, должен стать примером изучения не только проблем финно-угорской филологии, литературоведения, национального художественного творчества, что успешно делают наши коллеги с факультета удмуртской филологии, Института искусств и дизайна, но и – истории Удмуртии.

И еще на один аспект я бы хотела обратить внимание. В новых Федеральных государственных образовательных стандартах присутствует сегодня дисциплина «История». Прежде это была отечественная история, сегодня – просто история, включающая разные аспекты мировой и отечественной истории. Я проанализировала все ФГОС по направлениям подготовки в УдГУ. Практически везде компетенции студентов, которые предполагается вырабатывать в рамках дисциплины «История», требуют формирования знаний о региональных особенностях исторического процесса и традициях тех регионов, в которых студенты обучаются. Но, к сожалению, вы знаете, из ФГОС вообще исчезла рубрика «Дисциплины национально-регионального компонента». С этой точки зрения, мы должны, я думаю, вместе выработать общее понимание, а может быть, и общее решение — как через посредство дисциплины «История» поднимать проблемы региональной истории.

Мне видится, что, безусловно, и исследовательские, и учебные проблемы не могут быть решены вне консолидации исторического сообщества. Это касается, прежде всего, наших коллег из архива, поскольку именно архивы дают тот

богатейший материал, который пока не в полной мере востребован. я полагаю, что этот ресурс должен быть доступным в разных формах, и надеюсь, что мы сегодня об этом тоже поговорим. Кроме того, и студенческие изыскания могут быть полезны для формирования нового исторического источника – источника устной истории, который бы пополнил архивные хранилища.

Важнейшим образовательным ресурсом, как мне представляется, и не только образовательным, но и просветительским, выступают наши музеи, которых, к счастью, у нас не так мало во многих районах УР. И, конечно, Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда.

Что касается самого исторического сообщества в регионе, то так сложилось, что каждый из нас, будучи специалистом в том или ином разделе истории Удмуртии, в большей степени вписан в тематический общероссийский национальный контекст, и для нас таким референтным сообществом являются коллеги в масштабах страны. Это – большая ценность, поскольку создается возможность единого видения истории России сквозь призму общего и особенного. Однако, что касается региона Удмуртии, то, специалистов по разным аспектам (этнология, археология, разные периоды отечественной истории) довольно много, но существует некая их локальная замкнутость внутри разделов и тем истории.

Немало сделано за последние годы в приумножении научной продукции по истории Удмуртии. Вы знаете, вышли трехтомное академическое издание «Истории Удмуртии» и два тома «Хрестоматии» к ним. Но мы должны решить, как быть дальше: как будет развиваться историческое сообщество в регионе, в какой мере мы можем реализовывать новые методологические подходы к истории на нашем материале, в чем вообще и как должна проявляться взаимосвязь решения проблем истории Удмуртии и российской национальной истории. Вот об этом, я бы хотела, чтобы мы сегодня повели наш разговор. И надеюсь, что время, которое мы здесь проведем, будет плодотворным. Предоставляю слово нашему коллеге, который принимал участие в обосновании темы круглого стола, — директору Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Загребин А. Е., д.и.н., директор Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН: Уважаемые коллеги, хочется сказать, что состоялся факт легитимизации кафедры истории Удмуртии на историческом факультете УдГУ. Это давно ожидаемый и вполне логичный шаг, и то, что руководство университета сделало этот шаг, можно только приветствовать. Жаль, конечно, что это не было сделано ранее, потому что такая кафедра должна была быть с самого начала университетской жизни. Но препятствовали обстоятельства, которые сейчас, как мне кажется, преодолены.

В этом году академический институт и университет отмечают свое восьмидесятилетие — тоже символический момент; и на 80-м году своей работы мы создаем новое подразделение, которое должно, на мой взгляд, стать своеобразным мостом, который соединит академическую науку и вузовское образование на предмете, интересном для всех нас. Выражу свое мнение, и, думаю, это мнение моих коллег по академическому институту, что мы готовы сотрудничать и искать те направления и те проекты, которые продвинули бы вперед изучение

истории Удмуртии и, самое главное, – трансляция научных знаний, касающихся истории Удмуртии, истории удмуртского народа. То, что в нашем институте трудами коллектива и энергией Кузьмы Ивановича Куликова был создан трехтомник истории Удмуртии, это – важнейший шаг. И то, что в сотрудничестве с Комитетом по делам архивов при Правительстве УР появилась «Хрестоматия» по истории УР, – это те шаги, которые приблизили нас к сегодняшнему дню, и сейчас, мне кажется, у нас – хороший шанс, я бы даже сказал, замечательный шанс, реализовать программы учебного характера и, прежде всего, создать вузовский учебник по истории Удмуртии. Мне кажется, об этом мы тоже должны с вами говорить. Благо, что школьные учебники трудами, прежде всего, сотрудников нашего института, уже изданы. Есть база, на которой можно расти.

Мельникова О. М.: Я предоставляю слово Владимиру Емельяновичу Владыкину, поскольку создание кафедры состоялось во многом его хлопотами, многие годы он был поборником этой идеи.

Владыкин В. Е., д.и.н., профессор кафедры этнологии и регионоведения УдГУ: Действительно, я чувствую себя сегодня счастливым, потому что свершилось. Мы лет пять говорили об этом, хлопотали об этом, боролись за это, пока, наконец, плод не созрел. Плод созрел. Чего это нам стоило, мы сейчас не будем раскрывать – оставим за сценой. И то, что сегодня мы присутствуем здесь, – это уже первое расширенное, в общем-то, заседание кафедры истории Удмуртии. Причем новая завкафедрой, профессор Мельникова, начинает это заседание так серьезно, как это и нужно делать. Теперь относительно того, что представляет собой история Удмуртии. Это наш дом, здесь мы все живем, поэтому знать вообще свой дом, свое хозяйство во всех проявлениях – долг каждого порядочного хозяина. Когда говоришь, например, с болгарами о ходе Шипкинской операции, они говорят с точностью до дня. Армяне, живущие среди нас в качестве подрабатывающих, если с ними поговоришь, историю армянского государства представляют очень неплохо. Это – культурные люди. Мы же, вспоминая великого Александра Сергеевича, который – «наше всё», «ленивы и нелюбопытны». Очень часто нас куда-то тащит - в заморские неведомые края, а вот то, что происходит у себя, на своей улице, в своем доме, мы как-то абстрагируем и представляем, что это – не история. А это всё и есть история, и мы – участники исторического процесса. И несем ответственность за эту историю, и, кажется, здесь наш профессиональный и социальный долг: если быть историком, надо участвовать в этом процессе. Я даже скажу такую вещь: любой историк-профессионал должен быть историком Удмуртии. Поймите меня правильно. Это просто необходимо. Для меня прекрасный пример – Василий Евгеньевич Майер. Прекрасный германист, и у него есть несколько работ по истории Удмуртии. Это исследования об истории удмуртской общины, о становлении письменности и целый ряд других. Майер – настоящий ученый. Мне кажется, что как историк он выполнил свой долг перед Удмуртией.

Теперь о том, чем мы, историки, благодаря созданию кафедры будем заниматься, кто этим будет заниматься и как развивать это направление. В конце концов, в данный момент мне это кажется неважным. А вот то, что Ольга Михайловна предоставила нам в качестве шпаргалочки, мне кажется, что это уже

продуманно, серьезная вещь. Дальше сама жизнь покажет. Я так полагаю, что каждый должен сейчас решить, какую толику исторического меда принесет он своей деятельностью вот в этот улей. Это крайне важно. Когда мои студентыэтнографы, особенно на первом курсе, интересуются папуасами, Полинезией, они едут мысленно туда, а я их приглашаю все-таки сюда и объясняю очень просто. Здесь источниковая база. Здесь наша родина. Здесь заниматься историей Удмуртии гораздо сподручнее, легче, чем, скажем, папуасами. Там – другие источники. Надо воспользоваться преимуществом того, что у нас здесь под рукой. У нас великолепные архивы, прекрасные идеи, наконец, есть такое великолепное сообщество, где можно резонировать, можно проверять свои мысли - так ли ты вообще мыслишь, так ли ты делаешь. А в конечном итоге, завершая, скажу: история Удмуртии должна быть неразрывной, неотъемлемой частью всемирного исторического процесса. Если мы это будем так рассматривать, значит, нас ждет успех. Если мы будем местечково ограничиваться своими примерами, своими оградами, своими заботами, это обречено на стагнацию. Поэтому нужно шире рассматривать историю Удмуртии и с точки зрения цельности, полезности и почаще проводить такие совместные заседания, проверять свои мысли.

И последнее. Я не знаю, как отнесутся к этому присутствующие, я сразу бы хотел, чтобы это была не только история Удмуртии, а кафедра истории и культуры Удмуртии, потому что жизнь заставит, мне кажется, рассматривать эти аспекты в комплексе, едино. Культура немножечко шире. И уж совсем-совсем последнее. Когда мы делаем то, за что мы беремся, когда будут читаться курсы истории Удмуртии на разных факультетах, в разных институтах, у нас должна быть важная задача: чтобы это было студентам интересно, чтоб не вызывало отторжения, чтобы не было омерзения, чтобы человек понял, что это его история, что она проходит через него. Вообще, нужно, чтоб на кафедре были специалисты, подготовленные, я так полагаю, лучше, чем на других кафедрах. И с точки зрения источников, и в языковом смысле, и в культурном; нравственно, наконец, и так далее.

Мельникова О. М.: Владимир Емельянович Владыкин сказал о том, что курс «История Удмуртии» будет читаться не только для историков. Это действительно так. У нас в УдГУ принято решение о том, что, в связи с переходом на новые стандарты образования, по всем направлениям подготовки такой курс необходимо ввести для всех факультетов. Я признательна коллегам на целом ряде факультетов (это - физико-энергетический факультет и факультет информационных технологий, журналисты, географы, факультет удмуртской филологии), которые оперативно такое решение приняли и ввели этот курс в свои рабочие учебные планы в социально-гуманитарном разделе. Мне кажется, это стратегически значимое решение - включить историю Удмуртии в гуманитарную составляющую при подготовке любого специалиста. Большинство наших выпускников остается работать в регионе, и важно, чтобы владение историкокультурной спецификой позволяло им принимать верные решения, реализуя себя в своей профессии. В связи с тем, что мы заговорили об истории Удмуртии как учебной дисциплине, предоставляю слово профессору Аркадию Андреевичу Тронину – самому опытному из коллег, сегодня присутствующих и связанных с преподаванием истории Удмуртии. Как вы знаете, его профессиональная

биография по существу охватывает значительную часть профессиональной исторической науки в Удмуртии.

Тронин А. А., д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России УдГУ: Я бы хотел высказать два тезиса, которые нам необходимо иметь в виду, когда мы говорим о работе вновь созданной кафедры. Первый – организационного характера – уже затронул Алексей Егорович. В Удмуртии надо скоординировать работу по изучению истории и культуры, как говорил Владимир Емельянович. Сейчас существуют у нас два основных центра по изучению истории УР: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН и Удмуртский университет. Но, кроме этого, во всех вузах УР работают специалисты, занимающиеся историей Удмуртии. Есть Общество историковкраеведов... Но ведь кто-то должен синхронизировать, скоординировать их работу. Есть у нас в УР Минобрнауки. Но какой наукой наше министерство руководит, я до сих пор не знаю. Может быть, там надо чиновника посадить, который бы консолидировал эту работу. Я не знаю, как решить данную проблему в пределах республики. Тут всем понятно, почему я говорю о необходимости координации, дело заключается во втором тезисе. Мы занимаемся историей Удмуртии каждый сам по себе, сидим каждый внутри своей темы, иногда достаточно узкой, а ведь есть значительное число тем и проблем в истории Удмуртии, которые требуют сегодня разрешения. Например, Анатолий Иванович Суханов многие годы занимался историей рабочего класса. А сегодня кто рабочим классом занимается? Мы даже термин «рабочий класс» стесняемся произнести. Когда говорят наши политики, президент, премьер-министр, они говорят о «квалифицированных кадрах», а не о рабочем классе. О рабочем классе сегодня ни слова никто не говорит, а он есть или нет? Не выяснили. А выяснить надо, в конце концов, что такое рабочий класс. Такая же проблема с историей современной промышленности. Об истории села еще есть исследования. Г. А. Никитина – наследница традиций в изучении крестьянства, и Н. В. Пислегин этой же тематикой занимается. По крайней мере, в области изучения села, крестьянства есть группа ученых. А историей рабочих и промышленности не занимается сегодня почти никто.

И еще такой интересный момент. Меня могут не все понять. Я хочу сказать, что история Удмуртии — это история всех ее народов. Речь идет, в частности, и о русской культуре, и о русском населении республики. Занимаются ли его историей? А русский народ-то живет в республике? Его культура должна изучаться у нас? Как будто русскую культуру не надо опекать, как будто не надо уделять ей внимания. Она сама по себе живет и выживет, да, а вот только удмуртскую культуру лелеять надо. Это ошибочное мнение. Я думаю, с любой культурой надо нянчиться. Это должно делать и государство, и Минобрнауки. Это выглядит как одно из направлений, Ольга Михайловна, которое Вам в своей работе надо учитывать.

Мельникова О. М.: Мне представляется, что история Удмуртии как наука у нас развивается скажем так, рывками. В каких-то проблемных областях есть исследования, по целому ряду аспектов публиковались архивные материалы, сборники исследований, монографии. Например, в прошлом году по кафедре истории и археологии первобытного общества мы начали спонтанно проект, который уже выливается, я так понимаю, в долгосрочный проект исторического факультета.

На кафедре за многие годы было выполнено много выпускных квалификационных работ о памятниках истории культуры отдельных районов УР. В частности, моя студентка М. Н. Бодалева написала такую работу по Шарканскому району. Мы нашли поддержку администрации этого района, выделившей средства, и опубликовали замечательный каталог «Памятники истории и культуры Шарканского района Удмуртской Республики как источник по истории края». В этом году И. Г. Шапран со своей студенткой Еленой Ларионовой опубликовала такое исследование по Завьяловскому району. Поэтому в области истории Удмуртии, я полагаю, немало и структурных исторических проблем, и проблем в области локальной истории. Я бы хотела обратиться к Ирине Григорьевне Шапран, которая многие годы ведет курс «Историческое краеведение» для студентов-историков.

Шапран И. Г., к.и.н., доцент кафедры археологии и истории первобыт- ного общества УдГУ: Проблема публикации каталогов памятников истории и культуры УР, о которой сказала Ольга Михайловна, требует своего разрешения, и оно возможно уже в ближайшее время. Полагаю, что к этой работе необходимо активно привлекать студентов, тем самым продолжая традиции формирования исследовательского сообщества. Благо, что потенциал наших студентов, несмотря на наши постоянные сетования, что они слабее тех, с которыми мы работали раньше, довольно велик. Систематизация памятников истории и культуры как направление наших исследований свидетельствует о том, что есть хорошие студенты, и есть смысл с ними работать, и главное — они наиболее активно откликаются на ту тематику, которая лично их затрагивает. Думаю, что эту тему нам следует продолжать.

Второй аспект, который следует развивать и который лично мне интересен (думаю, что интересен и другим исследователям), – это история изучения нашей родной истории, что тоже назрело. Историографические работы – еще одно направление, которое имеет смысл развивать: настала пора систематизировать знания, которые наукой уже наработаны. В дополнение к темам, о которых говорил Аркадий Андреевич, это – те, что назрели: каталогизация памятников истории и культуры по административным районам и изучение собственно истории изучения родной республики. Думаю, что работа, которая в этом направлении уже проводится, свидетельствует о перспективности его разработки.

Мельникова О. М.: Из того, что мы только что услышали, речь идет об осмыслении не только историографических источников, ведь мы обладаем огромным количеством исторических источников. И сегодня архивы активно осваивают электронные формы представления информации, чтобы они стали более доступными для исследователей. Мне хотелось, чтобы наши коллеги-архивисты рассказали о том потенциале, который еще не в полной мере востребован профессиональным историческим сообществом и студентами.

Ушакова Е. М., директор ЦДНИ УР: Я тоже хочу начать с того, что создание кафедры истории Удмуртии – безусловно, знаковое событие не только в развитии исторических наук в УР, но и вообще в истории УР. Мы, архивисты, только рады этому. Если говорить о нашем архиве, который я представляю, – Центре документации новейшей истории УР – могу привести статистику обращений студентов к нашим фондам: в 2009 год – 3 студента, в 2010-м к нам

не пришел ни один. В текущем году за первое полугодие к нашим фондам для написания курсовых и выпускных квалификационных работ к нам обратились, к сожалению, только 2 студента. Полагаю, что эта статистика весьма показательна и настораживает: история Удмуртии крайне редко становится предметом студенческих исследований. И это при том, что архивы УР, в том числе и Центр документации новейшей истории УР, обладают значительным и далеко еще не до конца востребованным и не использованным историческим потенциалом. В последнее время, как и в целом по стране, мы переходим на методики оцифрования, автоматизации документной информации. Из последних изданий хочу напомнить, что в прошлом году, к юбилею Победы, мы выпустили мультимедийный сборник архивных документов «Удмуртия в годы Великой Отечественной войны». В отличие от бумажных архивов, здесь документы может увидеть каждый за своим личным компьютером: не посещая читального зала архива, посмотреть, как этот оригинал выглядит в действительности. Из последних изданий уже упоминались «Хрестоматия по истории Удмуртии» и целая серия сборников по истории Удмуртии, но если ориентировать работу студентов вообще, и особенно новых студентов, на архивные фонды, то в первую очередь, на мой взгляд, их нужно знакомить с архивными справочниками. В частности, в 2011 г. наш архив издал «Путеводитель по фондам и документам личного происхождения», которые находятся на хранении в нашем архиве. В ближайшее время предполагаем выложить электронную версию этого путеводителя на нашем сайте архивной службы. Сейчас мы работаем над тем, чтобы переиздать свой путеводитель по основным фондам архива, изданный 10 лет тому назад.

Как вы знаете, Центр документации новейшей истории – это бывший партархив. Он содержит архив Удмуртского обкома партии, документы фондов и организаций, которые действовали на нашей территории с 1918 по 1991 год. Но на самом деле хронологические рамки документов, хранящихся в архиве намного шире. Это уже и начало XIX в., благодаря личным фондам, которые поступают к нам на хранение, и вплоть до 2010 г. Сейчас мы активно работаем с документами современных политических партий, общественных движений и т.п.

Если говорить о «советском периоде» УР, то в комплексе документов очень много сюжетов, которые можно плодотворно изучать по нашим фондам. Он не очень востребован. Сейчас мы готовим новый путеводитель по основным фондам архива, предполагая его издать в будущем году. Мы планируем, что там будет отражен целый комплекс архивных фондов (1800) партийных организаций, первичных ячеек, первичных парторганизаций ВЛКСМ, всевозможных ведомств и др. Никем ранее (ни нами, ни исследователями) он активно в научный оборот не включался. По сути это еще непаханое поле. В новом издании путеводителя мы предполагаем проанонсировать состав этих фондов и надеемся, что наш читальный зал наконец-то заполнится исследователями.

И еще один такой момент, на который я бы хотела обратить внимание. Безусловно, все ученые, все историки, которые серьезно занимаются историей Удмуртии, понимают, что невозможно изучать историю Удмуртии, основываясь только на документах удмуртских государственных архивов. Значительный объем документов хранится в федеральных государственных архивах, отчасти – региональных. Это составляет некоторую проблему неполноты источников наших

удмуртских архивов. Может быть, еще и потому, что наш город Ижевск никогда не был центром губернии, территория нынешней Удмуртии была провинцией Вятской губернии. В свое время Комитет по делам архивов при Правительстве УР и архивисты были инициаторами принятия программы выявления документов по истории Удмуртии за пределами ее современной территории. К сожалению, сегодня эта программа не реализуется. Когда мы совместно с учеными УдГУ и Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН готовим какие-то свои сборники, то занимаемся выявлением документов других архивов, но происходит это эпизодически, а хотелось бы при создании кафедры истории Удмуртии объединить свои усилия и пополнять коллекцию документов по истории Удмуртии и вне ее пределов. Это – очень важный аспект.

Конечно, мы всех ждем в наших читальных залах, архивы всегда открыты для сотрудничества. В принципе, если говорить о студентах, представления об архивах и о том, какими богатствами они обладают, студенты истфака получают, приходя к нам на архивную практику. Во время объемных экскурсий, мы читаем им лекции о составе документов, но, наверное, все-таки студенты как подрастающее поколение, требуют определенного направления, можно, мне кажется, выработать какие-то темы курсовых, выпускных квалификационных работ, по которым целенаправленно можно студентов к нам направлять. Мы будем знать, что студент может получить по этой теме, найти в нашем архиве все ответы. Здесь, мне кажется, нам нужно поработать на базе архивов, может быть какие-то совместные семинары провести, более узко обсуждать эти проблемы. Конечно, хотелось бы пожелать кафедре и ее руководителю успехов. Надеемся, что наша наука от этого только приобретет.

Еще последний момент. На мой взгляд, все-таки я себя отношу к историкам советского периода, раз я работаю в таком архиве, есть много проблем очень знаковых в истории страны и, конечно же, в истории Удмуртии, которые, к сожалению, сейчас изучаются только на краеведческом уровне. Активно работают краеведы по истории населенных пунктов и истории Великой Отечественной войны, но ведь это все-таки краеведы, другой уровень. Хочется, чтобы на эти проблемы больше обращали внимания профессиональные историки. В свое время мы хотели издать документы по истории коллективизации сельского хозяйства, так и не удалось, и исследователей по этой теме мы в своем читальном зале тоже не видим. Хотелось бы, чтобы названные темы как-то прозвучали и получили какую-то разработку.

Васильева О. И., заместитель директора ЦГА УР: У меня более краткое выступление. Центральный государственный архив УР более зрелый, более богатый фондами и документами, чем ЦДНИ УР. Мы никогда не жаловались на отсутствие интереса к нашему архиву, но я пару штрихов добавлю. Вы, наверное, знаете, что мы переехали в новое здание: в старом здании у нас была проблема маленького читального зала, который работал в системе предварительной записи, теперь же мы принимаем всех желающих, приходите. И специально, обдумывая нашу встречу, я сегодня спустилась в читальный зал, посмотреть, кто работает с документами архива. Это - бабушки и дедушки, которые занимаются своей родословной; это - специалисты Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, а вот

преподавателей исторического факультета я в нашем читальном зале не увидела. К сожалению, они редко бывают в архиве. Думается, это симптоматично как свидетельство того, в какой мере региональное историческое сообщество обращается к истории Удмуртии. Хочу сказать, что, прежде чем направлять студентов в наши архивы, не мешало бы и самим преподавателям истфака выбирать время и чаще заглядывать туда. В этом смысле я поддерживаю свою коллегу в том, что уровень исторических исследований зависит, прежде всего, от квалификации профессиональных историков, а не от студентов. Развивать науку будут не студенты своими курсовыми работами, а историки-профессионалы.

Никитина Г. А., д.и.н., ведущий научный сотрудник Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН: Курс «Истории Удмуртии» как учебную дисциплину можно построить по принципу краеведческой дисциплины. В этом плане Аркадий Андреевич Тронин и другие коллеги правильно сказали, что кафедра должна стать консолидирующим центром, стягивающим к себе краеведческое движение в Удмуртии. А это и музеи республиканского уровня, и даже архивы, но в первую очередь — школьные, сельские, районные музеи, которые зачастую не знают, чем заниматься, как работать и где искать. Сотрудничество с ними, определение направления и задач собирательской и исследовательской работы для кафедры может стать неиссякаемым и постоянно пополняющимся резервом ресурсов, новых знаний, в том числе для преподавания дисциплины «История Удмуртии» как учебного предмета.

Однако краеведческий подход, наверное, упростит как содержательное, так и исследовательское пространство курса. Считаю так, потому как уверена, что современные и будущие условия жизни в обществе требуют от студентов умения адаптироваться к культурному, этническому и языковому разнообразию, к принятию парадигмы плюрализма и толерантности, к участию в общественных процессах для выработки активной гражданской позиции, которая предполагает отношения гражданина с обществом не в патерналистском, а в партнерском ключе. Регионоведческий подход позволит молодым людям представить/рассмотреть Удмуртию как вполне самостоятельный регион, обладающий физико-географическим, демографическим, конфессиональным, этническим, социально-экономическим и политическим ресурсами, спецификой расселения, особенностью региональной идентичности и т.д.

Идентичность региональная, этническая, политико-гражданская, а также их соотношение — одна из актуальнейших проблем современных историко-этнографических исследований. К сожалению, у нас в республике эти уровни идентичности пока не разрабатывались. А уже пора. Беседы с аудиторией однозначно подводят к мнению о том, что студенты-удмурты более склонны к региональной идентификации, тогда как студенты-русские — к гражданской. Но ни один из этих уровней не отменяет этническую идентификацию. Уверена, научные поиски в этом направлении могут привести к интересным и важным результатам с точки зрения теории и практики.

На мой взгляд, можно, и даже нужно, взглянуть на Удмуртию как один из регионов компактного проживания финно-угорского населения (удмурты, бесермяне, марийцы), имеющего непосредственное отношение к понятию

«финно-угорский мир», начало легитимному и организационному оформлению которого было заложено именно в нашей республике. На I Всероссийском съезде финно-угорских народов, созванном по инициативе ассоциации «Удмурт кенеш» в мае 1992 г. в Ижевске, делегаты решили провести I Всемирный конгресс финно-угорских народов в декабре этого же года в столице Коми Республики Сыктывкаре. Возможно, в тот момент сами организаторы форума с исчерпывающей ясностью не осознавали того, что с этого события начнется новая эпоха финно-угорского мира, представляющего собой не только один из институтов гражданского общества, но и форму народной демократии. А это, в свою очередь, актуализирует проблему межрегиональных и международных связей Удмуртии и народов, ее населяющих.

Выделяя «финно-угорский мир», я не противоречу Аркадию Андреевичу, высказавшему тревогу о русских нашей республики, которые действительно пока не находятся в фокусе научного внимания региональных гуманитариев. Финно-угорская проблематика, так или иначе, выводит и на русский, и на тюркоязычный «миры». Мне кажется, в целом для России это большая проблема. А между тем, проблемы межэтнической толерантности (и интолерантности), воспитания патриотизма и гражданской ответственности во многом могут быть решены именно через анализ, исследование и соответственно – обсуждение их со студентами. Мы должны не только воспитывать их, но и знать их мнение, позицию по этим чрезвычайно злободневным вопросам. Необходимо студентам объяснить, например, почему сегодня в России находятся люди, пугающие финно-угорским миром другие народы. Возможно, потому, что этот мир представляет собой транснациональное движение, «выходящее» за пределы России. И здесь сама собой появляется новая проблема: вертикаль «федеральный Центр — регионы».

С точки зрения регионоведения перспективным видится взгляд на Удмуртию как на одну из составляющих Приволжского федерального округа, не забывая при этом о ее традиционной укорененности в истории, экономике и культуре Уральского региона. Наконец, интересно, на мой взгляд, посмотреть на наш регион как на географическое пространство, имеющее с точки зрения деятельности людей какую-либо социальную ценность и значимость. Проще говоря, представляет ли наша республика (или – будет ли представлять в среднесрочной перспективе) объект геополитических притязаний, хотя бы в рамках концепции евразийства. А, возможно, и с точки зрения запасов энергоносителей и пресной воды. Насколько я могу судить, в советские годы Удмуртия была объектом геополитического внимания и по некоторым природным ресурсам, и по специализации в сфере ВПК. Мне кажется, это достаточно интересно и достойно специального научного внимания.

Последнее: я надеюсь, что когда кафедра обзаведется сетью единомышленников из музеев, архивов, академических центров и других ВУЗов, когда она окрепнет, будет решен и вопрос об определении границ Удмуртии в пределах Вятской губернии. Согласитесь, традиционная закавыченная ссылка на четыре «удмуртских» уезда приняла слишком «затяжной» характер.

Мельникова О. М.: Очень интересны Ваши идеи, Галина Аркадьевна. Они актуальны с точки зрения развития нашего регионального сообщества. Поэтому еще более остро встает проблема формирования региональной идентичности.

А это, среди прочего, возможно и с помощью материалов по истории Удмуртии, включенных в учебный процесс. Переход на систему двухуровневого образования требует концептуального обоснования образовательной модели в целом и каждого из уровней в особенности. Создание кафедры истории Удмуртии и явилось ответом на необходимость нового уровня осмысления общегуманитарной составляющей в подготовке бакалавра, магистра, в системе СПО. Рост внимания в мире и российском обществе к национально-региональным проблемам, воспитание в студентах чувства патриотизма и толерантности требуют использования разных ресурсов, в том числе образовательных. Усложнение социальной жизни в условиях межкультурных взаимодействий требуют от выпускника университета понимания разноплановых процессов, происходящих в современном мире. Невежество, к сожалению, является причиной многих проблем, в том числе и национальных.

Важно, чтобы выпускник университета осознавал: его образовательная, а чаще всего и профессиональная деятельность осуществляется в конкретном социальном пространстве, каковым является Удмуртская Республика. Формирование у студентов профессиональных компетенций должно сочетаться с прочными представлениями о своеобразии исторического развития своей «малой родины» в ее тесной связи с историей России, хотя новые стандарты осложняют реализацию этих идей на практике. Как я уже говорила, дисциплины национальнорегионального компонента исчезли из ФГОС. Но общие компетенции разных направлений подготовки ориентируют на формирование региональной и российской национальной идентичностей, и в этом смысле дисциплина «История», которая сейчас вводится в стандарты образования, требует переосмысления.

Замостьянова Т. В., к.и.н., зав. кафедрой истории российской государственности ИжГТУ: Уважаемые коллеги, я наверное буду больше говорить об образовательном процессе, о преподавании исторических дисциплин в техническом вузе. Если раньше, стандарты второго поколения предполагали некоторое единообразие, и мы читали курсы отечественной истории в объеме 34 часов лекций, 34 часов семинаров и 17 часов – элективный курс, то сегодня занятия элективного курса аннулированы. Стандарты третьего поколения, вы знаете, прописаны с точки зрения компетентностного подхода, и сверху нам была продиктована матрица, в которой уже был заложен блок, и вторгаться туда мы не имеем права. Предписано: 32 часа лекций и 16 часов практических занятий. Итого – 48 часов. Элективный курс ликвидирован, а там был региональный компонент. Вы уже сказали, Ольга Михайловна, мы будем читать историю или историю России, либо отечественную историю. Итого мы сегодня должны подготовить 7 разных вариантов рабочих программ, потому что по разным направлениям велика разница в объеме самостоятельной работы и в зачетных единицах, которые сегодня этой болонской системой предусмотрены. Раньше мы региональный компонент включали в преподавание нашего курса. Конечно, курс мы читаем с древнейших времен и до наших дней. Представьте, мы бежим галопом по Европам, естественно, хотя и в лекционных материалах стараемся дать аспекты истории Удмуртии, и особенно – на семинарских занятиях. У нас разработаны доклады, сообщения, в методических пособиях отражена литература, поэтому все, что можно, мы делаем.

Что сегодня? Конечно, пока, на данный момент, мы будем обсуждать эту проблему, мы взяли историю УР XX века, поскольку на кафедре есть специалисты по этому периоду. Это выпускники исторического факультета УдГУ, у которых защищены диссертации по модернизационным процессам, истории промышленности Удмуртии в годы Первой Мировой войны. Ольга Геннадьевна Зубкова – специалист по проблемам местного самоуправления в 1990-е - нач. 2000-х гг., Марина Владимировна Кручинская изучает Советы, переходный постсоветский период, поэтому мы решили взять эти проблемы, и, возможно, в виде каких-то небольших сообщений они будут представлены на семинарских занятиях. Может быть, какой-то объем работы мы возьмем и в лекционный материал. Для выживания, мы, видя ту перспективу, которая нависла над нами, 6 лет назад открыли специальность «Государственное и муниципальное управление». Вот где поле работы! Ольга Геннадьевна сейчас расскажет, как мы стараемся работать в этой области; все наши выпускные квалификационные работы, проекты базируются на материалах, в том числе, и по истории Удмуртии. Пока мы еще в состоянии раздумья и размышления. Конечно, будем работать над этой проблемой.

Зубкова О. Г., к.и.н., доцент кафедры истории российской государственности ИжГТУ: Я полагаю, что развитие направления «Государственное и муниципальное управление» дает нам шанс развивать отдельные аспекты истории Удмуртии. В соответствии с новым учебным планом нам удалось поставить в раздел «Дисциплины по выбору», предусмотренных Федеральным стандартом, две такие дисциплины: «УР как субъект РФ» и «Теория и практика федерализма», в рамках которых, безусловно, предусматривается региональный компонент. И мы возлагаем надежду на кафедру «История Удмуртии», что это будет детально разработанная учебная дисциплина и мы тоже будем черпать информацию для наших учебных курсов. И еще я хотела подарить кафедре истории Удмуртии 3 монографии, которые написали коллеги нашей кафедры на основе диссертаций, защищенных в диссертационном совете исторического факультета УдГУ.

Уваров С. Н., к.и.н., зав. кафедрой отечественной истории, социологии и политологии ИжГСХА: Коллеги, хотелось продолжить рассуждения об истории России и истории Удмуртии в контексте учебного процесса. В нашем вузе, конечно, схожие проблемы с теми, о которых сказала Тамара Владимировна. В учебных планах Ижевской ГСХА сегодня нет дисциплины «История Удмуртии», хотя раньше она существовала среди курсов по выбору. Поэтому сюжеты по истории Удмуртии мы включаем в действующий курс «Отечественная история». Например, изучая период Ивана Грозного, рассматриваем присоединение удмуртов к российскому государству и его значение. Изучаем Великую Отечественную войну – касаемся вклада Удмуртии в Победу. Мы понимаем, насколько это важно: наши выпускники в основной своей массе здесь родились, выросли, работают в Удмуртии, и нужно, чтобы они имели представления об истории того региона, где они живут и трудятся. В этом году мы будем работать по новым стандартам, тем не менее очень надеемся, что изучение истории Удмуртии в контексте общенациональной истории нам удастся продолжить.

Хочу сказать еще и о том, что к научным исследованиям по истории Удмуртии мы стараемся активно привлекать студентов. С их помощью наша кафедра

ведет сбор воспоминаний. В частности, для меня и моих коллег значимой темой исследований в последнее время стала история сельского хозяйства Удмуртии послевоенного периода. Это актуально и с точки зрения осмысления его современного состояния, и вполне логично ввиду специфики нашей академии. Уже накопилось столько воспоминаний, собранных нашими студентами, что я думаю об издании монографии на этой основе. Надеюсь, что мы будем плодотворно сотрудничать. Поздравляю исторический факультет, историческую науку с открытием кафедры истории Удмуртии.

Фирулева Л. Д., к.и.н., доцент кафедры истории и политологии УдГУ: наша кафедра также обеспечивает курсы истории на разных факультетах УдГУ. Мы сталкиваемся сегодня с теми же проблемами, о которых говорили наши коллеги из других вузов. Конечно, мы будем использовать любые возможности включения материалов по истории Удмуртии в общий курс истории.

Ившин В. Г., к.ю.н., директор ИПСУБ УдГУ: Во-первых, спасибо за приглашение к участию в работе «круглого стола», во-вторых, должен сказать, что, будучи студентом УдГУ, в свое время, в конце 1970-х годов изучал историю Удмуртии. Преподаванию истории на юридическом факультете (теперь в Институте права, социального управления и безопасности) уделяется первостепенное значение: наряду с юридическими дисциплинами, читаются большие по объему курсы истории Отечества, истории государства и права России и зарубежных стран. Их преподают профессора Т. П. Евсеенко, В. А. Чиркин, Е. Ф. Шумилов. Я согласен с уважаемым Евгением Федоровичем Шумиловым, который высказал пожелание читать не историю государственности Удмуртии, а историю удмуртского народа. Студенты хорошо воспринимает эти курсы. Рейтинг преподавателей истории среди студентов ИПСУБ очень высок.

Создание кафедры истории Удмуртии – это уже свершившийся факт, и мы должны ввести преподавание дисциплины «История Удмуртии» в полном объеме. Обучение в бакалавриате сокращается до 4 лет, так что надо искать новые формы преподавания дисциплин регионального компонента, включая магистратуру. И, конечно, читать этот курс, считаю, должны профессионалы. Это бесспорно. Также необходим единый методологический подход к преподаванию дисциплины «История Удмуртии».

Кудрявцев А. Ф., к.г.н., декан географического факультета УдГУ: История и география, как никакие другие науки, весьма близки. Как сказал один французский географ: «География – это история в пространстве, а история – это география во времени». Связи между географией и историей более чем естественны для географов, а де-факто историко-географические исследования на нашем факультете проводятся уже давно. Для нас более чем естественны исследования общества и его территориальной структуры в контексте изменений во времени. Поэтому мы только приветствуем этот свершившийся факт – открытие кафедры истории Удмуртии. В наших учебных планах давно читается курс «География Удмуртии», где мы обращаемся и к историческим сюжетам. Мы готовы интегрировать историков в наши учебные планы, готовы принять их на факультете, чтобы студенты имели возможность получать знания по истории своего региона и своего народа на качественно высоком уровне.

Есть у нас и свои пожелания (и, очевидно, их надо выслушать историкам от представителей других факультетов): историю Удмуртии надо читать сквозь призму потребностей конкретного направления подготовки, потому что в каждой профессии есть свои нюансы, которые важно учитывать. Каковы пожелания географов? Прежде всего, если иметь в виду, что главным предметом изучения географии – экономической, социальной или, как сейчас говорят, общественной – является территориальная организация общества, то нам очень хотелось, чтобы она рассматривалась в историческом контексте. Важно обратить внимание на процесс формирования территориальной организации общества на различных этапах исторического развития. Желательно акцентировать внимание на таких этапах развития общества в Удмуртии, как доаграрный, аграрный, индустриальный. Как говорил классик, общества отличаются друг от друга не тем, что производится, а тем, как производится. Можно добавить, что доиндустриальные и индустриальные общества отличаются друг от друга не только тем, как они производят, но и своей территориальной организацией. У каждой эпохи в истории Удмуртии – своя территориальная организация общества. И хотелось бы, чтобы новая кафедра могла профессионально донести до студентов специфику исторического развития нашего региона.

Горбушина Г. В., зам. декана факультета удмуртской филологии УдГУ: Изучение удмуртской филологии в отрыве от истории, археологии, этнографии удмуртского народа невозможно. Уже сегодня на факультете читается курс «История и культура удмуртского народа». Мы понимаем, что при изучении курса истории удмуртской литературы нам необходим курс и истории Удмуртии, в первую очередь потому, что литературный процесс тесно взаимосвязан с историей страны, историей Удмуртии. Мы приветствуем открытие кафедры и ищем возможности, чтобы этот курс предшествовал нашему курсу – «История удмуртской литературы».

Байметов В. А., к.психол.н., декан факультета журналистики УдГУ: Изучение истории Удмуртии, безусловно, значимо для Республики, для высшего профессионального образования. У нас на факультете есть удмуртское отделение, мы его всеми правдами и неправдами сохраняем, хотя, конечно, многие выпускники у нас - к счастью или к сожалению - уезжают в Москву и Санкт-Петербург, где трудоустраиваются довольно успешно. Тем не менее наши выпускники должны быть ориентированы прежде всего на наш регион, и историю Удмуртии, и географию Удмуртии, безусловно, должны знать, чтобы грамотно их освещать все происходящие процессы. Я хотел бы сказать по поводу роли такого компонента, как возможные направления научной деятельности вновь созданной кафедры. Считаю, что кафедра должна свою роль сыграть в деле популяризации научного исторического знания. И на уровне краеведческом, конечно, публикации должны быть... Выскажу непрофессиональное мнение о том, что существующие публикации краеведов, грубо выражусь, напоминают ситуацию «кто в лес, кто по дрова», и это происходит, как мне кажется, от недостатка какого-то систематического представления об удмуртской истории. Есть, конечно, объективные трудности, потому что, я так понимаю, историки до сих пор до конца не договорились по проблемам присоединении (вхождения)

Удмуртии к России, и, может, никогда об этом не договорятся. Важно, чтобы исторический компонент был представлен в нашей региональной прессе (СМИ, на радио), и здесь, мне кажется, кафедра истории Удмуртии такую роль должна сыграть. Мне бы хотелось Ольгу Михайловну в этом смысле призвать (понятно, что сейчас у нее нагрузка колоссальная) и нацелить на активность. Чем можем — мы поможем, как говорится, чтобы быть открытыми к СМИ, их мы тоже постараемся подтянуть. К сожалению, приходится констатировать, что сами они к этому тоже не очень много проявляют интереса. Есть, мне кажется, с их стороны какое-то недопонимание важности этих процессов. У нас телеканалы и интернет-порталы пишут: «Сегодня день системного администратора», или еще какой-то праздник. Но нет дат по истории Удмуртии, эта информация широко не публикуется... Конечно, есть календарь памятных дат, конечно, грифа ДСП там нет, но фактически это брошюрка как для служебного пользования. Я думаю, что она должна стать настольной книгой для каждого педагога и в школе, и в вузе, и для тех, кто работает с молодежью, и многие для себя хотели это иметь.

Рупасова М. Б., заместитель директора Национального музея УР им. Кузебая Герда: Во-первых, я и присутствующая здесь коллега — заместитель директора архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай» Е. Г. Замараева как представители всего музейного сообщества рады, что нас воспринимают как полноправных партнеров в системе высшего профессионального образования, потому что, чего греха таить, и в архивах число студентов уменьшилось, и в музеях сегодня посетители — это школьники и, с пугающим нарастанием, — детские сады. С одной стороны, это обнадеживает. Но сами понимаете, что уровень музейного предложения тоже тогда меняется — становится несколько другим. Мы больше превращаемся в территорию интересного досуга, нежели неформального образования, поэтому мне хочется сказать по этому поводу.

Вспомнилось хорошо забытое старое: в свое время за руку привел нас в каждый музей города Ижевска, в каждый архив, в краеведческий отдел национальной библиотеки, наш корифей Александр Александрович Александров. То есть некоторое намерение должно быть; должна существовать система, которая бы работала на это. Надо рассматривать сегодня как образовательный ресурс не только те музеи, которые прозвучали. Две недели тому назад на расширенной коллегии Министерства культуры УР была заслушана и одобрена концепция развития музейной сети. К сожалению, приглашенные туда коллеги из Минобрнауки не пришли, хотя образовательный аспект деятельности этой сети был там одним из приоритетных. Сегодня музеи могут предложить целую серию своих методик. Я даже сейчас об этом не говорю, потому что, понятно, что, как и архив, музей – это собрание локальных историй, историй повседневности, то, что наполняет современность человеческим фактором. И с этим можно работать, и очень интересно. Но чтобы это все заработало, необходимо преодолевать не только интересы своих направлений исследований, о чем говорилось. У нас появятся еще межведомственные барьеры, потому что для выхода на уровень каких-либо программных документов и соглашений необходимы часы, ставки и – финансы. У нас проявятся интересы разных ведомств – культуры и образования. Мы с этим столкнулись, когда музейное сообщество стало локомотивом развития культурно-

познавательного туризма. И до сих пор спорим, чья программа — министерства культуры или министерства туризма должна быть принята и профинансирована. В результате пока не профинансирована ни одна, и сегодня именно музейные сети работают с локальными брендами и для туризма, и для образования, объединяя краеведов и предлагая образовательные методики.

Мне кажется, что сейчас, на первых порах, наш музей как методический центр может собрать все предложения заинтересованных лиц и организаций. Условно говоря, музей для высшей школы можно рассматривать как ресурс по части исследовательской деятельности, по части организации практик, потому что практики мы давно проводим не только с историками; у нас и дизайнеры, и факультет социальных коммуникаций – культурологи, и географы, и биологи, и журналисты. И удмуртская филология с литературным нашим музеем работала. Вот для практики мы очень много чего предоставляем, вопрос: как это транслировать на музейную сеть? Мне кажется, нужно пересмотреть не только работу с кафедрами. Это должен быть некий единый сетевой проект: высшей школы Удмуртии и музейной сети Удмуртии. Для системы общего образования мы предложили проработать программу, которую назвали 25 путешествий по Удмуртии. Она предполагает, что в течение школьного обучения школьник побывает в каждом районе и познакомится с его особенностями. Мы не изобретали велосипед – такая программа с замечательным названием «Финский дом» работает в Финляндии: в ней заложены определенные часы, и все приезжающие знают, с чем они имеют дело. Пусть еще не каждый район УР готов должно представить свои достопримечательности, но в большинстве районов наработки у нас уже сейчас есть. Мы можем собрать и предложить вам подобные проекты.

Считаю, что нам нужно выходить и дальше – на уровень какого-то межве-домственного соглашения. Может быть, с Удмуртским университетом отработать пилотный проект, который бы транслировался на другие вузы. Дальше – по части стандартов и часов. Сегодня посещение музеев со студентами – чаще всего инициатива одного педагога, понимающего это все. Я могу пока привести только один пример системы работы с ИжГТУ (а не с Университетом, к сожалению) в лице Е. Г. Ренева, который регулярно приводит к нам своих студентов на основе серий замечательных образовательных методик. Вот тут как раз понятно, что на образовательные стандарты мы вряд ли можем замахиваться. Музейные образовательные методики не всегда могут туда вписываться. Со школой мы столкнулись с некоторым недопонимаем процесса.

И последнее. В последнее время мне часто приходится повторять старую китайскую пословицу, наверное, потому что она имеет отношение к системе образования – вузовской и музейной: «Расскажи мне – и я забуду. Покажи мне – и я запомню. Дай мне сделать – и я пойму». Не в обиду вербальному высшему образованию, «дай мне сделать» – это вот про нас, музейщиков. Два часа, проведенных в музее, могут дать больше для восприятия и эмоциональных переживаний. А эмоциональная память работает гораздо дольше. В этом смысле мы готовы предоставить наши возможности, и, еще раз говорю, выйти на уровень поначалу какого-то соглашения, далее – программы. Обращаю ваше внимание: пока нет ни одной межведомственной Программы: музеи + образование. Именно

на уровне программы, финансируемой двумя ведомствами. Если мы это сделаем, мы опять будем впереди планеты всей.

Иванова М. Г., д.и.н., ученый секретарь Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН: В общем, из сегодняшнего разговора получается, что все выступают за широкое преподавание истории Удмуртии в региональных вузах, у всех есть к этому желание. Иное дело, что насколько достаточно будет выделено часов по факультетам для изучения этого курса. С другой стороны, многое говорилось и о направлениях исследований, которые необходимо нам вести. Но вопрос состоит еще и о подготовке учебника для вуза. Мне довелось работать над созданием учебных материалов для учителей («История удмуртского народа» (2004)), где я обобщала материалы. В 1994 г. издана «История Удмуртии» – учебник для школ, потом, мы издали академическое издание «История Удмуртии» В каждой работе все материалы по-новому подавались. Я не могу сказать, что эти работы абсолютно удачны. Если «История удмуртского народа» был первым опытом, в каких-то сюжетах научно-популярный, в каких-то – научной, археологической, то существует проблема извлечения исторического знания из археологических источников, остающаяся по-прежнему актуальной. Когда мы готовили школьный учебник по «Истории Удмуртии», приходилось осуществлять палеодемографические, социально-экономические и этнокультурные реконструкции. Естественно, что не все они абсолютно бесспорны для столь далеких эпох. И когда мы в учебнике для школ начинаем давать эти материалы очень упрощенно, то это вызывает нарекания со стороны представителей научного сообщества. Естественно, что подготовка самих учебников, а очевидно, это – первоначальная задача для создаваемой кафедры, конечно, будет очень сложной. Что же касается академической «Истории Удмуртии», то сегодня это издание признается весьма удачным опытом изложения региональной истории. Фактически научное сообщество Удмуртии оказалось первым, кто осуществил такого рода издание в России с учетом новых исследовательских подходов в исторической науке. Практически все три тома мы делали вместе с преподавателями УдГУ, поэтому, естественно, полагаю, что и при подготовке вузовских учебников этот опыт будет учтен.

Лигенко Н. П., д.и.н., ведущий научный сотрудник Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН: Я полагаю, что на данном этапе уровень развития общественных наук, отражающих историю и культуру Камско-Вятского региона, позволяет качественно преподавать «Историю Удмуртии» в вузе. В распоряжении преподавателей и студентов имеется трехтомное издание «Истории Удмуртии», приложение в виде «Хрестоматии по истории Удмуртии», учебные пособия для школ, хрестоматии по истории городов и заводских поселков Удмуртии, монографические исследования по различным, широкого круга, проблемам, научные сборники статей, диссертационные исследования и др. На мой взгляд, перед написанием учебника по истории Удмуртии для вузов необходимо сделать паузу с целью исследования важных, слабоизученных проблем в истории Удмуртии. Обратимся к опыту историков 1980-х гг., когда, ввиду того, что двухтомник «Истории Удмуртии» (1952–1958) значительно устарел, как и сегодня, встал вопрос о создании «Истории Удмуртии». Авторский коллектив УдНИИ не смог выполнить тогда эту задачу, поскольку многие проблемы были не исследованы и возникла необходимость углубленно и более широко изучить узловые проблемы аграрной истории, промышленного

развития, товарно-денежных отношений, органов местного самоуправления и др. В 1965 г. при секторе истории УдНИИ совместно с преподавателями кафедры отечественной истории УдГУ были созданы проблемные советы по советскому и дореволюционному периодам истории Удмуртии. Были подведены итоги развития историографии, выявлены малоизученные и неисследованные проблемы истории региона. Для дальнейшей более продуктивной работы по отдельным проблемам были созданы авторские коллективы. Возникла необходимость в создании координационного комитета для систематизации научных тем, которые рекомендовались бы в качестве докторских, кандидатских, дипломных работ и др. Председатель этого комитета, заместитель директора УдНИИ по науке Н. П. Павлов, последующие годы успешно претворял в жизнь поставленные советами задачи. По важнейшим узловым проблемам были выпущены монографические исследования, написаны докторские и кандидатские диссертации и т.д. Спорные, дискуссионные вопросы активно обсуждались на заседаниях проблемных советов.

Мне представляется, что и на данном этапе подготовки учебника стоит начать с создания координационного совета и организации проблемных советов, с обсуждений дискуссионных вопросов в целях выработки единой точки зрения на ряд спорных проблем. Авторским коллективам необходимо обратиться к историографии Удмуртии, выявить наименее изученные проблемы. В результате такой работы вычленится и авторский коллектив учебника для Вузов.

Малышев М. Ю., к.и.н., проректор УдГУ по стратегическому планированию и работе с территориальными подразделениями: Я думаю, что то, что сегодня происходит здесь, – это очень важно. Ваши мнения еще раз убеждает меня и декана исторического факультета Надежду Юрьевну Старкову в правильности решения Ученого Совета УдГУ о создании кафедры истории Удмуртии. Когда мы убеждали Ученый Совет – Владимир Георгиевич Ившин помнит это совещание, и Владимир Александрович Байметов и Андрей Федорович Кудрявцев тоже помнят, - задача была сложной сама по себе. И прежде всего в том, чтобы объяснить, что на сегодняшний день задача, стоящая перед новой кафедрой, очень важная – объединительный процесс всех, кто занимался своим нужным и сложным профессиональным делом. И то, что сегодня собрались здесь и представители исторической науки, и архивисты, и музейщики, и наши коллеги из других вузов, факультетов, - это очень важно. И важно то, что это событие все-таки свершилось, и мы как историки часто смотрим вглубь – и вдаль. Здесь присутствуют те, кто на том Ученом совете, в апреле, голосовал за создание кафедры, что, я думаю, и послужило отправным моментом для деятельности кафедры истории Удмуртии. Сегодня мы обсудили явные задачи, стоящие перед кафедрой, и поняли, что ее деятельность будет продуктивна только в совместных действиях всего исторического сообщества, которые оно, несомненно, предпримет. И еще раз хочу напомнить, что, наверное, основная задача историков Удмуртии – это позиционирование всего этого направления в нашей республике, за ее пределами и за пределами нашей страны. Очень важно говорить о том, что мы есть. Я думаю, что нашими совместными усилиями кафедра начнет обрастать людьми, своими ресурсами, и мы, естественно, со стороны администрации УдГУ будем всегда поддерживать это направление. И я хотел бы еще раз пожелать, прежде всего, и кафедре, которую

возглавляет Ольга Михайловна, – замечательного будущего. Потому что начало, мы видим, – очень хорошее. В то же время я хотел бы сказать, что и на историческом факультете в этом году происходят значимые события: юбилейная дата у нас – 80 лет Удмуртскому государственному университету, – 80 лет Аркадию Андреевичу Тронину, 333 года Сарапулу и Глазову, 90 лет столице. И то, что в этом году у нас открылись две замечательные кафедры: истории Удмуртии и этнологии и регионоведения, получившей статус академической и возглавляемой преемником профессора Владимира Емельяновича Владыкина Алексеем Егоровичем Загребиным, дает нам надежду на то, что история Удмуртии как учебная дисциплина и исследовательское направление получит новый импульс развития.

Мельникова О. М.: Уважаемые коллеги, я думаю, что всех тем, которые можно обсуждать по истории Удмуртии, мы еще не исчерпали, и я думаю, что на следующий год мы запланируем большую конференцию, чтобы собрать все историческое сообщество, работающее в предметном поле истории Удмуртии. Надеюсь, что ваш отклик на сегодняшнее мероприятие дает нам надежду на сотрудничество в будущем. Большое спасибо!

Поступила в редакцию 15.03.2012

Round work table: «History of Udmurtia as a scientific area and academic discipline in professional education: strategies of development».

There is a group of materials of round work table, held at the Udmurt State University, June 8, 2011, where historians of Udmurtia – researchers, teachers, museum and archive staff – have discussed topical issues of regional historiography.

Keywords: history of Udmurtia, department of history of Udmurtia, regional studies, professional education.

Материалы круглого стола подготовлены О. М. Мельниковой

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

УДК 780.6(=511.131)

И. В. Пчеловодова

К МИФОЛОГИЧЕСКОМУ СОДЕРЖАНИЮ УДМУРТСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА)

Рассматриваются детские звуковые орудия, определяются их место и роль в удмуртской традиционной культуре. Затрагивается вопрос этнокультурных параллелей.

Ключевые слова: звуковые орудия, трещотка, жужжалка, свистульки, музыкальный лук, мифология, Г. Е. Верещагин.

Возникновение и функционирование многих предметов и явлений в традиционном обществе связано с магическими представлениями о них, уходящими своими корнями в мифологическое время. Согласно народным представлениям, эти предметы обладают способностью прямо или опосредованно воздействовать на окружающее пространство. Среди всего корпуса подобных предметов наше внимание привлекают так называемые звуковые орудия* как наименее освещенные в удмуртском этноинструментоведении.

Основной особенностью использования звуковых орудий является их промежуточное положение между магией и собственно музыкой. Громкие, резкие и звонкие звуки, издаваемые этими инструментами, наделялись магической силой воздействия, способностью отпугивать злых духов и оберегать людей от отрицательных и губительных воздействий.

Ранние, а нередко и единственные, сведения о некогда бытовавших подобных инструментах в удмуртской традиционной культуре зафиксированы Григорием Егоровичем Верещагиным в кон. XIX в. на территории Сосновского края Сарапульского уезда Вятской губернии (совр. Шарканский р-н УР). Информацию о них автор приводит в разделе «Игрушки дътскія» [4. С. 187–196], среди которых в качестве звуковых орудий мы выделяем следующие: трещотка, жужжалка, свистульки, кукла-свистулька и пукы (игрушка в виде охотничьего

 $^{^*}$ К звуковым орудиям мы относим инструменты прикладного назначения (охотничьи манки, коровьи колокольчики, сигнальные рожки), использующиеся в повседневном быту и не имеющие эстетической функции.

лука). Верещагин приводит детальное описание внешнего вида инструментов, что на сегодняшний день представляет большую ценность, поскольку некоторые из них уже исчезли. Последнее обстоятельство заставляет нас обратиться к инструментальной культуре других народов, где вышеназванные инструменты активно функционировали до последнего времени.

Трещотка — состоит из прямоугольной рамы (с березовой пластиной посередине) и ребристого валика. Когда рама вращается вокруг своей оси, ее пластинка задевает за ребристую поверхность валика и издает громкие и трескучие звуки. Наряду с другими шумящими и звенящими инструментами трещотка использовалась удмуртами в очистительном обряде портмаськон (ряжение), проводимом в ночь на Великий Четверг. Важное место трещотка занимала также в обряде Шайтан уллян (изгнание беса), который происходил зимой. Группа мужчин ходила из дома в дом с кольями, трещотками и вилами. Войдя в дом с зажженными факелами, прогоняли бесов из каждого уголка. После обхода всех домов на краю деревни разжигали костер, куда «с гиканием» бросали все колья и трещотки [8. С. 113].

К. П. Вахменн отмечает, что в древности трещотки и погремушки имели магически-религиозное значение, чем и объясняется их употребление знахарями в своей практике [22. С. 26]. Огромное количество самозвучащих инструментов, в том числе подобных трещотке, активно используются в обрядовой практике у южноамериканских индейцев [21]. В качестве шумового сигнального инструмента трещотка известна и народам Поволжья. Например, у чувашей она занимала центральное место в очистительном обряде серен, проводимом всей деревней или селом. Этот обряд под влиянием христианства слился с Вербным воскресением. Чувашский исследователь А. К. Салмин связывает название обряда с названием инструмента [16. С. 99–100]. В тех же функциях трещотка встречается в традиционной культуре финно-угорских (коми, мари и др. [19; 7]) и славянских народов. У русских трещотка представлена в виде нанизанных пластин, однако функция ее не меняется: это обрядовый инструмент, использующийся главным образом в свадебном обряде: «Во время свадьбы его (инструмент. – И. П.) украшают лентами, искусственными цветами, в Курской области на нем укрепляют даже бубенчики» [1. С. 120]. Такое внимание к инструменту позволило музыковеду К. Квитке предположить, что, помимо музыкальной, он выполнял еще и магическую функцию: оберег молодых от злых духов [1. С. 120].

Таким образом, в традиционной культуре многих народов трещотка выполняет магически-охранительную функцию: благодаря своему трескучему звучанию, способствует очищению «окультуренного» пространства.

Жужжалка — вихревая вертушка. Это — один из архаичных духовых инструментов. Судя по описанию Г. Е. Верещагина, у удмуртов он представлен в виде цилиндра, сделанного из дерева, длиной не менее 45 см, толщиной 1 см. В середине цилиндра с обеих сторон на одинаковом расстоянии друга от друга вырезают по две дырочки, в которые продевают нитку или шнурок, конец его завязывается. Один конец нитки надевается на указательный палец правой руки, а другой — на указательный палец левой руки. Нитка натягивается в горизонтальном направлении. Для извлечения звука ее необходимо скрутить, после чего

потянуть за оба конца нитки, то ослабляя, то натягивая ее. Жужжалка крутится то в одну, то в другую сторону и издает звук, похожий на жужжание.

Необычность звучания инструмента предполагает его использование в обрядовой практике, что подтверждается функционированием аналогичного по конструкции инструмента у многих народов Сибири. Так, жужжалки и гуделки (вращаемые пластинки) сопровождали очистительный обряд нового жилища у народа саха. Как отмечает И. С. Вдовин, жужжалка занимала центральное место в обряде ангыт хололо у коряков-карагинцев и ительменов: мужчины раскручивали вертушку до тех пор, пока не рвался ремень, после чего начиналась борьба мужчин за ремень, «каждый обрезал себе столько, сколько успел захватить (намотав на руку)» [цит. по: 20. С. 90]. Сонорное звучание жужжалки у древних народов вызывало ассоциации со звучанием ветра. Так, например, магическая формула воздействия на природу у народа удэ сопровождалась ритмично извлекаемыми звуками на жужжалке, обозначаемой словом хуга; эвенки считали, что ветер возможно вызвать только магическим способом, а именно - при помощи жужжалки [20. С. 89]. По мнению Ю. И. Шейкина, особое отношению к инструменту связано с тем, что в силу специфического звучания он выполнял «функцию посредника между миром духов и людей» [20. С. 91].

Свистульки. В удмуртской традиционной культуре духовые инструменты составляют древний и архаический пласт инструментальной культуры. Основная функция их использования связана с отдельными видами хозяйственной деятельности, прежде всего, охотой и пастушеством. Особенности контактирования с миром птиц, зверей, животных способствуют созданию особой формы общения, которая не связана с вербальным текстом. Как отмечает этноинструментовед И. В. Мациевский, «...в сознании самих носителей фольклора ее знаковая система должна противостоять словесному способу коммуникации. С животными и духами ведь нужно говорить на их языке!» [12. С. 10]. Языком общения между «своим» и «чужим» мирами становится тембр инструмента, за которым скрывается человеческий голос.

Среди одинаковых по конструкции свистулек в отдельную группу выделяется рябчиковый манок для приманки охотником этой птицы. Замечание Г. Е. Верещагина о материале изготовления манка (из травных дудок и коры, снятой с виц ивы, черемухи и липы, из гусиных перьев [4. С. 187]) подтверждается и современными экспедиционными материалами. До сих пор охотники используют это звуковое орудие в своей практике [18].

Из разряда детских игрушек Г. Е. Верещагин выделяет еще один духовой инструмент – *куклу-свистульку*, причем дает не только описание инструмента, но и способы игры на нем: «Это глиняный болвань утки съ пустотой внутри; по бокамъ болвана небольшія дырочки, а въ концѣ, изображающемъ хвостикъ, отверстіе какъ у оловянной свистульки полицейскихъ служителей. Взявши уткообразную свистульку за оба бока между большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ, конецъ хвостика берутъ въ губы и дуютъ въ плоское отверстіе въ концѣ хвостика; при этомъ кукла свиститъ, а для разнообразія звуковъ боковыя дырочки поперемѣнно то закрываются, то открываются указательными пальцами»[4. С. 189–190].

Сюй шулан относится к числу ритуальных инструментов. По замечанию удмуртского исследователя А. М. Карпова, «использование *шулана* в обряде

шайтан уллян (изгнание беса) указывает на его древнее ...происхождение» [10. С. 17]. Нам не удалось найти подтверждения данной информации, однако не исключаем возможности бытования глиняной свистульки в рамках этого обряда.

В прошлом в некоторых регионах России на праздниках, сопровождаемых свистом, дети играли на глиняных свистульках. Например, во время вятских поминальных обрядов-праздников обязательно продавались детские глиняные игрушки-свистульки [9. С. 135]. А. А. Плотникова объясняет это «верованиями в то, что души умерших (в данном случае – насильственно убиенных) издают свистящие звуки, подражание которым способно их же и отпугнуть» [14. С. 299]. Нами зафиксирована информация об игре на глиняных свистульках у южных удмуртов во время праздника гырон быдтон, посвященного окончанию пахоты. Играть на сюй шулане в другое время запрещалось во избежание нанесения вреда будущему урожаю [13. С. 6]. Обряд-благодарение гырон быдтон приурочен к началу периода Инвожо (летнего солнцестояния) — «переломного момента солнечного круга» удмуртов [5. С. 83]. Возможно, игрой на глиняной свистульке с помощью свистящих звуков удмурты создавали своего рода защиту от потусторонних сил, наиболее опасных именно в переломные/переходные моменты.

Не меньший интерес вызывает детская игрушка удмуртов под названием *пукы* . Она представляла собой деревянный ствол в виде желобка, в основании которого просверливалось отверстие для продевания лукообразного прутика из вяза или вереска*. К обоим концам лука привязывалась крепко натянутая бечевка. Цель игрушки заключалась в том, чтобы выпустить стрелу с помощью натянутой бечевки, которая крепилась к специально вырезанной зарубке на стволе. Судя по рисунку, лук устанавливался прямо на земле или мог закрепляться для устойчивости на каком-либо предмете.

В качестве музыкального инструмента лук впервые описан музыковедом В. М. Беляевым: музыкальный лук – один из древних смычковых музыкальных инструментов удмуртов «с одной, двумя и даже тремя тетивами-струнами из конских волос» [2. С. 36], то есть изготавливался из ветки с несколькими разветвлениями. Другой такой же лук с одной тетивой-струной использовался в качестве смычка. Волос предварительно натирался еловой смолой. Исследователь замечает, что местное название инструмента и способы игры на нем не зафиксированы, не упоминается и регион бытования инструмента. Других сведений о смычковом музыкальном луке удмуртов встретить не удалось. Однако зафиксирована информация об игре на ротовом музыкальном луке среди южных и завятских удмуртов [11; 6; 14]. Этот инструмент представлял собой согнутую широкую ветвь, за края которой прикреплялась одна, а возможно и несколько струн; во время игры один конец инструмента прикладывали ко рту, струну защипывали пальцем. Таким образом, в удмуртской инструментальной культуре можно выделить два типа музыкального лука, отличающихся способом звуковоспроизведения: при помощи смычка и защипывания пальцем.

Музыкальный лук встречается в традиционной культуре ряда народов: финноугорских, в Сибири, южноамериканских племен индейцев и др. Существует,

^{*} Вереском на территории УР называют можжевельник [устн. сообщение канд. биологич. н. Н. Ю. Сунцовой].

несколько древних способов игры на нем: ударяя по струне, защипывая пальцем или с помощью смычка. У тувинцев во время игры на *ча-хомусе* один конец лука упирается в землю, другой – в плечо, к тетиве прикладывается открытый рот, струна защипывается пальцем [17. С. 56]. Разные племена южных индейцев использовали все три способа [21. С. 203]. У сибирских народов (нганасан, энцев, ненцев, селькупов, эвенков и др.) также применяется одновременно игра с помощью смычка (плавное ведение или удар) или «щипком одной или обеими руками исполнителя» [20. С. 119]. У марийцев, наряду с музыкальным инструментом в виде ротового музыкального лука *коң-коң*, в качестве ударного звукового орудия использовался лукообразный инструмент *йыдан*: звук без определенной высоты извлекался с помощью щипка пальцами или палочкой [7. С. 197]. Наличие ротового музыкального лука у марийцев и удмуртов дало основание музыковедам Е. П. Бусыгину и В. И. Яковлеву предположить, что струнно-щипковый музыкальный лук явился прообразом гуслей в регионе Поволжья [3. С. 334].

Рассмотренные в данной статье музыкальные инструменты представляют собой архаичный пласт в традиционной удмуртской культуре. Одна из главных их функций – очищение и сохранность «окультуренного», освоенного человеком пространства, возможность общения с представителями другого мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. $\it Eанин A. A.$ Русская инструментальная музыка фольклорной традиции. М.: Гос. республ. центр русского фольклора, 1997. 248 с.
- 2. *Беляев В. М.* Справка об удмуртских народных музыкальных инструментах // Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1989 (Памятники культуры). С. 34–38.
- 3. *Бусыгин Е. П., Яковлев В. И.* Гусли у поволжских народов // Счастье жить и творить. Казань: Изд-во Каzan-Казань, 2006. С. 332–335.
 - 4. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края. СПб, 1886. 218 с.
- 5. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 356 с.
 - 6. Гаврилов И. Тодам ваисько. Ижевск: Удмуртия, 1978. 172 с.
- 7. *Герасимов О. М.* Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола, 1996. 223 с.
- $8.\ \Gamma epd\ K$. Вотский театр // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4: Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма / Сост., авт. предисл., коммент. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. С. 110-115.
- 9. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Вступ. ст. Н. И. Толстого, подготовка текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М.: Изд-во «Индрик», 1995. 432 с. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения).
- 10. Карпов А. М. Древние музыкальные инструменты (К этнографическому изучению) // Истоки искусства Удмуртии / Отв. ред. В. В. Ложкин. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 12–22.
- 11. *Курочкин М.* Кубыз. Сборник вотских мелодий Малмыжского, Можгинского и Казанского уездов. Ижевск: Удкнига, 1925. 58 с.

- 12. Мациевский И. В. О финно-угорских параллелях в русской народной инструментальной музыке // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / Сост. И. Рюйтел. Таллин: Ээсти Раамат, 1980. С. 9–20.
- 13. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН: дело № 2Н-1383«б». 40 с.
- 14. *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. Вып. 2 (Удмуртский фольклор). 332 с.
- 15. *Плотникова А. А.* О символике свиста // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999. С. 295–304.
 - 16. Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб: Наука, 2007. 654 с.
- 17. $\mathit{Сузукей}\,B.\,\mathit{IO}.$ Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М.: Изд. дом «Композитор», 2007. 408 с.
- 18. Фонограммархив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН: магнитофонная кассета № 201.
- 19. *Чисталёв П. И.* Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1984. 104 с.
- 20. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.
- 21. *Izikowitz Karl G*. Musical and other sound instruments of the South American Indians: a comparative ethnographical study. Goteborg, 1935. 435 P.
- 22. *Wachsmann Klaus P.* The Primitive Musical Instruments // Musical Instruments through ages. Great Britain, 1961. P. 23–54.

Поступила в редакцию 10.01.2012

I. V. Pchelovodova

About mythological content of the Udmurt musical instruments (materials of the G. Je. Vereshchagin)

The article deals children sound instruments; it is found place and role in the Udmurt traditional culture. The question of ethnocultural parallels is mentioned.

Keywords: phonic/sound instruments, rattle, ball roarer, whistles, musical bow, functioning, mythology.

Пчеловодова Ирина Вячеславовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН Ижевск

E-mail: pchelka-irina@mail.ru

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna,

Candidate of Science (Philology), research associate, Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: pchelka-irina@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

УДК 008:911.9(=511.1)

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ»

Исследования культурных ландшафтов наиболее плодотворны, если они ведутся на **стыках различных научных дисциплин** — естественных, общественных и гуманитарных. Культурный ландшафт — это комплексный объект изучения, и потому изучать необходимо не отдельные его стороны — природу и человека во всем их многообразии, а их системную сущность и связь.

Междисциплинарный характер культурного ландшафта как объекта исследований хорошо продемонстрирован в ходе работы научно-аналитического семинара «Культурные ландшафты финно-угорского мира в контексте географической науки», прошедшего 18 ноября 2011 г. в рамках ІІ Международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств». Инициатор семинара – географический факультет Удмуртского госуниверситета. Поскольку культурный ландшафт — один из интегральных объектов нашего внимания, именно сравнительный анализ культурных ландшафтов является методологической основой для географического осмысления финно-угорского мира в целом и его отдельных регионов.

На обсуждение было заявлено 17 докладов с разнообразной культурноландшафтной тематикой. Участники семинара – преподаватели географического и исторического факультетов УдГУ, сотрудники УИИЯЛ УрО РАН, Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий (ФУНОЦГТ), аспиранты МГУ.

Выступающие обсудили содержание самого понятия «культурный ландшафт», рассказали о некоторых результатах и перспективах дальнейшего изучения культурных ландшафтов Удмуртии. Особое внимание было уделено прикладным аспектам этой проблематики.

Открыл заседание декан географического факультета А. Ф. Кудрявцев сообщением об интегральном характере культурного ландшафта и методологических подходах к его изучению. В докладах географов были рассмотрены закономерности ландшафтной приуроченности расселения народов, прежде

всего удмуртов; отмечена повышенная для финно-угорских народов степень адаптивности природопользования. Были представлены примеры влияния хозяйственной деятельности на формирование ландшафтов, а также затронуты вопросы эстетической ценности ландшафтов и проблематики ее оценки.

Историки, не первый год изучающие формирование культурных ландшафтов, проанализировали особенности формирования культурного ландшафта Удмуртского Прикамья за последние три тысячелетия.

Сотрудники УИИЯЛ УрО РАН на основе изучения удмуртских и русских поселений отметили общие и особенные черты культурных ландшафтов; доминирование интеллектуального и духовного содержания в формировании сакрального пространства.

Выступавшие касались также прикладных аспектов изучения культурных ландшафтов, представили действующие этнотуристские программы Удмуртской Республики и возможности их использования.

Заочно в семинаре участвовали преподаватели и студенты Мордовского государственного университета, чьи статьи отразили особенности хозяйственного освоения ландшафтов финно-угорскими народами Волго-Уральского региона.

Участники отметили, что состоявшийся семинар — это первая попытка ученых Удмуртии взглянуть на ландшафт как на феномен, находящийся в фокусе внимания различных наук. И эта попытка оказалась весьма перспективной и многообещающей.

Организаторы семинара выразили благодарность всем участникам научноаналитического семинара «Культурные ландшафты финно-угорского мира в контексте географической науки». Учитывая повышенный интерес специалистов разного профиля к данной тематике, мы постараемся реализовать решения, записанные в резолюции, согласно которой следующий семинар по данной тематике будет организован в 2013 году. Приглашаем всех желающих!

РЕЗОЛЮЦИЯ

В ходе докладов, их обсуждения и обмена мнениями по вопросам семинара, учитывая его междисциплинарный характер, участники приняли нижеследующее решение.

Поскольку культурный ландшафт является самоценным, уникальным, комплексным объектом изучения естественных, общественных и гуманитарных наук,

- 1. принять к сведению результаты исследований культурных ландшафтов, проведенных в рамках структурных подразделений УдГУ, УИИЯЛ УрО РАН, других ВУЗов;
- 2. продолжить изучение культурных ландшафтов Удмуртии с целью их систематизации и составления реестра;
- 3. к сбору данных о культурных ландшафтах активно привлекать учащихся и учителей средних школ Республики;
- 4. шире распространять (в том числе и через образовательные программы) информацию о культурных ландшафтах Удмуртии с целью воспитания молодежи и привития ей патриотизма и чувства регионального сознания;
- 5. рекомендовать руководству УдГУ в рамках ФУНОЦГТ открыть лабораторию для исследования культурных ландшафтов Удмуртии.

УДК 911.3(470.5)

Н. И. Шутова

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ, ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ*

Статья посвящена характеристике основных принципов и методов изучения сельского ландшафта Камско-Вятского края. На примере ареального изучения удмуртских и русских сельских округ обсуждаются общие и особенные черты культурного пространства. Выявлено, что в формировании культурного ландшафта доминировало интеллектуальное и духовное содержание.

Ключевые слова: природный и культурный ландшафт, сельская округа, сакральное пространство.

Взаимоотношения природы, человека, общества и связанные с ними воззрения являются одной из ключевых тем современной мировой науки. В последние два десятилетия кон. XX — нач. XXI в. особенно актуализировался исследовательский интерес к разработке проблем культурного и сакрального ландшафта. Проводились специальные тематические семинары и конференции, дискуссии, посвященные содержанию понятия «культурный ландшафт», применяемых подходов и методов его изучения. Результаты теоретических изысканий и практических разработок по культурному ландшафту отдельных регионов изложены в многочисленных статьях, тематических сборниках и монографиях [22; 23; 8; 12; 13; 19; 16; 17; 3; 4 и др.; см. обзор немецкой историографии: 21].

В нашем регионе также проводились работы по изучению формирования и трансформации культурного ландшафта от раннего Средневековья до кон. ХХ в., осмыслению сложных многоплановых процессов адаптации сообществ людей к рассматриваемой природной среде. В процессе проведенных ареальных археолого-этнографических исследований были накоплены материалы по культурному ландшафту более 20 микрорайонов Камско-Вятского края. Частично

^{*} Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект: «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы, исследования».

эти данные вводились в научный оборот при освещении вопросов формирования сакральной топографии и обрядовой деятельности народов региона [26; 9; 10 и др.]. Важным этапом выполненных изысканий стало издание коллективной монографии «Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона», Ижевск, 2009 [27]. Книга была подготовлена и опубликована в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» 2006—2008 гг.

Понятие «культурный ландшафт»

Единой общепризнанной концепции культурного ландшафта в научной литературе не существует. Это связано с многогранностью и многоаспектностью рассматриваемой темы, применением разных подходов и методов разработки этой проблемы. Специалисты различных научных дисциплин (географы, экологи, археологи, историки, топонимисты, культурологи, фольклористы) привносят свое понимание в содержание термина культурный ландшафт, принципов и способов его изучения, что существенно расширяет и углубляет трактовку этой научной проблемы.

Приведем лишь некоторые наиболее характерные определения.

По мнению культурологов, культурный ландшафт определяется как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [2. С. 16]. Известный специалист в области ландшафтоведения А. Г. Исаченко отмечает: «История ландшафтов рассматривается как длительный процесс взаимодействия человека (во всей совокупности его изменяющихся экономических, социальных, технологических, политических, этнических характеристик) с конкретными ландшафтами, испытывающими при этом непрерывные естественные изменения» [6. С. 10]. С точки зрения концепции культурно-динамического ландшафта, разрабатываемой Г. А. Исаченко и А. М. Резниковым, культурный ландшафт рассматривается как «длительновременное (многолетнее) состояние практически любого ландшафта, в ходе которого сообщество людей целенаправленно преобразует ландшафт для своей жизнедеятельности, удовлетворения материальных и/или духовных нужд (обживает ландшафт, то есть «делает своим»)» [7. С. 99]. Немецкий географ Й. Штадельбауэр понимает под культурным ландшафтом проявление результатов взаимодействия населения, расселения и хозяйственной активности на географически оконтуренном участке земного пространства [см. по: 21. С. 48–50].

Предложенная В. Н. Калуцковым и его коллегами исследовательская модель этнокультурного ландшафта представляет собой сложную многокомпонентную систему, которая включает духовную культуру, локальное сообщество людей, хозяйственные занятия, поселенческую структуру, языковые особенности, топонимию и природный ландшафт [8]. Архангельский исследователь Н. М. Теребихин и его коллектив работают над философско-культурологическим и конкретно-

историческим осмыслением этнических традиций и религиозно-мифологических механизмов освоения (доместикации) пространства в культуре народов Севера России [24; 16; 17; 3; 4].

Термин «культурный ландшафт» нами рассматривается как реальный природно-культурный комплекс, который сформировался в результате взаимодействия сообщества людей с определенной географической средой. Поскольку культурный ландшафт подвергался значительной трансформации в ходе исторического развития, постоянно эволюционировал, это понятие дополнено определением «исторический», то есть «историко-культурный ландшафт». В узком значении культурный ландшафт являет собой пространственно-временную организацию территории, обусловленную природными факторами и человеческой деятельностью. В широком смысле изучение историко-культурного ландшафта каждого ареала предполагает рассмотрение разных проблем — природно-географической характеристики местности, системы расселения, взаимодействия разных этнических и социальных групп населения, способов хозяйственного (рационального) и духовного (символического) освоения и преобразования природной среды.

Подходы и методы изучения

Соответственно приведенным выше воззрениям наука располагает богатым разнообразием подходов и методов исследования. Среди них отметим региональный принцип исследования природно-культурного ландшафта (Ю. А. Веденин); концепцию культурно-динамического ландшафта, разрабатываемую Г. А. Исаченко и А. М. Резниковым; исследовательскую модель этнокультурного ландшафта, предложенную В. Н. Калуцковым и его коллегами; философско-культурологическое осмысление пространства Русского Севера, предпринятое Н. М. Теребихиным и его коллегами, и др.

Большой интерес представляют практические наработки в комплексном изучении (археологическое, историческое, этнографическое) системы расселения и освоения отдельных регионов: екатеринбургских коллег, исследующих традиционный и православный религиозный ландшафт народов Урала и Западной Сибири [20. С. 259–263; 15; 5; 14], разработки археологов и этнологов Москвы и Петербурга по Центральным районам и Северо-Западу России [1; 11; 25] и мн. др.

В контексте заявленной нами концепции историко-культурного ландшафта преимущественное внимание, согласно классификации А. Н. Ямскова [28. С. 72–73], нами уделяется:

- культуре природопользования и расселения (орудия труда и навыки их применения; система расселения и критерии выбора мест под поселения; поселения, маршруты передвижения по освоенной территории и хозяйственные постройки и т. п.);
- культуре гуманитарной (в первую очередь, народные исторические знания, мифология и религия);
- культуре материального жизнеобеспечения (преимущественно жилище и предметы домашнего обихода).

В качестве первичной единицы изучения культурного ландшафта нами принята округа. В нашем понимании округа — локальная сельская территория, в пределах которой проживало сообщество людей (сельская община), обладающее некоторой структурной целостностью, связанное определенными хозяйственными, социальными, родственными и духовными интересами. Границы округи на практике нередко очерчены рамками природных ареалов, в нашем случае — преимущественно речными бассейнами. Такие стихийно сложившиеся (догосударственные) культурные микрорайоны с центральным поселением и периферией нередко являли довольно стойкое явление и позднее составили основу административных, территориальных и церковных образований Российского государства.

Близкое значение к слову «округа» имеет «микрорайон», однако эти термины не синонимичны. Слово «микрорайон» означает локальную территорию, ограниченную географическими рамками – горами, речными бассейнами. Границы его могли совпадать с пределами округи полностью либо частично.

Детальную характеристику культурного ландшафта каждой отдельной местности рассматриваемого огромного региона невозможно отразить в рамках не только одной монографии, но и нескольких книг. Обобщенная характеристика сильно сгладила бы специфические особенности территориально-культурного комплекса каждого локального ареала и дала усредненную, поверхностную картину культурного ландшафта Камско-Вятского края. Поэтому нами предпринято освещение рассматриваемой проблемы в четырех направлениях.

1. Выполнена реконструкция средневекового культурного пространства региона, определены место и значение археологических памятников в природной и культурной (духовной) среде населения региона XVIII–XX вв. Новый подход к археологическим данным заключался в том, что традиционные типы археологических памятников (городища, могильники, поселения, клады) рассматривались сквозь призму почитания этих объектов в Новое и Новейшее времена. Прослежены хронологические изменения в использовании археологических памятников со времен Средневековья до современности.

Этот раздел являл собой результат нового осмысления прежних, собранных на протяжении десятков, лет археологических материалов. Произведен личный осмотр памятников на местности, собраны сведения относительно значимости этих культурных объектов в местной среде. По мере возможности привлечены исторические свидетельства (письменные документы, сведения краеведов и исследователей XVIII–XIX вв.), фольклорно-этнографические данные (легенды, предания, сведения информантов), природные (географические, флористические, геоботанические и зоологические) характеристики объектов.

2. Выполнено «сквозное» ландшафтно-историческое исследование территории Кузебаевской округи (в синхронном и диахронном разрезах) в бассейне Ижа (Алнашский район УР). Этот выбор среза обусловлен уникальными особенностями изучаемого ареала, расположенного в природной нише вблизи крупной водной артерии края — Камы, что предопределило раннее освоение этой территории древними племенами. А со времен Средневековья до кон. ХХ в., этот край периодически заселялся разными этническими группами населения.

Деревня Кузебаево и ее окрестности являлись местом сосредоточения археологических памятников раннесредневековой эпохи, а также культурных и культовых объектов Нового и Новейшего времен. С научной точки зрения, рассматриваемый ареал — один из важнейших пунктов, в котором мы имели счастливую возможность наблюдать точки соприкосновения природного ландшафта и жизнедеятельности человеческих сообществ, с одной стороны, и культурную корреляцию археологических и этнографических реалий, с другой. Обращение к внимательному исследованию именно этого микрорайона обусловлено и тем, что жители д. Кузебаево и Кузебаевской округи до недавнего времени сохраняли редкую и уникальную систему культовой деятельности, дохристианскую в своей основе, особенности фольклора, календарной и семейной обрядности. Дана характеристика географических, экологических и биологических показателей ареала. Для каждой эпохи (IV–VII вв., XVI – кон. XIX в., кон. XIX—XX в.) прослежены система расселения, способы хозяйствования, особенности культурного ландшафта и пр.

3. Дана характеристика локальных форм и путей формирования историко-культурного ландшафта кукморских удмуртов в Кукморском р-не Татарстана правобережья Вятки (на примере 3 локальных округов Староучинская, Старою-мьинская, Нырьинская/Старокня-Юмьинская округи). Своеобразие этих ареалов обусловлено их расположением в верховьях мелких рек на правобережье Вятки в удмуртско-татарско-русско-марийской зоне. Большая часть этих земель была заселена предками современных удмуртов довольно поздно, в XVI–XVII вв. Культурное наследие обитателей этого куста удмуртских деревень характеризуется наличием архаичных элементов и следов иноэтничных наслоений разных эпох. Содержание процессов формирования историко-культурного ландшафта этого ареала рассматривается достаточно статично, что в определенной мере обусловлено состоянием источников и начальной стадией изучения этого микрорайона в рассматриваемом ключе.

Выбор избранных для анализа рассматриваемых удмуртских ареалов обусловлен характером и информативными возможностями собранных нами источников, позволяющих выполнить реконструкцию более или менее полноценной картины культурного ландшафта местности. Во многих других районах такое ареальное описание культурного ландшафта затруднено из-за слабой сохранности необходимых для этого исторических и фольклорно-этнографических материалов.

4. Анализировалась проблема формирования культурного ландшафта также и русских православных округов в двух ареалах — Белохолуницком, Малмыжском и Вятско-Полянском р-нах Кировской области. В результате выявлены общие и особенные черты в формировании историко-культурного ландшафта отдельных микрорайонов в Камско-Вятском регионе по этноконфессиональному принципу.

Наряду с материалами, касающимися непосредственно проблемы историко-культурного ландшафта выбранных ареалов, приведены данные по вопросам этнической истории каждой локальной группы населения, состояния традиционной материальной и духовной культуры обитавшего в их пределах

населения (этноса). Приоритетным направлением оставалось изучение степени сохранности объектов духовного наследия региона: заброшенных и действующих священных и природных комплексов, культовых памятников и сооружений, кладбищ. Это позволило представить характер влияния природно-географических характеристик местности на жизнедеятельность людей, возможность использования человеческими коллективами в конкретную историческую эпоху природно-географических факторов для удовлетворения своих потребностей. Обстоятельный анализ источников позволяет определить степень и формы взаимодействия природы и общества в повседневной и обрядовой жизни удмуртского населения, осмыслить своеобразие культовых мест региона.

Основные результаты

В итоге впервые подготовлены модели реконструкции историко-культурного ландшафта средневековой эпохи и более десятка сельских локальных округов Нового и Новейшего времен. Рассмотрены картина заселения и история каждой округи от Средневековья до кон. ХХ в., способы освоения пространства, хозяйственные занятия, особенности материальной и духовной культуры местных жителей в разные эпохи. Впервые прослежены основные закономерности формирования культурного ландшафта рассматриваемых локальных территорий Камско-Вятского края, прослежен характер взаимодействия и взаимообусловленности конкретной природной среды и деятельности социума по его культурному обустройству.

Проведенное исследование особенностей культурного ландшафта отдельных микрорайонов Камско-Вятского региона разных исторических эпох показало, что его формирование началось с заселения территории, хозяйственного и духовного освоения края разными этническими группами. При сплошной залесенности и относительной переувлажненности рассматриваемых земель водные артерии являлись единственным надежным средством передвижения в древности и Средневековье, поэтому заселение территорий осуществлялось преимущественно по берегам рек. Это предопределило оформление приречной пространственной структуры расселения в рассматриваемом регионе. Для поселений во все периоды выбирались приблизительно одни и те же природно-ландшафтные зоны с благоприятными характеристиками — близостью водных путей, наличием сельскохозяйственных земель, богатством топливно-энергетических ресурсов, разнообразием рельефа местности.

Одной из характерных черт освоения являлось гнездовое расположение поселений. К примеру, на юге Удмуртии по правым притокам р. Камы – рекам Ижу, Тойме и др. в средневековье каждое гнездо (куст) поселений занимало площадь радиусом 3–5 км от центра округи и располагалось друг от друга на расстоянии около 10 км и более (Кузебаевское, Благодатское, Варзиятчинское и др.). В свою очередь, несколько таких кустов поселений составляли большую компактную группу населения. Это свидетельствует о существовании определенной социальной структуры средневековых племен, низшими элементами которой являлись локальные общины, а высшими – крупные территориальные объединения.

В пределах каждого куста поселений, или сельской округи, зарождались устойчивые хозяйственные, социальные и духовные связи сообщества людей. Такие стихийно сложившиеся локальные коллективы в последующем составили базу административных и территориальных образований Нового и Новейшего времен (округи, приходы, волости). Наше исследование показало существование удивительной преемственности культурной традиции этнических групп населения, выбиравших для обитания одни и те же природные ареалы на протяжении длительных исторических отрезков времени. Однако тенденции в выборе конкретного ландшафтного участка для проживания в пределах одного ареала в разные периоды истории менялись в зависимости от природно-климатических условий эпохи и направлений хозяйственной деятельности. Средневековые поселенцы предпочитали устраивать городище и неукрепленные поселения на более возвышенных береговых террасах вдоль крупных и средних рек региона, удмурты XVII-XVIII вв. нередко выбирали для жилья относительно невысокие участки местности, осваивали верховья небольших рек и водоразделы. Высотные доминанты местности во все эпохи служили в качестве религиозных духовных

«Сквозное» исследование Кузебаевского ареала показало, что в пределах одного природного базового ландшафта за исторический период сменилось несколько культурных ландшафтов, каждый из которых являлся результатом деятельности определенного локального сообщества людей. Современный Кузебаевский территориально-культурный комплекс содержит в себе объекты наследия разных эпох: IV-V, VII, XVII-XVIII вв. и рубежа XIX-XX в. Реликтовый культурный ландшафт средневекового и позднесредневекового времени вполне гармонично вписался в развивающееся культурное пространство XX века. Еще в Средневековье здесь сформировалось гнездо поселений с ярко выраженной сельскохозяйственной доминантой, со своим центром и периферией. Основу этой сельской округи составили отдельные поселки, в них жили одна или несколько семей. Каждое поселение имело ближайшую зону освоения радиусом 1-2 км. Вблизи жилых и хозяйственных построек располагались сельскохозяйственные угодья (сенокосы, огороды, пашни). Ремесленным, хозяйственным, культурным и духовным центром округи являлось Кузебаевское І городище, расположенное в 1 км от современной деревни. Период с VIII до кон. XVI в. характеризуется хозяйственным запустением рассматриваемого микрорайона. На рубеже XVI–XVII вв. эти края осваивает удмуртское население и занимает обжитые (старопашенные) участки местности. Численность обитателей округи стремительно возрастает, активно заселяются водораздельные территории в верховьях мелких рек и ручейков.

Феномен Кузебаево заключается в том, что, начиная со Средневековья и до XXI в. оно выступало в качестве виртуального духовного центра для окрестного населения. Вследствие каких-то не установленных причин жители этого ареала обладали особой религиозностью, склонностью к занятиям духовными практиками и пристрастием к сохранению культурного наследия давно ушедших поколений. Хотя Кузебаево служило главным хранителем традиционной народной религии местных удмуртов, однако оно не было официальным административным

центром вплоть до вт. пол. XX в. Лишь в 1972 г. организовали Кузебаевский сельский Совет с центром в д. Кузебаево. С XVIII в. большая часть кузебаевцев была христианизирована, но церковные приходы создали в соседних селениях (Асаново, Варзи-Ятчи, Голюшурма).

На первый взгляд, каждая сельская округа или община (Кузебаевская, Староучинская, Нырьинская, Староюмьинская и др.) в кон. XIX – нач. XX в. обладала некими особыми нюансами в способах оформления культурного ландшафта, мировосприятии и в системе обрядовой деятельности. Однако в целом все рассмотренные ареалы характеризуются общими чертами расселения и хозяйственного, и духовного обустройства территории, что позволяет говорить о существовании единообразного удмуртского этнокультурного пространства. Состояние локальных форм и путей формирования историко-культурного ландшафта этих микрорайонов указывает на существование традиционной удмуртской системы расселения и организации духовного пространства сельской округи. Как правило, она предполагала наличие религиозного центра с окружным святилищем, основными сакральными ценностями в старой материнской деревне, сети более мелких деревень, каждая из которых имела свою общедеревенскую святыню, группу семейных или патронимических культовых объектов. За пределами селений располагались священные места для почитания хозяев Дикой Природы и умерших предков. Святилища высшего ранга (Куриськон, Булда, Луд, Великая куала) занимали площадки выше по течению реки от деревни. Культовые объекты низшего ранга, за исключением кладбищ, – ниже по течению реки, нередко в низинных местах. В представлениях людей того времени низший (нечистый) уровень виртуального пространства был связан с духами умерших, существами подземного/подводного мира.

Колонизация рассматриваемых территорий русскими и постепенная христианизация удмуртского населения сопровождались увеличением плотности населения, усилением взаимодействия контактирующих народов, изменениями этнической и конфессиональной структуры населения региона. Эти факторы внесли существенные коррективы в характер культурного пространства края и способствовали формированию новой картины сакрального ландшафта. При этом элементы старого (традиционного) и нового (православного) не просто замещали друг друга, но и подвергались причудливой трансформации: накладывались друг на друга, переплетались, совмещались. Существование разных форм и традиций почитания дохристианских, христианских и мусульманских культовых объектов в зоне интенсивных межэтнических контактов формировали сложную, многослойную и мозаичную систему сакрального пространства отдельных территорий.

В православных территориях, заселенных преимущественно русским и обрусевшим населением, село с храмом (иногда – несколькими храмами и часовней), приходским кладбищем, святым родником или местом у реки для проведения молебнов с водосвятием являлось главным религиозным центром местности. Здесь отмечали окружной церковный праздник, проходили окружные ярмарки. В селе регулярно велись церковные службы, совершались церковные таинства и требы. Вокруг каждого села располагалась сеть более мелких деревень, выселков, починков, в некоторых из них имелись свои почитаемые памятные часовни. Каждая

деревня отвечала за проведение какого-либо календарно-приуроченного праздника, на который съезжались знакомые и родственники со всей округи. Таков, к примеру, ландшафт русских селений Полом, Иванцево, Сырьяны, Всехсвятское бывшей Вобловицкой волости Слободского уезда (ныне Белохолуницкий район Кировской обл.), расположенных по левым притокам Вятки.

В русских селениях бывшего Малмыжского уезда Вятской губернии (ныне дд. Киняусь, Ершовка, Матвеево, Каракули, Чекашево, сс. Кулыги, Слудка, Мериновщина и Старый Бурец Вятскополянского и Малмыжского р-нов Кировской обл.) правобережья Вятки выявлена сложная система почитания сакральных объектов. Она включала официальные христианские (церкви, часовни над родниками, кресты) и неофициальные святыни (священные деревья, столбы-часовни). Часовни-памятники ставились у разъездов дорог, у ключа, на границе с полем, в деревне у домов, по пути движения крестного хода из г. Елабуги с чудотворным образом Спасителя, который «поднимали» вверх по течению р. Вятки. Маркированная подобными культовыми объектами территория называлась «Спасов округ» – сакральное пространство, в котором не случается ничего плохого: ни несчастий, ни болезней. Обетные святыни очерчивали в горизонтальном пространстве два сакральных круга: первый ограничивал территорию своей деревни, выделяя ее среди соседних селений; второй маркировал ареал «своих» деревень, входящих в «Спасов округ», что служило залогом стабильности и благополучия и отделяло близкородственное население от «чужого» [18. С. 181–191].

Основу виртуального пространства в русских деревнях «Спасова округа» в бывшем Малмыжском уезде составляли движение крестного хода с иконой Спасителя и размещение культовых памятников по пути его следования. Своеобразие культурного ландшафта этой местности проявилось в существовании нескольких кругов сакральности, движении крестного хода строго вверх по течению реки Вятки из г. Елабуги, в особом оформлении официальных и неофициальных святынь, в характере их почитания. Перечисленные элементы имеют многочисленные параллели в традиционных удмуртских обрядах и позволяют говорить о причудливом симбиозе христианских идей и реликтов дохристианской культуры в практике и представлениях жителей этой местности.

В нашем исследовании рассмотрены преимущественно реликтовые культурные ландшафты в очагах сельского расселения. Ярким примером сельского крестьянского ландшафта остается д. Кузебаево и окрестности. В силу определенных исторических и географических причин здесь сохранился свой уникальный микрокосм, воплощенный в пространственной структуре поселений, угодий и священных мест, преданиях и духовных традициях, в устройстве быта и хозяйства, а особенно в сакральном осмыслении окружающего мира. Уникальность этого микрорайона состоит в удивительной перекличке эпох и народов, в культурной преемственности и приверженности к сохранению яркой индивидуальности. Эта территория представляет не столько природную, сколько историко-культурную ценность. Материалы и полученные результаты исследования демонстрируют сохранившееся богатство традиционной культуры Камско-Вятского края и указывают на те опасности, которые возникают для ее сохранения в условиях глобализации, унификации культуры и быта.

Общие черты в формировании историко-культурного ландшафта отдельных микрорайонов обусловлены кустовой (гнездовой) системой расселения вдоль средних и мелких рек региона. Для рассмотренных ареалов характерно максимальное сельскохозяйственное освоение окружающих территорий. Необработанными оставались переувлажненные и непродуктивные земли, овраги, балки, лога, склоны долин рек, леса, неудобные для распашки. Последние вырубались, так как лесоматериалы служили основным топливом и строительным материалом для местных жителей. Значительные объемы древесины использовали местные заводы, сплавляли по рекам. Жилые и хозяйственные постройки, разграниченные угодья разного назначения, окружающие леса представляли собой четко фрагментированную зону с концентрической структурой.

Особого внимания требует проблема сохранности ландшафтов. Как показывают наши полевые материалы, наблюдается необратимый процесс исчезновения общего контура этнокультурного (сакрального) ландшафта и кардинальное вымывание заключенной в ландшафте богатой исторической информации. Этому способствуют неблагоприятные факторы — быстрое исчезновение десятков деревень, разрушение сельской поселенческой инфраструктуры, стремительный уход из жизни нескольких поколений людей (родившихся на рубеже XIX—XX вв., в 1930—1940 гг.). Последствия этих процессов таковы: забываются топонимы и история их возникновения, прекращают существование приуроченные к конкретным участкам ландшафта традиционные обряды и празднества, молодежные гуляния. Из памяти поколений стирается знание об особенностях историкокультурного ландшафта местности как одной из разновидностей духовного наследия ушедших эпох.

Эволюция культурного и природного ландшафта в исторической перспективе происходит под усиливающимся антропогенным влиянием человека и общества на природу. Со времен основания первых поселков проводилась расчистка лесов под пашни и сенокосы, луга и лесные угодья вытаптывались домашней скотиной. Интенсивное давление человека на природу наблюдается с XVII-XVIII вв., что связано с увеличением численности и плотности населения, возрастанием поголовья скота и посевных площадей, строительством заводов, потребностью в продукции лесной и лесообрабатывающей промышленности. Велось строительство речных мельниц и средств коммуникаций: основание пароходного сообщения по Каме и Вятке, устройство грунтовых, а затем и асфальтированных дорог, проведение линий электропередач. Еще более резко лесные угодья сокращаются в XIX-XX вв. Введение в строй и эксплуатация Камского водохранилища привело к сокращению богатых пойменных лугов и активизации водно-эрозионных процессов в регионе. Антропогенное воздействие на природный ландшафт сопровождается неблагоприятными геоморфологическими процессами - карстовыми и оползневыми явлениями, образованием оврагов, подмывами рек и пр.

Проблема этничности культурных ландшафтов

Проблема этничности культурных ландшафтов отвечает на вопрос, что есть в окружающих ландшафтах этнического (удмуртского, русского или др.).

Несомненно, эта тема лежит в плоскости понятия «этнокультурный ландшафт». Рассмотрим результаты проведенных нами исследований.

Выявлено, что большинство природно-хозяйственных систем, существовавших в этих микрорайонах в предыдущие эпохи, не сохранилось и представлено ландшафтно-историческими памятниками (археологическими, историческими, этнографическими), которые образуют с окружающей природой единое целое и отражают разные периоды хозяйственной и культурной деятельности человека в конкретных ландшафтных условиях. Характерные черты культурного ландшафта отдельных окру́г в кон. XIX – нач. XX в. были обусловлены в большей степени этническими и конфессиональными различиями обитавших там групп населения.

На примере рассматриваемых удмуртских и русских микрорайонов прослежены как своеобразие виртуального пространства локальных территорий, так и черты общетипологического свойства в их формировании и эволюции. Исследование историко-культурного ландшафта удмуртских окру́г показывает более высокую степень взаимосвязанности их обитателей с природной средой. Такие элементы ландшафта, как возвышения, низины, родники, известные своими особыми свойствами, камни, старые и сильные деревья — активно использовались в ритуальной практике местного населения. Эти природные объекты выступали в качестве сакральных памятников. Особое значение придавалось системе размещения культовых мест относительно окультуренного деревенского пространства и речной долины. Существовала сеть сакральных локусов и в пределах каждого частного подворья.

В сравнении с дохристианскими правилами формирования культурного пространства, православное религиозное пространство в меньшей степени соотнесено с природными характеристиками местности. Как правило, православные сакральные объекты представляют собой искусственные, рукотворные сооружения. Система размещения храмов, часовен, памятников, с одной стороны, также приурочена к определенным географическим точкам местности, но, с другой стороны, демонстрирует сильную привязанность к поселениям и к результатам человеческой деятельности. Христианские культовые объекты чаще всего маркируют участки заселенной территории (село, деревню, починок, его центр, окраины, сеть дорог, перекрестки) и устроены в память каких-либо особых событий в жизни людей.

В целом, как в рамках традиционного удмуртского общества, так и среди православного населения края сформировалась особенная целостная система размещения культурных и культовых объектов, которые маркировали важные точки виртуального пространства округи. Оно имело ясно очерченную структуру с центром и периферией, строгую внутреннюю иерархию священных мест, систему их почитания и правила гостевания в пределах округи. Хорошо организованная система размещения и функционирования дохристианских и христианских культовых памятников и сакральных локусов, коллективное проведение аграрных и календарных праздников способствовали единению и сплочению людей каждой округи не только в хозяйственном и социальном плане, но и в духовном смысле. В пределах каждой локальной территории происходили регулярное воспроизводство сакральных ценностей и психологическая релаксация людей.

Все это способствовало успешной адаптации сельского сообщества к занимаемой природной среде и к социально-экономическим условиям обитания.

Целостная характеристика историко-культурного пространства региона, раскрывающая способы адаптации местного удмуртского и русского населения к существующей природной среде, показывает, что в формировании и эволюции культурных ландшафтов, наряду с природными процессами, характером расселения и хозяйственной деятельностью населяющих его коллективов, явно доминирует интеллектуальное и духовное (религиозное) содержание. Следовательно, в основе своеобразия этнокультурного пространства лежали культовые площадки, святилища и могильники, система и закономерности их размещения в окружающей природной среде, правила обустройства и почитания этих объектов, их общественный статус, семантика и историко-культурное значение. Выявленные закономерности формирования и трансформации историко-культурного ландшафта свидетельствуют о существовании такого феномена, как память культурного ландшафта, которая на протяжении длительного хронологического периода, независимо от исторических катаклизмов, хранит прошлые территориальные организации, реликтовые типы мест, духовные и языковые явления, материальные свидетельства ушедших эпох.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Буров В. А. «А погост жабна пуст...». М., 1994. 137 с.
- 2. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.
- 3. Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика = Geocultural space of European North: genesis, structure, semantics / Сост. П. С. Журавлев и др.; отв. ред. Н. М. Теребихин. Архангельск: Поморский университет, 2009. (Поморские чтения по семиотике культуры = Pomor readings on semiotics of culture; вып. 4). 561 с.
- 4. Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика = Geocultural space of European North: genesis, structure, semantics / Сост. А. Н. Комолятова и др.; отв. ред. Н. М. Теребихин. Архангельск: $C(A)\Phi V$, 2011. (Поморские чтения по семиотике культуры = Pomor readings on semiotics of culture; вып. 5). 504 с.
- 5. Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 76–82.
- 6. Исаченко А. Г. Ландшафтоведение вчера и сегодня // ИРГО. 2006. Вып. 5. С. 1–20.
- 7. *Исаченко Г. А.* Культурный ландшафт и процессы запустения // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 93–106.
- 8. Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье / Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов. М.: Изд-во ФМБК, 1998.
- 9. *Капитонов В. И.* Современное состояние и перспективы сохранения священных рощ в Удмуртии // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 205–211.

- 10. Культовые памятники народов Камско-Вятского региона: Материалы и исследования / Науч. ред. Н. И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.
- 11. *Кулешова М. Е.* Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 247–285.
- 12. Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования / Отв. ред. В. Н. Калуцков, Т. М. Красовская. М.: Изд-во МГУ, 2003.
- 13. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Ин-т наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
- 14. *Манькова И. Л.* Формирование православного ландшафта Зауралья в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 83–97.
- 15. *Перевалова Е. В., Карачаров К. Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.
- 16. Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. Архангельск: Поморский ун-т, 2006. 480 с.
- 17. Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. 642 с.
- 18. *Приказчикова Ю. В.* Священные деревья и столбы-часовни в культурном ландшафте юга Вятского края // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 181–191.
- 19. Рельеф и человек. Материалы Иркутского геоморфологического семинара (Иркутск, 27–29 сентября 2004 г.). Иркутск: Ин-т земной коры СО РАН, Ассоц. геоморфологов России, 2004. 178 с.
- 20. Сийкала А.-Л. Локусы этнической принадлежности: история в ландшафте священных рощ // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000. С. 259–263.
- 21. *Стрелецкий В. Н.* Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 42–54.
- 22. Теребихин Н. М. Лукоморье (очерки религиозной геософии и маринистики Северной России). Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1999.
- 23. Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера (Религиозномифологическое пространство северорусской культуры). Архангельск: Изд-во Поморского пед. ун-та, 1993.
- 24. *Теребихин Н. М., Подоплекин А. О., Журавлев П. С.* Проект «Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России»: основные направления и перспективы исследования // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. Архангельск: Поморский ун-т, 2006. С. 452–471.
- 25. Чернов С. 3. Русский средневековый ландшафт как объект археологических исследований (на примере Древнего Радонежа) // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 322–332.
- 26. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.
- 27. Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2009. 244 с.

28. Ямсков А. Н. Этноэкологическое исследование культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 62–92.

Поступила в редакцию 17.02.2012

N. I. Shutova

Cultural Landscape of the Kama-Vyatka region: the Main Results, Principles and Methods of Study

The paper is devoted to description of the basic principles and methods for the study of the rural landscape of Kama-Vyatka region. The general and peculiar features of cultural spaces are discussed on the example of areal characteristics of the Udmurt and Russian rural districts. It was revealed the intellectual and spiritual content dominated in formation of the cultural landscape.

Keywords: natural and cultural landscape, rural district, sacred space

Шутова Надежда Ивановна,

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

г. Ижевск

E-mail: shutova@ni.udm.ru

Shutova Nadezhda Ivanovna,

Doctor of Science (History), professor, leading research associate, Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk

E-mail: shutova@ni.udm.ru

УДК 911.52(470.4/.5) (=511.1)

Н. Н. Логинова

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЛАНДШАФТОВ ФИННО-УГОРСКИМИ НАРОДАМИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Излагаются особенности формирования и хозяйственного освоения ландшафтов в аспекте концепции устойчивого развития финно-угорскими народами Волго-Уральского региона. Особое внимание уделяется вопросам сохранения природного и культурного наследия этой территории. Подчеркивается, что объекты природного и культурного наследия могут стать новым ресурсом социально-экономического развития региона путем развития отраслей социальной сферы, в частности рекреации и туризма.

Ключевые слова: природный ландшафт, Волго-Уральский регион, природно-географическая зона, территория, расселение, природное и культурное наследие, финноугорские народы, марийцы, мордва, удмурты.

В пределах Волго-Уральского региона России исторически проживают три финно-угорских народа - мордва, марийцы и удмурты, три тюркских народа – башкиры, татары и чуваши, славянские народы – русские, украинцы и белорусы и многие другие народы, например, латыши, немцы, эстонцы, евреи. Многонациональный состав населения региона складывался на протяжении тысячелетий. Так, мордва уже тысячу лет назад находилась под покровительством Руси, о чем свидетельствует уникальное изделие XI в. геральдическая подвеска со знаком Рюриковичей, найденная в нач. XXI в. в Зубово-Полянском р-не Республики Мордовия во время раскопок Кельгининского могильника. Подвеска принадлежала старшему сыну князя Владимира Красное Солнышко, занимавшего новгородский престол в кон. X – нач. XI вв. Названная подвеска свидетельствует о том, что уже тогда местные мордовские племена наладили тесный торговый контакт с Русью и имели особый статус в Древней Руси. Между мордвой и славянами складывались дружественные отношения, и уже в 985 г. князь Владимир Красное Солнышко совершил свой первый удачный поход на волжских булгар. Русские дружины на мордовских землях не встретили никакого сопротивления, так что тысячу лет назад начались интеграционные процессы между финно-угорскими и славянскими народами,

что способствовало формированию общих черт в хозяйственном освоении природных ландшафтов.

Волго-Уральский регион расположен на стыке разных природно-географических зон: таежных лесов, степей и лесостепей, невысоких гор и равнин. Это первая на Русской равнине зона, в пределах которой происходит смена положительного баланса влаги отрицательным, а величина испаряемости больше годовой суммы осадков (Рис. 1). В природном отношении территория региона разнородна и очень красива. Он занимает почти 1 000 км² площади и расположен в бассейне Средней Волги и ее притоков – Суры, Оки, Вятки, Камы, Белой, Уфы, Большого Ика, Самары – вплоть до Уральского хребта.

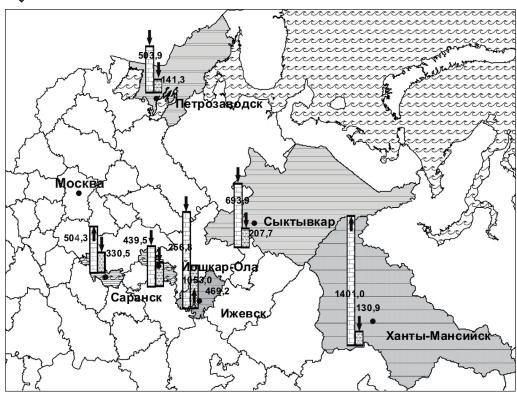
Среднее Поволжье — самая ветвистая часть Волги, здесь переплетаются реки и речушки. Это место, где сходятся север и юг, запад и восток. Расчлененный рельеф и легкий механический состав почв благоприятны для произрастания лесов, которые занимают обширную территорию Заволжья и размещены довольно равномерно. Но основные их массивы находятся ближе к северу и северо-востоку региона. В Правобережье площади лесов невелики. Два основных лесных массива расположены в Засурье и на Сурской Шишке. Характеризуя природные условия, необходимо отметить, что равнинный характер поверхности (преобладает холмисто-увалистая равнина) в целом благоприятен для ведения сельского хозяйства, промышленного и транспортного строительства. Исключение составляет территория Правобережья, занятая Приволжской возвышенностью с глубоко врезанными речными долинами и многочисленными оврагами и балками.

В составе лесов велика роль сосны, а среди лесных кустарников и трав обильно представлены таежные элементы. Таежными видами насыщена также фауна региона. В Засурских лесах обитают бурый медведь, куница и белка, на юг заходит рысь.

Большое хозяйственное значение имеют реки. Волга – крупнейшая (3530 км) река Восточно-Европейской равнины, протекающая по региону своим средним течением. Заволжье начинается от устья Камы, с высокой части. Ландшафты в высоком Заволжье меняются вместе с абсолютной высотой местности. Дубравы и березовые рощи на водоразделах сменяются луговыми степями на склонах долин.

Почвенный покров довольно пестрый и непостоянный. Общая черта его — широкое распространение серых лесных почв и оподзоленных черноземов легкого механического состава. Такие почвы занимают большие площади на территории Мордовии. Ближе к Волге на значительных площадях наблюдаются смытые и каменистые почвы. В условиях умеренно-континентального климата, богатого животного мира, обширных и плодородных земельных пространств, а также обильной речной сети здесь складывались разные типы хозяйства: охота, собирательство, рыболовство, бортничество, земледелие, скотоводство и промыслы. Территория Приволжской возвышенности играет существенную роль в посевах ржи и овса. Значительные площади на ее северо-западе занимают картофель, гречиха, конопля; встречаются посевы махорки, сахарной свеклы. Лесостепь Русской равнины принадлежит к числу самых освоенных ландшафтных зон. На западе ее территория распахана на 70–80 %.

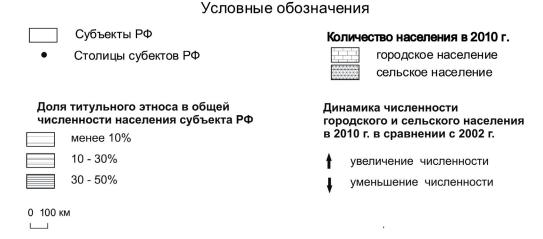

Рис. 1. Типичные ландшафты территорий расселения финно-угров

Природный ландшафт финно-угорских республик Волго-Уральского региона имеет отличительные характеристики (Рис. 1). Например, территория *Республики Марий Эл* находится на левом, низинном и заболоченном берегу р. Волги. Марийское левобережье представляет собой сплошные леса. Почвы преимущественно дерново-подзолистые. Своеобразный островок, отделенный от основной территории республики Волгой, — Горномарийский р-н и г. Козьмодемьянск,

где климат отличается большей мягкостью (зона широколиственных лесов), а почвы — плодородием. Ландшафты республики разнохарактерны. Волга делит марийскую землю на две резко отличные части: таежные, заболоченные ландшафты низменного Заволжья и — значительно меньшее по размерам Правобережье, холмистое, изрезанное оврагами и долинами небольших рек, много озер. Весь северо-восток республики находится в зоне Вятско-Марийского вала и выглядит совершенно по-иному. Песчаные бугры и болотистые впадины полесья уступают место повышенной холмистой равнине, достигающей в своей высшей точке 284 м; вместо песков и супесей — суглинки, вместо сосны — ель, а чаще пашни, поля, перелески, вместо лесного хозяйства — сельское. Таким образом, по характеру рельефа Республика Марий Эл разделяется на три крупных природных района: Приволжская возвышенность, Вятское Прикамье и Низменное Заволжье.

Климат умеренно континентальный. Средняя температура самого холодного месяца января -18 °C. Средняя температура июля +19 °C. Осенью погода холодная и влажная с преобладанием сильных пронизывающих ветров и дождей. Годовая сумма осадков чуть более $500 \, mm$.

Почвы подзолистые, дерново-подзолистые и серые лесные. Леса относятся к типу южнотаежных и смешанных. Наряду с ельниками и сосняками встречаются остепненные боры.

Территория *Республики Мордовия* расположена в центральной части Русской равнины, рельеф которой представлен водораздельными возвышенными территориями, расчлененными речными долинами, оврагами и балками. По схеме орографического районирования Русской равнины восточная часть территории Мордовии относится к Приволжской возвышенности, а западную — занимают окраинные участки Волжско-Окских и Окско-Донских низин. Поэтому гипсометрически она может быть подразделена на два района: западный (или северо-западный) и восточный (или юго-восточный). Переход между ними настолько постепенный, что в ряде случаев трудно установить точную границу. Характерная черта рельефа — наклон с юга на север, при значительно более приподнятой восточной части лежит в бассейнах Мокши и Суры на границе лесной и лесостепной зон.

В физико-географическом плане Мордовия находится на стыке Приволжской возвышенности и Окско-Донской низменности, в пределах подзон смешанных и широколиственных лесов и лесостепи; большая часть – в северо-западной части пластово-ярусной Приволжской возвышенности, которая на западе республики переходит в пластовую Окско-Донскую низменность. Наиболее возвышенным является междуречье Алатыря и Суры, где абсолютные отметки достигают 334 м, снижаясь в поймах рек до 80–120 м. Для приволжской возвышенности характерны эрозионно-денудационные формы рельефа. Область Окско-Донской низменности выделяется обширными водно-ледниковыми равнинами с широкими речными долинами. Долины рр. Суры, Мокши и Алатыря имеют хорошо развитые террасы.

По Мокше и ее притокам земли низменные, часто заболоченные. На песчаных ледниковых отложениях широко распространены дерново-подзолистые почвы, которые нельзя назвать плодородными. Раньше здесь господствовали

леса. Сейчас больше пашен, садов и лугов. Однако и леса еще встречаются большими массивами.

В бассейне р. Суры ландшафты другие. Высоко взбегают крутобокие холмы до 330 м высотой, между ними пролегают неширокие долины речек и балок. Кое-где в верховьях оврагов и на водоразделах поднимаются дубравы – потомки могучих старых дубов, некогда в изобилии встречавшихся здесь на серых лесных почвах. И – кругом черноземные поля. В почвенном покрове преобладают серые лесные почвы, затем – черноземы, аллювиальные, подзолистые, серые лесные глеевые, лугово-черноземные и почвы овражно-балочного комплекса.

Ландшафты Мордовии красочны и своеобразны, чаще всего представляют собой чередование обработанных полей, деревень, лесов и спокойных рек с широкими пойменными лугами.

Территория Удмуртской Республики – западный форпост Урала. Площадь ee - 42 тыс. κm^2 . Расположена в северо-западной части Предуралья, в междуречье Камы и ее крупного притока Вятки. Удмуртия располагается в умеренном тепловом поясе, к востоку от нулевого меридиана, в третьем российском часовом поясе, называемом «волжским». Она раскинулась на обширной пологоволнистой равнине, где невысокие всхолмления разделяются многочисленными широкими долинами спокойных рек. Наивысшая точка (332 м) расположена на самом северо-востоке республики на Верхнекамской возвышенности. Самая низкая точка республики (51 м) – в юго-западной части, почти на границе с Республикой Татарстан, в пойме р. Вятки. Большая часть поверхности севера Удмуртии покрыта темно-зеленым ковром южной тайги (около 40 %), с преобладанием хвойных пород – главного природного богатства республики. Лес часто прерывается значительными участками пашни и светлой зеленью приречных лугов. В южной части Удмуртии тайга постепенно уступает место смешанным лесам. Сегодня более 40 % территории покрыто лесами. Главные лесообразующие породы – ель, сосна, береза, осина, пихта, липа.

Возвышенность, занимающая почти всю северную половину Удмуртии, рассечена многочисленными долинами небольших рек, впадающих в р. Чепцу, которая протекает по широкой и спокойной долине. На юго-востоке республики Сарапульская возвышенность круто обрывается к могучей Каме, за которой простирается обширная низменность. На юго-западе, за р. Иж, раскинулась всхолмленная Можгинская возвышенность, полого спускающаяся к р. Вятке. Постоянные чередования водораздельных пространств с долинными понижениями, изменения в составе горных пород, микроклимате, почвах и растительности разнообразят удмуртский пейзаж. Темный ельник сменяется сосновым бором, ели — березами. Леса и перелески сменяет раздолье полей и лугов.

Археологические памятники свидетельствуют о древнем заселении территории Волго-Уральского региона и об этнических различиях в выборе мест для проживания. В хозяйственном освоении ландшафтов участвовали народы, культура которых формировалась как в лесных, так и степных условиях. До XVII в. слабо использовались лесные местности приводораздельных пространств. Хозяйственная деятельность сосредоточивалась в долинах рек. Плотно заселялись участки при слиянии рек и в зонах ландшафтных границ. Долины рек осваивались

неравномерно, наиболее активно – участки при слиянии рек. Имея широкий ареал расселения и активного хозяйственного освоения территории Волго-Уральского региона, финно-угорские народы активно участвовали также в хозяйственном освоении Урала, Сибири и Дальнего Востока России.

С XVII до сер. XIX в. хозяйственное освоение ландшафтов носило преимущественно очаговый характер. Активность русских переселенцев усложняла систему расселения и способствовала развитию промыслов и земледелия. В жизни коренного населения земледелие стало играть ведущую роль. Крупные очаги хозяйственного освоения появились в лесостепных ландшафтах, в результате чего лесистость этой территории сокращалась. Меньшей сельскохозяйственной освоенностью отличались ландшафты смешанных лесов.

С сер. XIX до нач. XX в. на территории Волго-Уральского региона растет численность населения, расширяется земледелие, развиваются промыслы. Появляются новые геотехнические системы, роль которых в формировании культурных ландшафтов пока еще невелика. Освоение и заселение территории получает сплошной характер, в результате чего активизируются эрозионные процессы. Однако аграрные ландшафты расширялись.

Современный период развития культурных ландшафтов характеризуется тем, что в лесостепных зонах встречаются значительные массивы пашенных ландшафтов с редкими, но крупными земледельческими поселениями, в лесных ландшафтах поселения более мелкие, но сеть поселений густая. В смешанных лесах расселение очаговое и лесохозяйственное с небольшими по людности поселениями. Основная черта хозяйственного освоения — сокращение численности населения, особенно сельской местности, и снижение его плотности.

Важнейшая современная проблема системы расселения — загрязнение ландшафтов и истощение ресурсов питьевой воды, что ухудшает условия и качество жизни населения, что особенно ощутимо в крупных населенных пунктах и плотно заселенных лесостепных ландшафтах Приволжской возвышенности.

Природоохранное освоение ландшафтов наблюдается с нач. XX в., а рекреационное активизируется с сер. XX в.

В Республике Марий Эл насчитывается 64 ООПТ. Особое значение имеет Государственный природный заповедник «Большая Кокшага», организованный 14 марта 1993 г. Его площадь 21,5 тыс. га. Название заповеднику дала одна из чистейших рек европейской части России, левый приток Волги. Здесь находятся в неприкосновенности растительные сообщества, болота, луга — места обитания животных и растений; осуществляется охрана заповедного ландшафта и проводятся научные исследования. В декабре 1985 г. был создан Государственный природный национальный парк «Марий Чодра» (в переводе на русский «Марийский лес»). Площадь его — 36,6 тыс. га. Жители республики и других регионов и областей России могут поправить здесь свое здоровье и хорошо отдохнуть. Примечателен природный объект республики, образовавшийся из системы родников, бьющих из земли, — сульфатно-бикарбонатный кальциевомагниевый источник, впадающий в р. Илеть у подножия Кленовой горы. Целебные свойства его воды открыты еще в нач. ХХ в. Вода в нем круглый год имеет температуру +6,5 °С.

В Марий Эл много уголков нетронутой таежной природы, которые используются жителями городов республики и соседних регионов для отдыха. Организовано множество пеших туристских и конных маршрутов, регулярно проводятся водные походы на байдарках по р. Б. Кокшага. На озерах Яльчик, Таир и реках функционируют базы отдыха, санатории и детские летние лагеря.

Организованный характер природоохранное освоение ландшафтов начало приобретать с созданием Мордовского государственного заповедника им. П. Г. Смидовича в 1935 г. (площадь его 32 тыс. *га*, расположен в северо-западной Мордовии, в междуречье Мокши и Алатыря). На территории Республики Мордовия существует сегодня 103 ООПТ: кроме заповедника и национального парка «Смольный», это 3 комплексных государственных заказника и 98 памятников природы.

Национальный парк «Смольный» был организован 7 марта 1995 г. Его площадь — 36,5 тыс. ϵa ; покрытые лесом земли занимают 87 %. Среди памятников природы республики выделяется оз. Инерка (в переводе с мордовского — «Великое озеро»). Это озеро-старица поймы р. Суры. Длина его — 4 100 M, ширина — до 200 M. Площадь зеркала воды — 56,3 ϵa . Максимальная глубина 11,2 M. Некоторые ООПТ Республики Мордовия используются в рекреационных и туристских целях.

В Удмуртии насчитывается 309 ООПТ. Национальный парк «Нечкинский», площадью 20,7 тыс. га, организованный 16 октября 1997 г., — единственная сегодня особо охраняемая природная территория федерального подчинения. Это один из ценнейших резерватов дикой природы, с массивами пойменных лесов, с речными, озерными и болотными экосистемами, животным миром лесов, природными историко-культурными комплексами и объектами Среднего Прикамья, имеющими экологическую и историческую ценность. Парк расположен на границе подзон южной тайги и хвойно-широколиственных лесов с липой и дубом, чем объясняется многообразие видов растений, включая большое количество растений (а также животных), занесенных в Красную книгу Удмуртии. Наиболее популярны для отдыха — пойма р. Сива (живописные пейзажи, великолепные места для пикников и рыбалок) и природный парк «Шаркан», занимающий территорию около 16,5 тыс. га, с уникальными элементами ландшафта, называемыми пугами.

Национальные и природные парки, государственные природные заказники в республиках Волго-Уральского региона являются центрами экологического воспитания и просвещения как один из наиболее ценных природных ресурсов XXI в. и сохраняются как участки нетронутой, дикой природы, где поддерживается целостность природных комплексов как условие экологического равновесия. Сегодня важнейшая задача хозяйственного освоения природных ландшафтов – это развитие системы особо охраняемых природных территорий.

В комплексе рекреационных ресурсов особое место занимают культурноисторические ресурсы. Это памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства и документальные памятники. Благодаря туризму осуществляется культурный обмен между этносами. Среди историко-культурных памятников на территории Мордовии, доступных для посещения, можно выделить Атемарский вал в Лямбирском р-не, возникший в XVII в., памятник Емельяну Пугачеву в Саранске и др.

Всего, по данным Министерства культуры, в республике более 1 000 историко-культурных памятников, из них 830 находятся под охраной государства (в том числе 60 — археологических, 110 — архитектуры и градостроительства, 115 памятников искусства, 545 — исторических), 52 памятника общероссийского значения — под охраной федеральных органов.

Среди памятников архитектуры и градостроительства в Саранске выделяются Иоанно-Богословская церковь (ул. Демократическая), Кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова; в Ельниковском р-не — Никольская церковь и мн. др. Религиозно-туристские центры появились в столице республики, а также в Ардатовском, Атяшевском, Рузаевском, Темниковском и Зубово-Полянском р-нах.

Мордовская земля известна знаменитыми монастырями и святыми источниками, имеющими чудодейственную силу [1]:

- Кафедральный Собор святого праведного воина Феодора Ушакова (открыт в 2006 г.) крупнейшее в Поволжье религиозное сооружение в центре Саранска; собор способен вместить более 3 тыс. человек, его площадь 4,3 тыс. M^2 , высота 63 M.
- Спасо-Преображенский мужской монастырь (Краснослободский р-н) привлекает особое внимание туристов. Основан в 1655 г., расположен вблизи Краснослободска, одного из старейших городов Мордовии.
- Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь (с. Пайгарм Рузаевского р-на). Крупнейшая обитель Саранска и мордовской Епархии, один из красивейших памятников архитектуры Мордовии. Основан в 1864 г., расположен в 35 км от Саранска и в 5 км от Рузаевки. Основные его здания церкви, кельи, архирейские покои, жилые здания, трапезная, больница, гостиницы строились на рубеже XIX—XX вв.
- *Инсарский Свято-Ольгинский женский монастырь*, основанный в нач. XX в., включает в себя церковь им. святой кн. Ольги, двухэтажные главный и хозяйственный корпуса, дом настоятеля и шатровую часовню. В 1998 г. в комплексе был открыт женский монастырь.
- Макаровский погост включает в себя комплекс Иоанно-Богословского монастыря, бывшую усадьбу Полянской и живописный ландшафт с парком и прудом. Центр пространственной композиции монументальная Иоанно-Богословская церковь (1704). Ансамбль является уникальным памятником градостроительного искусства, интереснейшей достопримечательностью края (с. Макаровка).
- Казанская Ключевская мужская пустынь (с. Тургенево, Ардатовский р-н). На территории монастыря находятся известные на территории Мордовии святые источники, пользующиеся славой целительных и ритуальных.

Этнографический туризм способствует обращению к этническим корням, углублению знаний о финно-угорских народах, их языке и культуре. В семи центрах национальной культуры, в селах Подлесная Тавла (Кочкуровский р-н), Низовка (Ардатовский р-н), Старая Теризморга (Старошайговский р-н), Рыбкино (Ковылкинский р-н), Кочетовка (Инсарский р-н) возрождены промыслы, которыми славилась мордва в прошлые века.

Активно развивается спортивный и деловой туризм: фестивали, совещания, симпозиумы. Их участники имеют возможность посетить Республиканский музей изобразительных искусств им. Степана Эрзи, театры, выставки.

На территории Мордовии сформировано несколько рекреационных зон, включающих 15 рекреационно-туристских комплексов (Табл. 1), планирование которых должно осуществляться не на административной основе, а путем выделения геоэкологических районов — территорий, характеризующихся общностью ландшафтной дифференциации, наличием природных рекреационных ресурсов, особенностями систем расселения и хозяйства, условиями жизни людей.

Таблица 1 География рекреационных зон и туристско-рекреационных комплексов Мордовии [4]

Ландшафт	Рекреационная	Рекреационно-туристический комплекс					
	зона						
Инсарский	Приинсарская	Саранско-Рузаевский					
Мокшинский	Примокшинская	Темниковский, Краснослободкий,					
		Ковылкинский, Присивинский,					
		Ельниковский					
Вадский	Привадская	Зубово-Полянский (Ширингушский)					
Сурский	Присурская	Сабаевский, Енгалычевский, Симкинский,					
		Инеркский					
Алатырский	Приалатырская	Смольнинский, Ардатовский					
Мокша-Иссинский	Прииссинская	Инсарский					

При рекреационном освоении ландшафтов необходимо учитывать устойчивость природных комплексов к нагрузкам. Наибольшие изменения экосистем в результате рекреационного освоения сегодня наблюдаются в Кочкуровском, Краснослободском, Ичалковском, Большеберезниковском и Ковылкинском р-нах, где сосредоточено более 60 % рекреационных учреждений республики. Экологическое равновесие в Присурье и Примокшанье может быть сохранено методами ландшафтного планирования [4].

Туризм в Мордовии активно развивается и может стать сферой долгосрочных и надежных инвестиций [3]. Государственные средства, вложенные в развитие туристской инфраструктуры, позволят привлечь и частный капитал. Эта сфера может превратиться в источник постоянных и высоких доходов в бюджетах всех уровней, будет способствовать созданию новых рабочих мест, что может иметь существенное социальное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Логинова Н. Н., Федотов Ю. Д. Природное наследие в культурном ландшафте Республики Мордовия как основа туристско-рекреационной деятельности // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). М.: Эслан, 2009. 512 с.

- 2. Мордовия: Стат. ежегодник // Мордовиястат. Саранск, 2011. 444 с.
- 3. Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г. Саранск, 2010. 135 с.
- 4. *Ямашкин А. А.* Природное и историческое наследие культурного ландшафта Мордовии: монография / А. А. Ямашкин. Саранск, 2008. 164 с.

Поступила в редакцию 11.01.2012

N. N. Loginova

Economical development landscapes of Finno-Ugric peoples of the Volga-Ural region

Abstract this article regards different factors economical development landscapes the Finnic-Ugro peoples and for the development tourism of the Mordovian Repablic. In the report is analyzed the resort potential of the Finnic-Ugro peoples. The diversity of the tourist resources of the Mordovian Repablic is systematized.

Keywords: economical, development, landscape, the Finnic-Ugro peoples, tourism, tourist resources.

Логинова Нина Николаевна,

кандидат географических наук, доцент, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева г. Саранск

E-mail: log-nina@yandex.ru

Loginova Nina Nikolayevna,

Candidate of Sciences (Geography), assistant professor,
Mordovian State University
Saransk

E-mail: log-nina@yandex.ru

УДК 911.3(=511.1)

В. И. Стурман

АДАПТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РЕГИОНОВ ПРОЖИВАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

В сравнении со смежными регионами важной особенностью регионов проживания финноугорских народов является повышенная степень адаптивности природопользования, которая проявляется в социально-экономическом и природно-ландшафтном аспектах.

Ключевые слова: культурный ландшафт, природно-ландшафтный аспект, этногеографический аспект, традиционное ландшафтоведение, традиционное природопользование.

Понятие культурного ландшафта в этногеографическом аспекте требует терминологического уточнения. С развитием ландшафтной архитектуры, ландшафтного дизайна сегодня наметилась тенденция считать культурным ландшафтом только объекты, сформированные искусственно — в эстетических и рекреационных целях: дворцово-парковые ансамбли, приусадебные участки и придомовые территории, лесопарки, лугопарки, агропарки и др. Однако в рассматриваемом нами аспекте более оправданно понимание культурного ландшафта как некоторой территории (местности), в течение длительного времени служившей местом проживания определенной этнической (этноконфессиональной) группы людей — носителей сложившейся системы культурных ценностей, неотделимых от данной природной среды и традиции природопользования. В этом смысле культурный ландшафт становится аналогом техногенного (антропогенного) ландшафта.

Однако, в свете существующей теории природопользования, грань между ландшафтом природным как объектом исследования традиционного ландшафтоведения и ландшафтом техногенным становится размытой. Если техногенный характер агро- и урболандшафтов очевиден, то лесные ландшафты — это ареал лесопользования, и даже ландшафты особо охраняемых территорий являются таковыми же благодаря искусственной охране, что некоторыми авторами рассматривается как природоохранное природопользование. Виды и разновидности природопользования отличаются друг от друга величинами техногенных

нагрузок на среду, и отличаются сильно, на порядки (Табл. 1). Соответственно, к техногенным (культурным) ландшафтом не относятся лишь ландшафты малонаселенных отдаленных территорий, где человек воздействует на среду своего обитания на уровне биологического вида. Но именно эти ландшафты представляют наибольший интерес для изучения традиционного природопользования.

В регионах проживания финно-угорских народов к таковым ландшафтам относятся, в частности, территории традиционного природопользования Западной Сибири, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Здесь сохранилась система неистощительного природопользования, основанная на рыболовном промысле в многочисленных озерах среди болот. Проводимое в последние годы местными органами самоуправления закрепление родовых угодий и формирование территорий традиционного природопользования сталкивается со значительными трудностями социально-экономического и организационного характера [1].

Средой проживания финно-угорских народов являются разнообразные ландшафты таежно-лесной и лесостепной зон, от Западной Сибири до Балтийского щита и Среднедунайской низменности, вследствие чего едва ли можно выделить много общих черт природопользования. К их числу, однако, относится повышенная, в сравнении с природопользованием смежных регионов, степень адаптивности, которая проявляется и в социально-экономическом и в природно-ландшафтном аспектах. Первый аспект адаптивности сказывается в общности уровней социально-экономического развития финно-угорских этносов с соседними народами, как правило, более многочисленными.

Так финно-угорские народы Западной Сибири гармонично вписываются в обширный регион традиционного природопользования промысловых народов Азии [2], а финно-угорские народы Поволжья и Предуралья, Центральной и Северной Европы – в соответствующие культурно-исторические регионы.

Природно-ландшафтный аспект адаптивности предполагает приспособление локальных территориальных систем природопользования к особенностям местного рельефа и ландшафтов, что проявляется в высокой степени сходимости контуров полей и лесов с элементами геологического строения и рельефа. В восточной части Мордовии и прилегающих районах Ульяновской области закономерные совпадения контуров лесов с контурами песчаных отложений (пески палеогена, а также четвертичные эоловые пески) выражены настолько четко, что проявляются на уровне урочищ и фаций и давно используются как картировочный признак при геологическом изучении территории [3]. В Удмуртии, где условия земледельческого освоения территории были менее благоприятны, оно началось позже и сочеталось с лесозаготовками для заготовки древесного угля, поэтому сходимость контуров лесов с контурами распространения четвертичных эоловых песков выражена менее четко и проявляется лишь на уровне ландшафтных рубежей.

Адаптивность территориальной системы природопользования в течение длительного времени трактовалась негативно, как причина мелкоконтурности сельскохозяйственных угодий, препятствующей использованию тяжелой техники и, соответственно, повышению эффективности, как это понималось в прошлые

Таблица 1 Количественные характеристики типов и подтипов природопользования в Пермском крае, республиках Татарстан и Удмуртия (2007)

Типы		лощад	IИ	Удельные			Улел	тьное в	30ЛО-	Удельное				
и подтипы	распространения,		выбросы,		потребление, млн.			водоотведение,						
природо-	pacinp	км ² /%		_ B	<i>т</i> /км²		$m^3/\kappa m^2$			$MЛH. M^3/KM^2$				
1 ^ ^	ПК	УР	PT	ПК	УР	PT	ПК	УР	PT	ПК	<u>ин. м /к.</u> УР	PT		
пользования	Промышленно-урбанистический, в т.ч.:													
городской	224 /	194 /	352 /	106,1		39,6	1,30	0,66	0,56	1,17	0,90	0,35		
селитебный	0,14	0,46	0,52	100,1	51,0	37,0	1,50	0,00	0,50	1,1,	0,50	0,55		
транспортно-	823 /	318 /		688 3	794,7	465,3	3,25	0,29	0,27	3,04	0,24			
промышлен-	0,51	0,76	/ 1,57	000,5	,,,,,	105,5	3,23	0,2	0,27	3,01	0,2 .			
ный	0,51	0,70	1,57											
горно-	176 /	55 /	278 /	431,3	98,6	351		0,68	0,37		0,001			
промышлен-	0,11	0,13	0,41						,		,			
ный	,	,,,,,	,											
сельский	1923	1268	1191	2,5	2,4	2,26		0,01	0,03		0,015	0,009		
селитебный	/ 1,20	/ 3,01	/ 1,76		,				1			_		
			(ельск	охозяй	ственн	ый, в т.	ч.:						
ирригацион-	170 /	Нет	1689			0,07			0,0004					
но-земле-	0,11	свед.	/ 2,49											
дельческий														
собственно	19587	14178	32749	0,094										
земледель-	/	/	/											
ческий	12,22	33,71	48,28											
лугово-	7694	l	10596											
сенокосный	/ 4,80	/ 2,76	15,62											
пастбищно-		3287	13,02				0,002	0,005	0,0015	0,0004	0,0006			
животновод-		/ 7,82												
ческий		,												
				Лесох	озяйст	венны	й, в т.ч.							
собственно	724 /	98 /	155 /											
лесохо-	0,45	0,23	0,23											
зяйственный														
лесопромыш-	117483			0,056										
ленный	/ 73,32													
промышлен-		20348	6887			0,19								
но-лесохо-		/	/											
зяйственный		48,38	10,15											
водо- и почво-	2823	310 /												
охранный	/ 1,76		/ 7,92											
рекреацион-	18 /	8 /	310 /											
ный и	0,01	0,02	0,46											
санитарно-														
гигиеничес-														
кий														
									-					

 $\it Примечания: \Pi K - \Pi$ ермский край, $\it YP - У$ дмуртская Республика, $\it PT - Р$ еспублика Татарстан.

Суммы площадей составляют менее 100 %, так как не включены территории водного фонда и различного специального назначения.

десятилетия. Сегодня едва ли необходимо доказывать устарелость подобных представлений, и адаптивность рассматривается как один из факторов обеспечения устойчивости природопользования в рамках перехода к устойчивому развитию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Михайловский В. Л. Территории традиционного природопользования в бассейне реки Вах: перспективы развития // Эколого-географические проблемы природопользования нефтегазовых районов. Нижневартовск, 2006. С. 57-60.
- 2. Мартынов А. С., Виноградов В. Г. Культура природопользования малых народов // Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1998 г. М., 1999.
- 3. Дедков А. П. Экзогенное рельефообразование в Казанско-Ульяновском Приволжье. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1970. 255 с.

Поступила в редакцию 20.01.2012

V. I. Sturman

Adaptive aspects of cultural landscapes in Finno-Ugric regions

Adaptively wildlife management is important peculiarity of cultural landscapes in Finno-Ugric regions. Adaptively wildlife management contains social-economic and natural aspects.

Keywords: cultural landscape, Natural and landscape aspect, ethnic and geographical aspect, traditional landshafe stufu, traditional nature management.

Стурман Владимир Ицхакович,

доктор географических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск E-mail: St@izh.com

Sturman Vladimir Itshakovich,

Doctor of Sciences (Geography), professor, Udmurt State University Izhevsk E-mail: St@izh.com

УДК 911.3 (470) (07)

А. Ф. Кудрявцев

ЛАНДШАФТ КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ

Проводится мысль об интегральном характере культурного ландшафта. Культурный ландшафт есть репрезентация среды обитания того или иного этноса. Не просто территория проживания, а некое пространство, в котором специфически, гармонично сочетаются материальные и духовные ценности общности людей.

Ключевые слова: артефакты и ментифакты, ойкумена, агрикультура, антропогенный ландшафт, культурный ландшафт.

Перефразируя известного русского ученого В. В. Докучаева, можно сказать, что культурный ландшафт является зеркалом культуры. Три основных аспекта культуры (технологический, аксиологический и личностный) фокусируются на понятии культурного ландшафта. Действительно, труд можно представить как целенаправленную деятельность коллектива людей в преобразовании природы, в ходе чего естественный ландшафт превращается в очеловеченный, антропогенный, культурный (термин «культурный ландшафт» предложил Отто Шлютер в 1906 г., когда в одной из своих работ анализировал трансформацию Urlandschaft'а [первозданный ландшафт] в Kulturlandschaft). Далее, культурный ландшафт как совокупность материальных и духовных ценностей сам становится интегральной ценностью. И через взгляд человека на окружающую природную среду обнаруживается, хотя и опосредованно, его отношение к другому человеку. Загрязняя освоенный ландшафт (общий дом), человек нарушает права другого на достойные естественные условия жизни, на чистую воду и чистый воздух. И если выбросы-сбросы загрязняющих веществ порой даже не видны, то бытовой мусор наглядно отражает отношение к «ближнему своему». Налицо выражение культуры людей, точнее культурности. И повторим, все три аспекта замыкаются на понятии культурный ландшафт.

Различим понятия «антропогенный ландшафт» и «культурный ландшафт». Оба означают нечто отличное от естественного, природного и уже прошедшее через человеческие руки. Но если для идентификации «антропогенного ландшафта» этого достаточно, то для «культурного» – нет. Здесь есть нюансы

в трактовках. «Антропогенный» воспринимается как изначально созданный человеком, а «культурный» как постепенно взращенный из природного. Если для определения «антропогенный» достаточно констатации факта участия человека, то для определения «культурный» необходимо знать, какого человека.

Еще в римских трактатах, в частности в работе Катона Старшего «О земледелии», говорится о необходимости не просто обрабатывать участок земли, а ухаживать за ним с любовью и усердием. Без этого ухода нет культуры возделывания земли («агрикультуры»). Культурно возделать земельный участок способен только свободный землепашец, то есть римский гражданин. Он же готов и защищать, и погибнуть за возделанный участок земли как олицетворение своей культуры, своей родины. Рабы же в принципе не способны ухаживать за землей: они по определению не владеют культурой труда, так как не заинтересованы в нем.

Позволим себе подытожить — сельские ландшафты Апеннинского полуострова в римскую эпоху были антропогенного происхождения, но только полноправные граждане, по Катону Старшему, создали настоящие культурные ландшафты. Важность мысли в том, что без подлинного, неподдельного интереса к территории, без отождествления себя с ландшафтом, без понимания его как «кормящего и вмещающего» [4], не будет культуры труда, а стало быть — и культурного ландшафта. Антропогенный ландшафт будет существовать, а культурного — не будет. Это важно учитывать при определении политики сохранения культурных (традиционных) ландшафтов.

Еще о различиях людей и ландшафтов. Общности людей различаются по географическим основаниям. И этот географический детерминизм — объективное условие. Люди на Земле преобразуют различные природные ландшафты. При этом сами человеческие общности становятся различными, отличаются этнически и конфессионально. Этно-конфессиональные различия есть не что иное, как различия культурные. Занимая в ходе истории конкретные ландшафты, этносы преобразовывают их в соответствие со своими культурными императивами, постепенно превращая в культурные. Причем, занимая примерно одни и те же ландшафты, люди различных этносов осваивают их и превращают в культурные по-разному. (Хотя нельзя игнорировать диктат «природных условий», географический детерминизм, уравнивающий все «народы»). Образно говоря, культурные ландшафты, в соответствии с этой трактовкой, этнически и конфессионально окрашены. И обязательными артефактами культурного ландшафта являются культовые сооружения (сакральные объекты) как, своего рода, его индикаторы. Для иллюстрации приведем два отрывка из описания разных стран.

Итак, «запах сена и запах водорослей. Мычание коров и крики чаек. Узкие, извилистые, непривычно пустынные дороги. Вместо чадящих грузовиков — только повозки с молочными бидонами да гурты скота. Европа встречается здесь с Атлантикой. Если не считать моря и неба, в портрете этой страны преобладают две краски: свежесть травы спорит с сединой камня. Даже изгороди из серых камней, разделяющие пастбища, кажутся такими же неподдельно древними, как развалины средневековых крепостей и сторожевых башен. Местная природа поражает тем, что доныне выглядит почти такой же нетронутой и необитаемой, как в те далёкие века, когда последователи святого Патрика строили монастыри

и воздвигали на взгорьях каменные кельтские кресты. И в этом безлюдье, как и в том, что лишь в отдаленных селениях атлантического побережья сохранил свои последние корни местный язык, отражена трагическая судьба народа...». О какой стране Европы идет речь? Норвегия, Португалия, а может быть, Ирландия? И только краткая информация о кельтских крестах на взгорьях говорит в пользу Ирландии.

Или, например, «куда ни глянь – рисовые поля. Некоторые из них залиты водой и сверкают, как слои слюды на изломе.... А чуть дальше темнеет свежая пашня. Мальчуган, стоя на бороне, погоняет буйволов, чтобы взрыхлить почву перед поливом.... Сельский ландшафт здесь – воплощение человеческого труда. Здесь все создано, облагорожено, выращено руками крестьянина. На горизонте, как в Никарагуа, синеют конусы вулканов. Только вместо старинных католических костёлов здесь видишь мечети....». О какой стране говорится? Все похоже на Никарагуа, но только виднеющиеся мечети подсказывают нам, что мы в Индонезии... [5].

Дефиниция антропогенного ландшафта, как минимум, нейтральна к упомянутым нюансам. Для определения антропогенного ландшафта не столь важно, на каком языке говорит и в кого (во что) верит anthrōpos — творец такого ландшафта. Антропогенный ландшафт не может полностью отразить особенности культуры, в частности духовной. Поэтому индустриальный, руральный, урбанистический ландшафты — только зеркало уровня технологии того или иного сообщества людей. А культурный ландшафт репрезентирует всю культуру населяющего его сообщества людей.

Говоря о культурном ландшафте, невозможно обойти стороной понятие пейзажа. Очевидно, что то и другое отражают реальность. Онтологически они объективны. Можно даже сказать, что эти термины - синонимы. Но географически понятие ландшафта по объему и содержанию не соответствует понятию пейзажа. Дело в том, что ландшафт – это отражение системной сущности некоего сегмента земной поверхности. Квинтэссенцией культурного ландшафта являются связи между природными и антропогенными объектами и явлениями данного участка территории. Упомянутые связи незримы и нематериальны. Они в какомто смысле абстракция, условность и необходимы, чтобы понять главное: целостность и взаимосвязанность элементов ландшафта. Но «увидеть» ландшафт как систему связей можно только после осмысления его концепции. А она создается человеком – субъектом познания. Такое осмысление, такое видение ландшафта под силу только подготовленному человеку, посвященному в ландшафтоведение. Конечно, любой культурный человек что-то видит, но «видеть» и «увидеть» не одно и то же. И если ландшафт в окружающей нас реальности надо еще увидеть, то пейзаж можно просто видеть (созерцать).

Пейзаж есть отражение чувственно-эмоционального восприятия ландшафта. Если ландшафт – внутреннее содержание, то пейзаж – внешняя форма. Если ландшафт как система связей относительно постоянен, то пейзаж, как правило, переменчив. Один и тот же пейзаж может восприниматься по-разному в зависимости от возраста, пола, социального положения, образования, этнической принадлежности, от времени года и суток и просто от настроения «человека воспринимающего». Другими словами, пейзажа без человека, его созерцающего, в определенном смысле не существует. В то время как ландшафт сохраняет свои связи между элементами и без присутствия человека, то есть ландшафт — объективная данность.

Памятуя о том, что культура должна быть опознаваема, видима, мы вынуждены признать, что понятие культурного ландшафта ближе к понятию пейзажа. Культурный ландшафт — это модус (образ), зеркало территории, маркируемой теми или иными явлениями культуры. Именно культурный ландшафт формируется как пейзаж и закрепляется таковым в сознании людей, находящихся вне его. На обыденном уровне, в массовом сознании различаются прежде всего пейзажи-образы. «Людисо-стороны» воспринимают и отражают в своем сознании именно их, а не то, как функционально связаны между собой геологическое строение и климат территории.

Очень важно, чтобы это зеркало культуры того или иного сообщества людей, в том числе этноса (а тем более малого), — не треснуло. Сравнение с зеркалом позволяет представить себя вовне, во внешнем мире. Именно таким образом возможно сохранить свою идентичность, уникальность, способствуя тем самым сохранению многоликости мира, его мозаичности и разнообразия как залогу устойчивости.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Докучаев В. В. Избранные сочинения. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР. Т. 3: Русский чернозем. 1949.
- 2. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: Пер. с англ. / Под ред. и с послесл. А. Г. Исаченко. М.: Прогресс, 1988. 672 с.: ил.
 - 3. Гуревич П. С. Культурология. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2001. 280 с.
- 4. *Гумилев Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
- 5. *Овчинников В. В.* Своими глазами. Страницы путевых дневников. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. 384 с.

Поступила в редакцию 24.01.2012

A. F. Kudrjavtsev

Landscape as a mirror of culture

The idea on integrated character of a cultural landscape is spent. The cultural landscape is peпpeзeнтация inhabitancies of this or that ethnos. It not simply territory of residing, and a certain space in which specifically, are harmoniously combined material and cultural wealth of a generality of people.

Keywords: artefacts, mentifacts, anthropogenous landscape, a cultural landscape.

Кудрявцев Андрей Федорович,

кандидат географических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск E-mail: kudr2005@ mail.ru

Kudryavtsev Andrey Fyodorovich,

Candidate of Sciences (Geography), assistant professor, Udmurt State University Izhevsk

E-mail: kudr2005@ mail.ru

ОТЗЫВ

УДК 82(049.32)(=511.131)

Д. В. Цыганкин

О «ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА»...

Передо мною «Диалектологический атлас удмуртского языка» (2009) — крупное достижение в удмуртской лингвистической науке последних лет, многолетний труд коллектива авторов, работающих в лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии Удмуртского государственного университета.

Одна из основных задач атласа – описание и картографирование диалектных явлений, относящихся к лексической системе удмуртского языка.

Как известно, при изучении диалектных явлений (фонетических, лексических и морфологических) всегда оказывается важным представление об общем характере распространения того или иного диалектного явления в плане как собственно географическом (расположении ареалов на территории исследуемого языка), так и в плане историческом, поскольку изучение и описание узко локальных диалектных черт позволяет устанавливать связь языковых явлений с историей территории, на которой они представлены, а также их соотношение с другими языковыми чертами, представленными на той же территории. В свете вышесказанного, бесспорно, «Диалектологический атлас удмуртского языка» открывает новые возможности для дальнейшего изучения истории различных диалектных объединений языка. Несомненно и то, что в процессе работы над сводным атласом методика описания диалектов должна будет развиваться и совершенствоваться.

Атласное картографирование лексического диалектологического материала удмуртского языка позволило выработать новый взгляд на его современное диалектное членение, что, по нашему мнению, позволит четко очертить ареалы (изоглоссы) существующих диалектов и нанести на карты границы их распространения. Необходимость такого картографического деления особенно ощутима при разработке вопросов исторической диалектологии, в частности исторической лексикологии.

Отметим, что «Диалектологический атлас удмуртского языка» (его лексическая часть) – это не только карты (кстати, прекрасно выполненные), но и

к каждой карте — подробные комментарии, которые включают следующие пункты: 1) происхождение, 2) территория распространения, 3) варианты слова, 4) значение, 5) наличие слова в письменных источниках. Как можно заметить, каждый комментарий — это законченная статья исследователя, от которого требуются многосторонние знания об этимологии описываемого слова и его появлении в различных ареалах территории, где проживают удмурты. Обо всех комментариях можно сказать следующее: 1) их авторы исходили прежде всего из языковой реальности, из материалов разных диалектных объединений, 2) глубокий и твердый лингвистический фундамент комментариев — результат скоординированной работы авторского коллектива в лице С. А. Максимова, В. Г. Семенова, Г. В. Отставновой и руководителя проекта, доктора филологических наук Р. Ш. Насибуллина.

Данные лингвистической географии, воплощенные в «Диалектологическом атласе удмуртского языка», могут составить новые основания для существовавшего уже в удмуртской лингвистике представления о генезисе тех или иных языковых черт, языковых закономерностей развития отдельных диалектов, их лексических систем. В наши дни лингвисты-финно-угроведы все острее начинают ощущать потребность в таких атласах. И рецензируемый атлас (первый выпуск) может служить образцом для подобных исследований других финно-угорских языков.

Поступила в редакцию 15.03.2012

Цыганкин Дмитрий Васильевич,

доктор филологических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева г. Саранск E-mail: cygankin@yandex.ru

Tsygankin Dmitry Vasilievich,

Doctor of Sciences (Philology), professor, Mordovian State University Saransk E-mail: cygankin@yandex.ru ЮБИЛЕИ

УДК 003.349.3.038:811.511.131

Л. М. Ившин

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. К. КЕЛЬМАКОВА

К 70-летнему юбилею моего Учителя

В январе 2012 г. общественность нашей республики отметила 70-летний юбилей известного не только в отечественном, но и зарубежном научном мире специалиста по пермским языкам — финно-угроведа, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой общего и финно-угорского языкознания Удмуртского госуниверситета, заслуженного деятеля науки УР и РФ, академика АН Удмуртской Республики В. К. Кельмакова.

Валей Кельмакович родился 14 января 1942 г. в д. Верхняя Юмья (Тыло) Кукморского района Татарской АССР. Начальное образование получил в родной деревне, затем учился в Ошторма-Юмьинской средней школе, после чего поступил на историко-филологический факультет УГПИ, по окончании которого был рекомендован Государственной экзаменационной комиссией в аспирантуру Института языкознания АН СССР. Отслужив в армии, будущий ученый завершил аспирантуру, вернулся в Ижевск и в 1968—1971 гг. работал в УдНИИ при СМ Удмуртской АССР. В 1970 г. в Институте языкознания успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кукморский диалект удмуртского языка» и в 1971 г. начал работать преподавателем на кафедре удмуртского языка и литературы Удмуртского пединститута, преобразованного вскоре в университет. В 1993 г. защитил в Институте языкознания АН СССР докторскую диссертацию на тему «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов».

В современной уралистике В. К. Кельмаков пользуется большим авторитетом как лингвист широкого профиля не только в области описательной и исторической фонетики удмуртского языка (впервые в удмуртском языкознании он реконструировал праудмуртскую систему вокализма первого и непервого слогов, восстановил парадигматику и выявил некоторые особенности синтагматики праудмуртского консонантизма и др.), но и в других отраслях языкознания: диахронической морфологии и фонологии, исторической лексикологии

и этимологии, ономастики и диалектологии, а также истории изучения удмуртского языка. Владение иностранными языками – татарским, марийским, немецким, венгерским, финским, коми – дало возможность ученому касаться также общих вопросов финно-угорской лингвистики.

В. К. Кельмаков – автор свыше 300 работ (в том числе не одного десятка книг и сборников, препринтов) по различным вопросам удмуртского и пермского языкознания. Много сил и энергии отдает он пропаганде истории и достижений современного удмуртского языкознания как особой науки, публикуя статьи о малоизвестных и совершенно неизвестных письменных памятниках удмуртского языка, сделав их достоянием специалистов и всего удмуртского народа. Более 30 публикаций ученого посвящены вопросам изучения ранней удмуртской письменности. В одних исследованиях Кельмаков касается памятников письменности попутно – при разработке истории и истории изучения удмуртского литературного языка, лексикологии, удмуртского языкознания в целом; в других – специально – при изучении истории графики и орфографии удмуртского языка: «более перспективно использование ранних письменных документов в качестве первостепенного источника применительно к литературному языку» [1].

В нескольких работах юбиляра затрагиваются вопросы возникновения удмуртской письменности [2]. Как известно, письменность на удмуртском языке, по сравнению с некоторыми финно-угорскими языками, появилась не так давно. В ученых кругах до сих пор нет единого мнения о точном времени ее зарождения. Одни исследователи [3] считают, что началом удмуртской письменности следует считать 1775 г., когда в Санкт-Петербурге была напечатана книга под названием «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка»; другие [4] — В. К. Кельмаков в их числе — точкой отсчета письменности называют дату первой записи слов на удмуртском языке, то есть первую половину XVIII столетия, независимо от того, была уже издана грамматика этого языка или нет.

Действительно, если под письменностью понимать систему графических знаков, употребляемых для фиксации речи на письме, то можно считать, что самые ранние памятники письменности на удмуртском языке восходят к 20-м гг. XVIII в., когда впервые были зафиксированы удмуртские слова в исследованиях путешественников-естествоиспытателей Д. Г. Мессершмидта (конец 1726 г. – рукописный словарь, содержащий около 350 удмуртских лексем) и Ф. Й. Страленберга на основе латинской графики, причем удмуртские материалы последнего в количестве 29 слов в печатном виде появились уже в 1730 году.

В работах, посвященных вопросам зарождения и развития удмуртской филологии [5] (языкознания, фольклористики, литературного творчества и др.), В. К. Кельмаков эскизно описывает историческую обстановку на территории Поволжья с X по XVII в., когда удмуртский народ находился под владычеством сначала Булгарского государства, затем — Казанского ханства и впоследствии — Русского государства; вкратце (поскольку нижеописываемые материалы уже были подробно изучены и изданы в свое время Т. И. Тепляшиной [6]) он анализирует первые лексические материалы зарубежных ученых-естествоиспытателей Ф. Й. Страленберга, Й. Э. Фишера, П. С. Палласа,

удмуртско-русский словарь 3. Кротова (самый большой из сохранившихся и обнаруженных на сегодняшний день памятников XVIII в., содержащий около 5000 слов и выражений).

В. К. Кельмаков размышляет о взаимосвязях литературного языка с основными источниками его развития и обогащения — ранними памятниками удмуртской письменности, с одной стороны, и современными диалектами и языком фольклора, с другой. Из разделов лингвистики в XVIII в. наибольшее распространение получила лексикография: было составлено множество словарей различного объема, и лексемы, зафиксированные в них, дают довольно полное представление об основном словарном фонде удмуртского языка более чем двухвековой давности — этом бесценном источнике исторической лексикологии. Лексикографические работы того периода сохранили архаичные элементы и формы не только в лексике, но и на других уровнях системы языка — а это источник исторической грамматики. Обоснованно отмечается в работах В. К. Кельмакова и тот факт, что важнейшим разделом языкознания раннего периода явилось составление грамматик удмуртского языка, тогда же появились сведения по диалектологии, ономастике и этимологии.

Наиболее основательному, как нам кажется, лингвистическому изучению В. К. Кельмаковым были подвергнуты письменные памятники удмуртского языка XIX столетия. Так, несколько его работ посвящено рассмотрению языковых (лексических и стилистических) особенностей первого перевода Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка [7]. Обращено внимание на то, что при переводе евангельского текста переводчики/составители/издатели подбирали соответствующие удмуртские эквиваленты к словам с христианскорелигиозным значением следующими способами: 1) использовали удмуртские слова, возникшие в недрах язычества; 2) приспосабливали слова, имевшие несколько иное, бытовое значение; 3) термины без прямых соответствий на удмуртском языке передавали толкованием; 4) заимствовали из русского языка и 5) образовывали новые слова на базе известных в удмуртском языке словообразовательных моделей. Также ученым поднимается вопрос об орфографических особенностях письменного памятника, которые состоят в: 1) использовании различных букв русского алфавита для обозначения одного и того же удмуртского звука; 2) непоследовательном обозначении палатальности/велярности согласных; 3) наличии/отсутствии буквы ъ между морфемами; 4) смешении дефиса и тире и др. Предельную непоследовательность правописания в этом тексте Евангелия В. К. Кельмаков объясняет отсутствием прецедента издания пространных текстов на удмуртском языке до публикации книг 1847 г. и, стало быть, издательского опыта у их создателей.

Три исследования [8] ученого посвящены анализу книги Б. Гаврилова «Произведениія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» (Казань, 1880), представляющей собой сборник фольклорнодиалектологических текстов. Рассматривая особенности письма (графики и орфографии) памятника, ученый обращает внимание на то, что избыточность графических средств, представленных в текстах сборника (47 букв для обозначения менее, чем 40 фонем), и сочетание на практике слогового принципа

письма с транскрипционным, а также звуковая неоднозначность некоторых графических знаков предопределили противоречивость орфографии в книге: с одной стороны, дали возможность относительно точной фиксации фонетических особенностей удмуртских диалектов; с другой — спровоцировали непоследовательное использование громоздкой графики. Исследовав диалектные явления и лексику в текстовом корпусе сборника, В. К. Кельмаков приходит к выводу, что Б. Гаврилов отражает в основном фонетические, морфологические и лексические особенности кукморского и шошминского говоров удмуртского языка. Ценность же данного памятника письменности ученый видит прежде всего в том, что он стал своего рода учебной хрестоматией по удмуртской литературе для обучения и воспитания многих просветителей и деятелей удмуртской культуры кон. XIX — нач. XX в. (И. С. Михеева, М. И. Ильина, И. В. Яковлева, Кедра Митрея и др.) и положила конец утверждениям о том, что удмуртский народ не имеет собственного устно-поэтического творчества.

Будучи в качестве лектора удмуртского языка в Туркуском и Хельсинкском университетах (Финляндия), В. К. Кельмаков обнаруживает в библиотеке Финно-угорского общества рукописный словарь Владислава Ислентьева — инспектора народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии кон. ХІХ в. Размышляя об этом утерянном словаре в препринте «Неизвестная страница удмуртского языкознания: Рукописный словарь Владислава Ислентьева» [9], ученый описывает некоторые его графические, орфографические, диалектные и лексические особенности, а также предлагает проект инструкции к редакционной подготовке издания удмуртского словаря на основе трудов Вл. Ислентьева. Хотелось бы верить, что появление препринта ускорит публикацию материалов Владислава Ислентьева, и словарь удмуртского языка увидит свет в виде полного комментированного научного издания.

Несколько работ В. К. Кельмакова [10] посвящены изучению лингвистического творческого наследия первого удмуртского ученого-просветителя Г. Е. Верещагина (кроме его рукописных словарей). Подробно проанализировав его работы «О книгахъ на вотскомъ языкъ» (Вятка, 1895), «Руководство к изучению вотского языка» (Ижевск, 1924) и «Удмурт грамматика кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» (Ижевск, 2002), исключительно важных для истории удмуртского литературного языка, Кельмаков дал подробнейшее описание графической и орфографической систем памятников, рассмотрел предложения Верещагина по обновлению письма, а также грамматики с учетом данных обо всех диалектах удмуртского языка. В результате В. К. Кельмаков глубоко оценил вклад Г. Е. Верещагина в удмуртское языкознание с учетом всего корпуса трудов ученого, посвященных удмуртскому языку.

Неизвестные и малоизвестные труды зарубежных и отечественных исследователей: Т. Г. Аминоффа [11], Г. Е. Верещагина [12], Б. Г. Гаврилова [13], Б. Мункачи [14], В. А. Ислентьева [15], Ю. Й. Вихманна [16], Ш. Чуча [17] и др. (а по сути — это памятники удмуртской письменности кон. XIX — нач. XX в.) В. К. Кельмаков сделал достоянием науки и всего удмуртского народа.

В завершение еще раз подчеркну, что в своих работах, посвященных анализу ранних памятников удмуртского языка (и не только), В. К. Кельмаков обращает

внимание исследователей на то, что систематическое изучение памятников удмуртской письменности, появившихся задолго до установления норм современного языка, имеет огромное историко-филологическое значение. Мысль юбиляра [18] о создании полного фонда рукописных и печатных письменных памятников с целью полнокровного и целенаправленного ввода корпуса ранних письменных документов на удмуртском языке в научные разработки по всем видам и темам исследований, считаем весьма уместной и корректной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Кельмаков В. К. Ранние памятники удмуртской письменности в филологической науке и вузовском преподавании // Linguistica Uralica. 2008. Т. 44. № 4. С. 283; Его же. Ранние памятники удмуртской письменности и современное языкознание // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: Мат-лы межрегион. науч. конф., посв. 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка «Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермятскаго Языка Составленныя Города соликамска Свято Троицкаго Собора Протоиереемъ Теодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8-го дня». 28–29 февраля 2008 года, Пермь / Департамент Внутрен. политики администрации губернатора Перм. края; ГОУ ВПО «Пермский гос. пед. ун-т»; Ин-т исследований языка, ист. и традиц. культуры коми-пермяц. народа. Пермь, 2008. С. 16–26.
- 2. Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. С. 6; Его же. Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетьёс 4) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. С. 12; Его же. К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка» / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. С. 115; Его же. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак-т удм. филологии. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. (= Удмурт вераськетьёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. С. 30.
- 3. См., например: *Алатырев В. И.* Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1976. С. 21; *Ванюшев В. М.* Литература // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Науч. ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 295; *Ермаков Ф. К.* Характеристика дореволюционных удмуртских изданий // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР, 1976. С. 83; *Пономарев К. А.* Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Там же. С. 6.
- 4. См., например: *Ившин Л.М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII первой половине XIX века. Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2010. С. 17–19; *Тараканов И. В.* Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2000. С. 539.
- 5. Кельмаков В. К. Дореволюционные письменные памятники как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка // 200 лет удмуртской письменности / Указ. изд. С. 104–111; Его же. У истоков удмуртской филологии // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков: Сб. ст. / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. Сыктывкар, 1992.

- С. 55-60; Его же. Удмурт кылосбурлэн кылдэмез но нырысь вамышъёсыз // Кенеш. № 4. 46–50-тй б.; *Его же.* Удмурт кылосбурлэн кылдэмез: XVIII даур: Спецкурслы материалъёс. Ижевск: «Удм. ун-т» книга поттон корка, 1999. 60 б.; Его же. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. 140 с.: Его же. Возникновение и развитие удмуртского языкознания // Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 4) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. С. 11–88; Его же. Удмурт кылосбурлэн кылдэмез // Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 4) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. С. 89–128; Его же. Первая грамматика удмуртского языка как феномен европейской духовной культуры XVIII века // Вордскем кыл. 2001. № 5. 52–58-тй б.; Его же. У истоков удмуртской филологии // К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка» / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. С. 12–17; Его же. Зарождение и развитие удмуртского языкознания // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2002. С. 17-53; Его же. Становление письменности и зарождение удмуртской филологии // Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак-т удм. филологии. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. С. 13–28; Его же. Первая грамматика удмуртского языка как феномен европейской духовной культуры XVIII в. // Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак-т удм. филологии. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. С. 28-36; Его же. Зарождение и развитие удмуртского языкознания // Вехи истории удмуртского языковедения / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН (= Удмурт вераськетъёс 9). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. С. 13-68.
- 6. *Тепляшина Т. И*. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1965. Вып. 1. 324 с.
- 7. Кельмаков В. К. О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка І // Регтіек, finnek, magyarok: Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára (= Uralisztikai Tanulmányok 14). Budapest, 2004. С. 537–546; Его же. Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка // Вестник удмуртского университета. 2007. № 5. С. 17–24; Его же. О языке первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка // Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак-т удм. филологии. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. С. 49–105.
- 8. *Кельмаков В. К.* К истории удмуртского языкознания: Первый опыт научного издания фольклорно-диалектологических текстов // Linguistica Uralica. 2001. Т. 37. № 3. С. 174–191; *Его же.* Из истории удмуртской графики (Б. Гаврилов и Г. Верещагин) // Permistica et Uralica: Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére. Piliscsaba, 2003. С. 96–104; *Его же.* К истории удмуртской графики (Б. Гаврилов и Г. Верещагин) // Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак-т удм. филологии. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. (= Удмурт вераськетьёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. С. 125–132; *Его же.* Первый опыт научного издания фольклорно-диалектологических текстов // Вехи истории удмуртского языковедения / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН (= Удмурт вераськетьёс 9). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. С. 141–166.

- 9. *Кельмаков В. К.* Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева: Материала к спецкурсу. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 1999. 59 с.; *Его же.* Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева // Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетьёс 4) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. С. 129–170.
- 10. Кельмаков В. К. Нырысетй удмурт тодосчи // Вордскем кыл. 2000. № 6. 67-81-тй б.; Его же. Г. Е. Верещагин и проблемы удмуртского литературного языка (К 225-летию первой удмуртской грамматики) // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей / Сыктывкар. гос. ун-т. Каф. коми и фин.-уг. языкозн. Сыктывкар, 2001. С. 118–125; Его же. Из истории удмуртской графики (Б. Гаврилов и Г. Верещагин) // Permistica et Uralica: Ünnepi könyv Csúcs Sándor tiszteletére. Piliscsaba, 2003. С. 96–104; Его же. Дихотомия «диалекты – литературный язык» в трудах Г. Е. Верещагина // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2004. С. 24–32; Его же. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 2004. 140 с.; Его же. К истории удмуртской графики (Б. Гаврилов и Г. Верещагин) // Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак-т удм. филологии. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. С. 125–132; Его же. Нырысетй удмурт тодосчи // Вехи истории удмуртского языковедения / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН (= Удмурт вераськетьёс 9). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. С. 115–140.
- 11. Кельмаков В. К. Первый зарубежный исследователь удмуртского языка в полевых условиях // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1991. С. 93–109; Его же. Первый зарубежный исследователь удмуртского языка в полевых условиях // Вехи истории удмуртского языковедения / Указ. изд. С. 69–112.
 - 12. См. пункт 10.
 - 13. См. пункт 8.
- 14. *Кельмаков В. К.* Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов // Венгерские ученые и пермская филология: Сб. статей / Удм. НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Устинов, 1987. С. 12–24; *Его же*. Б. Мункачи, удмуртъёс но удмурт кылос // Вехи истории удмуртского языковедения / Указ. изд. С. 169–187; *Его же*. Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов // Вехи истории удмуртского языковедения / Там же. С. 188–202.
 - 15. См. пункт 9.
- 16. *Кельмаков В. К.* Юрьё Вихманн и вопросы удмуртского языкознания // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1991. С. 10–31; *Его же*. Юрьё Вихманн и вопросы удмуртского языкознания // Вехи истории удмуртского языковедения / Указ. изд. С. 203–230.
- 17. *Кельмаков В. К.* Венгер-удмурт профессор Шандор Чучлы -60 арес // Вехи истории удмуртского языковедения / Там же. С. 405–426.
- 18. *Кельмаков В. К.* Ранние памятники удмуртской письменности в филологической науке и вузовском преподавании // Linguistica Uralica. 2008. Т. 44. № 4. С. 283; *Его жее*. Ранние памятники удмуртской письменности и современное языкознание // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: Мат-лы межрегион. науч. конф., посв. 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка «Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія

къ Знанію Пермятскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоиереемъ Теодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8-го дня». 28–29 февраля 2008 года. Пермь, 2008. С. 22.

Поступила в редакцию 17.02.2012

Ившин Леонид Михайлович,

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН г. Ижевск

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Ivshin Leonid Mihailovich,

Candidate of Science (Philology), research associate, Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финноугорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата A4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа — 2 см, сверху — 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал — одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий — 1–5 стр.; для рекламы — 0,5—1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3-5 предложений -10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте — 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт); инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной); аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество -10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail -10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример*: Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно — УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104

тел./факс: 8 (3412) 52-61-83

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 1

Под редакцией Г. В. Мерзляковой

Составители – А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова Дизайн обложки – Л. Н. Загуменова

Оригинал-макет – *Н. Ю. Юрпалова, И. В. Широбокова* (Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 25.05.2012. Печать офсетная. Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 11,55. Уч.-изд. л. 9,25. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет» 426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4. Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru